

Годъ 13-й.

Кн. L.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЪНИЕ.

Издание Этнографического Отдѣла
Императорского Общества Любителей Естествознанія,
Антropологии и Этнографии,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1901, № 3.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Предсѣдателя Отдѣла В. Ф. Миллера

и

Моварища Предсѣдателя К. А. Інгуша.

МОСКВА.

Т-во Скороп. А. А. Левашова. Комиссионеръ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Тверская, Мамоновский пер., с. д.
1901.

Печатано съ разрешения Съвета Императорскаго Общества **Любителей**
Естествознания, Антропологии и Этнографии, при Московскому **университетѣ**.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

I. Духовные стихи изъ Курской губернii. <i>M. H. Спен- ранская</i>	1
II. Сословно-поземельный вопросъ и райятская зависи- мость въ Дагестанѣ. Часть третья. Современное положе- ние крестьянъ и раять въ Дагестанѣ. <i>П. В. Ги- дулянова</i>	67
III. Свадебные обычаи и обряды и брачное право у но- выхъ армянъ Шаруро-Даралагезского уѣзда, Эриван- ской губернii. <i>Л. И. Назарькина</i>	109
IV. Смѣсь:	
Изъ народныхъ сувѣрій, примѣтъ и обычаевъ Еремѣев- ской волости, Рыбинскаго уѣзда. <i>Ив. Костоловскаго</i> . .	129
Къ литературѣ сна Богородицы.	139
V. Критика и библіографія.	
1. Отчеты о новыхъ изданіяхъ:	
Къ столѣтнему юбилею присоединенія Грузіи къ Россіи. Библіо- графич. замѣтка. <i>Н. Державина</i> (139).—И. Стешенко. Познанія И. П. Котляревскаго. 1. Котляревскій и Осиковъ. 2. Котлярев- скій въ свѣтѣ критики. <i>А. Крымскаго</i> (143).—D.-g. Fritz Schultze. Psychologie der Naturvölker. <i>А. Максимова</i> (149). —А. Г. Постъ. Зачатки государственныхъ и правовыхъ отно- шений. <i>Ею же</i> (153). Собрание малоазійскихъ надписей (Библ. за- мѣтка). <i>Ва. Г.</i> (154).—Gustav Sundbärg. Sveriges land och folk. (Швеція, страна и народъ). <i>Ею же</i> . (154).	
2. Обзоръ журналовъ и газетъ.	
3. Новости этнографической литературы.	
156	
160	

VI. Хроника:

Освящение памятника на могилѣ П. В. Шейна. — Проектъ международнаго этнографическаго указателя по этнографіи. —	
Премія имени М. И. Михельсона. — Адольфъ Ивановичъ Добранскій. — Разныя этнографическія свѣдѣнія (изъ „Hufvudstadsbladet“). <i>Вл. Г.</i>	164
Иванъ Николаевичъ Ждановъ. (<i>Некрологъ</i>)	180
Опечатакъ въ статьѣ П. Гидулянова „Сословно-поземельный вопросъ и рабітская зависимость въ Дагестанѣ“	183

VII. Объявленія объ изданіяхъ Этнографическаго Отдѣла. 184

Духовные стихи изъ Курской губернії.

Собранные мною духовные стихи по содержанию нового ничего почти не даютъ, ибо они любопытны, какъ образчикъ современаго состоянія народнаго стиха, а собранныя мною свѣдѣнія при записываніи стиховъ дадуть, можетъ быть, не лишенные интереса материалы и для уясненія условій существованія, сохраненія и, можетъ быть, даже своеобразнаго развитія духовнаго стиха въ наше время.

Прежде, чѣмъ обратиться къ самыми записанными мною стихамъ, познакомлю немного съ ихъ исполнителемъ Григорьевъ Артамоновымъ. Это не будетъ лишнимъ, какъ мы сейчасъ увидимъ. Какъ известно, напр., послѣ статьи Гильфердинга ¹⁾, наблюденій, слѣдившихъ нами лѣтъ пять назадъ въ Москвѣ надъ Рябининомъ (статья Е. А. Ляцкаго) ²⁾ и надъ вопленицей Федосовой, личность и некоторые черты жизни пѣвца сказателя являются въ нашихъ глазахъ далеко не всегда безполезными для уясненія произведенія, имъ сообщаемаго, для уясненія самого процесса той творческой работы, которую совершаеть пѣвецъ или сказатель, воспроизводя традиціонное для него содержаніе пѣсни ³⁾. Въ частности же для исторіи духовныхъ стиховъ мы находимся и въ лучшемъ положеніи, нежели по отношенію къ былинѣ: если относительно послѣдней мы по недостатку материала должны ограничиться только болѣе или менѣе правдоподобными предположеніями относительно слагателей и носителей былины въ старое время, каковы, напр., предположенія В. Ф. Миллера о скоморо-

¹⁾ Онежскія былины, предисловіе.

²⁾ Ф. О. XXIII, 125 създ.

³⁾ Ср. А. Гильфердингъ у. с. I ч., 33.

хахъ, то для духовнаго стиха мы имѣемъ передъ собою довольно опредѣленный живучій культурный типъ „калѣки перехожаго“, установленный для есьма даинаго времени въ трудахъ И. И. Срезневскаго, Н. С. Тихонравова А. Н. Пыпина¹); иначе мы о духовномъ стихѣ, какъ явленіи сравнительно съ былиной позднѣмъ, знаемъ болѣе, что касается его жизни и исполненія. Духовный стихъ болѣе специализированъ въ силу своего религознаго содержавія, своихъ исполнителей, нежели „мирская“ былина, пѣсня. Вотъ чѣо говорить А. Ф. Гильфердингъ (I ч. 15.) объ отношеніи былины и духовнаго стиха: „иѣніе былинъ... остается дѣломъ домашняго досуга людей, которымъ память и голосъ позволяютъ усвоивать „старину“. Профессиональный характеръ имѣть иѣвіе духовныхъ стиховъ, составляющее источникъ дохода для нищихъ „каликъ“ на ярмаркахъ и въ храмовые праздники; но калики не знаютъ былинъ²). Я встрѣтила только одного пѣвца по профессіи (Ивана Фепонова), который соединяетъ съ пѣніемъ духовныхъ стиховъ знаніе былинъ; но на послѣднія онъ смотрить какъ на нѣчто второстепенное, постороннее для его профессіи. Но за то почти всѣ крестьяне и крестьянки, которыхъ поютъ былины, сверхъ того знаютъ и духовные стихи, особенно про Алексея человѣка Божія, Егорія храбраго, Авику воина, царя Соломона и Голубиную книгу. Я полагаю, что эти стихи ими выше цѣняются и чаще поются, чѣмъ былины... Нищіе по профессіи „знали только духовные стихи“ (*ibid.* 17). Какъ и два вѣка назадъ, такъ и теперь духовный стихъ поютъ слѣпцы, нищіе, поютъ они его для назиданія, спасенія души своихъ слушателей; въ этомъ заключается польза (а не только удовольствіе), приносимая слѣпцомъ слушателямъ въ ихъ глазахъ; слѣпецъ, какъ поющій божественное, душеполезное, приближается по своей роли къ церковному учителю; за это онъ получаетъ милостыню; это его законный заработка. Поэтому-то, по традиціи, мѣсто слѣпца у

¹) Срезневскій, „Крута Каличъ“ (Спб. 1862); Его же, Русскіе налики древнаго времени (Зап. Ак. Н. И., 2, Спб. 1862); Тихонравовъ, Собр. соч. I, 331 слѣд.; Пыпинъ, Исторія литературы, I, 366 слѣд.

²) Тутъ повидимому у А. Ф. неточность: А. Н. Рыбниковъ записалъ рядъ былинъ отъ каликъ; калѣкъ овъ отмѣчаешь самъ (II, № 2, 3, 4), (всѣ отъ одного), 5, 6, 11 (отъ того же, что и № 2, 4), 13, 15, и т.д.), и пишетъ въ письма въ Д. А. Хомякову (*ibid.*, XIV).

церкви, поэтому-то появляется онъ большою частью тамъ, гдѣ собирается народъ по случаю церковнаго торжества. Поэтому-то, наконецъ, калика временъ киевскаго періода, по уставу, приписываемому (хотя и ошибочно) самому святыму Владимиру, калика—человѣкъ церковный; отъ этого калики идеть по традиціи и напѣтъ „калика“-слѣпецъ. Теперь „калика“-слѣпецъ все еще въ большинствѣ случаевъ не забавникъ, а носитель серьезнаго, религіознаго, божественнаго. Такъ и самъ онъ смотритъ на себя, внося въ свой репертуаръ рядомъ съ духовнымъ стихомъ и прямо одинъ изъ его источниковъ: церковное пѣснопѣніе; онъ и его исполняетъ на напѣвъ духовнаго стиха, сопровождаетъ чѣніе игрой на „лирѣ“, если таковый въ ходу въ той мѣстности, гдѣ онъ поетъ или откуда онъ вышелъ (на сѣверѣ „лиры“ въ большинствѣ случаевъ уже иѣтъ). Таковъ типъ калики-слѣпца въ нашей средѣ. Эти историческія черты калики могутъ я проявить отчасти, а отчасти и дополнить по живому экземпляру, Григорію Артамонову, съ которымъ я познакомился лѣтомъ прошлаго года въ юлѣ въ с. Капустинѣ, Курской губ., Рыльскаго уѣзда. Этотъ слѣпецъ найденъ мною въ 7—8 верстахъ въ дер. Чупахиной (теперь сельцѣ, съ тѣхъ поръ какъ построена тамъ церковь, приписанная къ сосѣднему селу Киселевкѣ) на храмовомъ празднике Одигитріи. Меня нѣсколько заинтриговала его молодость; затѣмъ я узналъ, что онъ не пришлый, а мѣстный уроженецъ, такъ сказать, произведение туземное, а это опять давало надежду почерпнуть больше фактovъ и для его языка и для характеристики здѣшней народной пѣсни, а его характеристику позволяло сдѣлать болѣе опредѣленной. И, дѣйствительно, не описбя въ выборѣ: Григорій Артамоновъ, явившійся съ поводыремъ Степкой, мальчикомъ лѣть 10-ти, черезъ день (по окончаніи праздника), оказался интереснымъ, толковымъ, а затѣмъ очень простымъ человѣкомъ. Сначала онъ какъ будто опасливо относился къ разспросамъ, какъ онъ самъ признавался потомъ, боялся, не вышло-бы чего; да и чудно ему было, по его словамъ, что баринъ заинтересовался такъ; положимъ, его звали и раньше, по его рассказамъ, въ с. Ивановское къ управляющему кн. Барятинскаго ¹⁾, заставляли пѣть и сказывать стихи, что-то записывали, да

¹⁾ Курской же губ., Льговскаго уѣзда.

такъ не допрашивали, да и не долго слушали, видно баловались, даже портретъ сияли. Это сдѣлалъ и я, да неудачно. Держаль себя Григорій просто, безъ всякой аффектаціи, рисовки, будто дѣлалъ, распѣвавъ стихи, дѣло самое обычное, удивить не стремился; уставши, самъ останавливается, закуривалъ махорочную цыгарку, затѣмъ самъ заявлялъ: дальние; видимо, по времени самъ входилъ во вкусъ пѣнія и, несмотря на мои предложения передохнуть, не хотѣлъ останавливаться; „постой, постой я еще“. Запись же я производилъ такъ: сперва подъ пѣніе старался записать, что возможно (а это, первое время особенно, не легко удавалось), затѣмъ просилъ его сказывать по стихамъ, записывая и отмѣчая разныя мелкія особенности, напр. запинки, перестановки, сохраненіе или нарушеніе стиха; наконецъ, послѣ некотораго промежутка, просилъ опять пѣть и по пѣнію провѣрялъ запись, отмѣчая уже новыя особенности. Такимъ образомъ дѣло подвигалось медленно, и не мудрено, что за два дня я записалъ только тысячу съ небольшимъ строкъ—весь духовный репетуаръ Григорія; но за то получилъ я полную довольно картину исполненія записи; одно, что не удалось мнѣ вполнѣ—это языкъ; всѣ особенности говора порознь я могъ себѣ отмѣтить, но въ каждомъ данномъ словѣ, вслѣдствіе привычки къ грамматическому письму, оттѣнки сублисти не удалось. Григорій текстъ знаетъ твердо, повторяетъ безъ большихъ измѣненій, поэтому варіантонъ, поправокъ сравнительно мало въ его пѣсняхъ; при повтореніи о своей судьбѣ и о своемъ положеніи онъ рассказалъ просто, какъ будто дѣло это самое обычное, сохранивъ при этомъ какое-то эпическое, такъ сказать, спокойствіе: будто онъ разъяснялъ не про себя, а про кого-то другого, либо пѣлъ свой стихъ. Вотъ, что рассказалъ онъ про себя: теперь ему 23 года, родомъ онъ изъ села Гломаздина (это соседнаго съ Рыльскимъ, Дмитріевскаго уѣзда; Капустино и его волость Петровская пограничная съ этимъ уѣздомъ; до Гломаздина всего 10—12 верстъ), живетъ по большей части въ дер. Малышовкѣ, недалеко отъ того же Гломаздина, гдѣ у него и надѣлъ. Ослѣпъ онъ 18 лѣтъ отъ оспы; женился онъ уже слѣпымъ, чтобы „жена мыла его, въ чистотѣ содержала, кормила“, но жена-такая-сякая—черезъ годъ его бросила. Онъ было поселился у матери, но и та его прогнала, такъ какъ сама вторично замужъ вышла. Такъ и осталось одно: идти въ слѣпцы-нищіе.

Началь онъ каличить; стихи училъ онъ по книжкамъ отчасти, главнымъ же образомъ со словъ старшихъ. Съ тѣхъ поръ онъ и ходитъ со Степкой-поморемъ, которому платить 8 рублей въ годъ, надѣль же свой отдалъ въ арендусосѣду, чтобы онъ за него платилъ поземельныя. Въ этомъ разсказѣ обратило мое вниманіе то, что онъ разучилъ стихи не только со словъ старшихъ сѣпцовъ, что въ его положеніи вполнѣ понятно, да и естественно, но также по книжкамъ; онъ мнѣ это и объяснилъ, присоединяя просьбу, чтобы и я, какъ знающій стихи (я иногда его спрашивалъ, когда онъ путалъ: не такъ-ли, моль; разспрашивалъ, знаетъ ли онъ такой или другой стихъ), написать ему книжку, а онъ бы разучилъ „хорошій“ стихъ, напр. о Голубиной книгѣ, про который онъ слыхалъ, но не знаетъ. Дѣло то оказалось вотъ въ чёмъ: онъ просить написать ему стихъ—это и есть книжка—и, ходя по деревнямъ изъ избы въ избу, гдѣ найти грамотнаго, просить ему читать, пока не заучить на память (а это происходитъ быстро: память у него, какъ можно было замѣтить, отличная, какъ и у большинства народныхъ пѣвцовъ и сказателей—условіе-необходимое при такомъ способѣ передачи, каковъ для устной словесности вообще). Музыку же, которая разнообразіемъ мотивовъ, сколько я могъ уловить, самъ не зная музыки, не отличается, подбираетъ онъ самъ ¹⁾). Судя по тону, въ которомъ передана была Артамоновымъ просьба и дано объясненіе, надо полагать, что онъ, дѣйствительно, „книжечкой“ пользовался. Изъ частностей разсказа сѣпца Артамонова стоитъ отмѣтить его заявленіе, что, помимо духовныхъ стиховъ, онъ знаетъ и пѣсни (дѣйствительно, по требованію капустинской дворни, онъ пропѣлъ и сыгралъ, „Камаринскую“, „Бычка“ и „Фому съ Еремой“, я ихъ не записывалъ); но веселыхъ пѣсень онъ пѣть не любить, считая это дѣломъ негожимъ, но поеть по необходимости, потому что не пѣть этихъ пѣсень, по его словамъ, убыточно; когда зовутъ въ деревнѣ пѣть пѣсни, то требуютъ веселыхъ и, если не пѣть, выругаютъ и изъ избы выгонять: „на то ты и сѣпецъ-нищій, долженъ народъ уважать“. Замѣтка-характерная не только для

1) Аналогичное же наблюденіе о способѣ заучивавія пѣсень, сперва словъ, параллельно съ которыми воспринимается и мотивъ, сообщаетъ Н. М. Лопатинъ. Сборникъ русскихъ лирическихъ пѣсень, (М. 1889), ч. I, стр. 3.

пѣвца, но еще больше для его слушателей. Затѣмъ, по его словамъ, слѣпцовъ-пѣвцовъ еще много въ ихъ мѣстахъ, даже есть свое домашнее производство „лиръ“, которые изготавляются саможникомъ той же Малышевки, правда, за довольно значительную сумму—пять рублей, но слѣпцы должны прятаться, потому что мѣстный становой ихъ гоняетъ и преслѣдуется: „все то вы глупости поете, только, моль, народъ смущаете“. Часть слѣпцовъ якобы уже ушла въ Сибирь: тамъ, сказываютъ, вольнѣе. Послѣднее обстоятельство объясняется повидимому не только стараніями не по разуму усердной деревенской полиціи, но и тѣмъ, что въ репертуарѣ слѣпцовъ есть пѣсни, дѣйствительно „сомнительныя“, разумѣется, въ глазахъ тѣхъ же охранителей общества отъ соблазновъ. Одну такую пѣсню, съ замѣчаніемъ, что ее пѣть не позволяютъ, пропѣлъ мнѣ, увѣрившись сперва, что за это ничего ему не будетъ, и Григорій Артамоновъ; это стихъ на смерть Александра II; этого стиха я еще коснулся; иаконецъ, для характеристики личности моего слѣпца, до извѣстной степени, можетъ быть не лишена интереса и его просьба, нельзя ли написать прошенія самому императору, чтобы становые ихъ не обижали, и вопросъ: какъ я думаю, исполнить ли царь ихъ просьбу? они де, слѣпцы, давно уже обѣ этомъ промежъ себя толкуютъ.

Что касается другихъ наблюдений, между прочимъ пришлось замѣтить слѣдующее: больше ошибокъ, запинокъ—въ большихъ стихахъ; пѣвецъ неожиданно дѣлаетъ паузу, затѣмъ вспоминаетъ стихъ, хотя и не всегда складно; но, повторяю, такихъ запинокъ сравнительно немного; и когда, ошибившись, пѣвецъ возстановляетъ стихъ варіруя, прибавивъ: „коли хочешь, можно и такъ“, чувство ритма и стиха у него несомнѣнно есть: ошибочный по построению, но не по содержанію, стихъ выправляется со стороны построенія, хотя и не всегда ¹⁾). Эти всѣ случаи мною тщательно отмѣчались.

Что касается говора пѣвца, то онъ мѣстный: сознанія формъ грамматическихъ въ сочетаніяхъ не всегда хватаетъ; отсюда путаница падежей; въ фонетикѣ обычныя особенности южно-великорусского говора: о - а вѣдь ударенія довольно часто; въ томъ же положеніи е - и, е - я; а, я - е; но ни одна особенность послѣдовательно не проходитъ; то же надо сказать о смѣшаніи у и ы. Ц.—славян-

¹⁾ Ср. вторую категорію пѣвцовъ у А. Ф. Гильфердинга 12, 4 1.

скій элементъ, присущій стиху, дающій ему окраску „божественнаго“, присутствуетъ и у нашего пѣвца, но мало и, кромѣ того, имъ уже не сознается: отсюда путаница и коверканье славянизмовъ. Книжный синтаксисъ стиховъ также не сознательный, а потому путанный. Что касается только что отмѣченныхъ недостатковъ по части грамматическихъ формъ, путаницы падежей въ рѣчи, то она оказывается сильнѣе, когда стихъ поется, и вообще въ стихѣ нежели въ разговорной рѣчи: ясно, что процессъ пѣнія, стремленіе сохранить ритмическую форму стиха отчасти отвлекаетъ вниманіе отъ соблюденія грамматической правильности. Это особенно часто совпадаетъ съ тѣми окончаніями, которыхъ въ музыкѣ протягиваются. Въ разговорѣ же рѣзкаго смѣшевія падежей, которое отмѣчаетъ въ обоянскомъ говорѣ В. И. Рѣзановъ (Р. Ф. В. 1897, стр. 36, отд. отт.), не замѣчается. Что на смѣшевіе формъ оказываются вліяніе именно указанная причины, видно изъ того, что и въ былинахъ съвера наблюдается подобное же явленіе (напр. по текстамъ Гильфердинга), хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, причина чего, повидимому, въ томъ, что былина поется речитативомъ и что языкъ былины болѣе народный, близкій къ живому, нежели языкъ духовнаго стиха, окрашенного колоритомъ старого литературнаго, славяно-русскаго языка, источника самого стиха, а потому и болѣе чуждый живой рѣчи. Эту разницу въ фонетикѣ въ пѣніи и рѣчи отмѣчали и другіе собиратели¹⁾). Остальные подробности говора отмѣчены мною въ самыхъ стихахъ.

Если добавить еще одну мелочь, именно участіе поводыря при пѣніи, то, кажется, я сообщилъ всѣ виѣшнія условія, какія могутъ замѣтить: мальчикъ, конечно, разучившій невольно вслѣдствіе своей роли поводыря, отчасти стихи своего слѣпца, при запинкѣ послѣдняго или подталкиваетъ его со словами: „ну, пой же, чего сталь?“, или самъ ему подсказываетъ.— Еще наглядный образчикъ традиціонной передачи стиха.

Не рѣшаясь обобщать цѣликомъ частный случай, каковъ несомнѣнно наблюденный мною, я бы хотѣлъ отмѣтить, подчеркнуть нѣкоторыя частности, имѣя въ виду другіе случаи и общія наблюденія надъ жизнью народной пѣсни со стороны ея *modus'a vivendi*. Эти общія наблюденія отчасти подтверждаются и нашимъ слу-

¹⁾ См. „Живая Старина“, 1900, III, 435.

чаемъ. Другой рядъ наблюдений даетъ непосредственное изучение текстовъ, записанныхъ мною. Сначала о репертуарѣ слѣпца: въ отличіе отъ специалистовъ по духовнымъ стихамъ старыхъ слѣпцовъ, нашъ уже расширилъ его, принявъ подъ влияніемъ обстоятельствъ и свѣтскія пѣсни. Это расширение репертуара и именно въ эту сторону, показывая съ одной стороны уже ослабление прежняго серьезнаго воззрѣнія на духовный стихъ и въ частности на его исполнителя: у слушателей, характеризуетъ ослабленіе традиціи ея у самого пѣвца во взглядѣ на самого себя: если нашъ Григорій Артамоновъ и не любить свѣтскихъ пѣсенъ, онъ все таки ихъ поетъ, потому что это выгодно для него, его ремесло даетъ ему при этомъ условіи больше заработка. Старый калинка высоко пѣнилъ свое занятіе, м. б. видѣль въ немъ общественную заслугу свою, смотрѣль на себя съ уваженіемъ. Припомнить, напр., приведенное мною раньше наблюденіе Гильфердинга на счетъ профессионального пѣвца духовныхъ стиховъ Ивана Фепонова. Пѣніе духовныхъ стиховъ у нашего пѣвца приблизилось уже болѣе къ представлению о ремеслѣ, дающемъ кусокъ хлѣба, и идеальная сторона пѣнія отступаетъ на второй планъ. Что это явленіе общее, подтверждаютъ и другія наблюденія: слышанные мною слѣпцы-пѣсениники по ту сторону Днѣпра за Кіевомъ прямо смотрѣли на себя, какъ на людей, на обязанности которыхъ потешать публику: они и начинали свое пѣніе, безъ приглашенія и закала, прямо съ веселыхъ пѣсенъ, въ родѣ вновь сложенной пѣсни о земскихъ начальникахъ и о земскихъ низшихъ чинахъ (ппсарь, староста), пѣсни, записанной мною позапрошлѣ лѣто, при томъ довольно уже сатирическаго характера. Пѣвецъ, пѣвшій эту пѣсню, неохотно пѣлъ духовныя, да изъ нихъ онъ зналъ только общеизвѣстный стихъ о рождествѣ, а больше ему знакомы были церковныя пѣснопѣнія съ путаницей словъ и мотивовъ. Такой же, уже расширенный репертуаръ находимъ уже и въ Бѣлоруссіи, по словамъ А. Е. Грузинскаго. (Десять чтеній, 19). Подобно нашему слѣпцу и Бѣлорусскій знаетъ Фому и Ерему и рекрутскую пѣсню. Наблюденія надъ пѣсней на сѣверѣ констатируютъ тоже расширение специализаціи: пѣвцы духовныхъ стиховъ все чаще и чаще вводятъ въ свой репертуаръ былину, пѣсню¹⁾). Выводъ изъ ска-

¹⁾ Такъ Рыбниковъ записалъ рядъ былинъ отъ калинъ (см. выше, прим.).

занного ясенъ: паденіе интереса къ духовному стиху, какъ таковому, замѣчается въ слушателяхъ, ихъ вкусъ требуетъ интереснаго веселаго даже отъ убогаго калики, и калика въ интересахъ заработка идеть навстрѣчу этому желанію, становясь изъ лица полу-духовнаго въ рядъ простыхъ пѣсеннниковъ увеселителей: старый калика и старый скоморохъ забавникъ, пѣвшій былины, старины, сближаются въ современномъ пѣвецѣ духовнаго стиха, слѣпцѣ, подъ давленіемъ новыхъ вкусовъ или, лучше сказать, подъ давленіемъ утраты прежнаго чутья къ поэзіи у слушателей.

Затѣмъ, мнѣ кажется, не лишнее будетъ обратить вниманіе на способъ усвоенія новыхъ стиховъ каликой. Традиціонный способъ устной передачи нѣсколько расширяется путемъ письменной „книжки“ нашего Артамонова. Изъ древнаго времени и даже изъ болѣе къ намъ близкаго, у собирателей стиховъ, мнѣ не приходило съ встрѣчаться съ подобнымъ яснымъ указаніемъ на процессъ усвоенія стиховъ при помощи книжки¹⁾). Какъ извѣстно, собравія духовныхъ стиховъ, попадавшихъ въ наши научные сборники, составлялись до сихъ поръ изъ двухъ источниковъ: изъ записей, сдѣланныхъ собирателями съ голоса, какъ это сдѣлалъ и я, и изъ старинныхъ (рѣдко, впрочемъ, XVII, чаще же XVIII-го вѣка) сборничковъ рукописныхъ, большою частью содержащихъ такъ называемые „псалмы“, т. е. стихи, загѣдомо книжнаго, большою частью учевиковъ духовныхъ школъ производства²⁾). Таковъ типичный составъ огромнаго собранія духовныхъ стиховъ, редактированныхъ Безсоновымъ, „Калѣки перехожіе“. Между этими стихами въ рукописныхъ тетрадкахъ (ихъ не мало, напр., въ числѣ рукописей Тверскаго музея, въ собраніи Н. С. Тихонравова) попадаются и народные, попадаются и намъ извѣстны сборники и другихъ произведеній народной словесности, каковы былины,

1) Что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ исключительнымъ явленіемъ, видно изъ замѣтки Н. Кашина, сообщающаго въ недавно вышедшей книжкѣ Э. О. ХІІ, стр. 139, любопытный, аналогичный до нѣкоторой степени фактъ: Петровъ, пѣвшій пѣсю объ Александрѣ II (я си коснусь ниже) пояснялъ между прочимъ, что есть книжки, въ которыхъ все содержаніе пѣсни подробно и хорошо разсказано. Или же это извѣстіе г. Кашина должно быть понимаемо въ смыслѣ указанія на книжный источникъ данной пѣсни, какъ полагаетъ г. Кашинъ.

2) Ср. Житецкій, Мысли о малорусскихъ думахъ. (Кievъ, 1893), стр. 57—58.

напр. знаменитый сборникъ Карши Данилова, гдѣ есть въ рукописи (но не въ печатномъ изданіи Калайдовича) даже старый стихъ о Голубиной книгѣ и другіе¹⁾, таковы же тетрадки конца XVII и XVIII в., по которымъ были изданы былины „старой записи“ Миллеромъ и Тихонравовымъ²⁾). Въ этихъ случаяхъ всегда предполагается „запись“, т. е. стихъ, былина изъ устнаго обихода переходить въ книжку, нигдѣ же мы не находимъ яснаго, даже неяснаго указанія, чтобы стихъ переходилъ изъ книжки въ устное преданіе, если не считать намековъ извѣстнаго эпизода изъ Голубиной книги, изъ которой, и то по памяти, передаетъ царь Давидъ Ессеевичъ о тайнахъ мірозданія³⁾), да и этотъ эпизодъ идетъ чуть ли не изъ книжнаго источника стиха—изъ Епистоліи о недѣлѣ или Іерусалимской бесѣды старого времени. Подобный же намекъ, пожалуй, можно видѣть и въ пѣсняхъ людей Божіихъ.

Дайте книгу Родословъ,
Прочитаетъ Богословъ.

Но, кажется, правильнѣе будетъ видѣть здѣсь съ Тихонравовымъ⁴⁾ намекъ не на книжное происхожденіе самого стиха, а на книжную его перелачу въ репертуаръ устнаго сказателя. Въ разсказѣ Артамонова мы узнаемъ впервые объ обратномъ переходѣ, изъ книжки, въ оскудѣвающій репертуаръ слѣпца стиховъ новыхъ. Это, однако, случай не исключительный: съ подобной же просьбой—написать стишокъ хорошій для разучиванья—предложенной мнѣ Артамоновымъ, обращался въ Бѣлоруссіи одинъ изъ слѣпцовъ, по-бѣлорусски „старцовъ“, къ моему товарищу А. Е. Грузинскому, также записавшему стихи въ Лоевѣ Минской

1) Древнія россійскія стихотворенія, изд. 3-е (М. 1878), стр. XVI, прим.

2) Былины старой и новой записи (М. 1894) стр., 71 и слѣд.

3) А ты гой еси, сударь, премудрый Ты прочти книгу Голубиную,
царь, Раскажи, сударь, намъ про бѣлый
Премудрый царь, Давыдъ Евсеевичъ! свѣтъ...

Давидъ отвѣчаетъ:

А читать книгу—её нѣкому. А сама книга въ распечаталась, Слова Божіи прочитались.	Я скажу, братцы, да по памяти, Я по памяти, якъ по грамоти. (Бесоновъ, „Калѣки“, № 78).
---	---

4) Н. С. Тихонравовъ, Собр. соч. I, 337 слѣд.

губернії¹⁾). Ясное дѣло, что въ такого рода просьбѣ мы въ правѣ предполагать уже прогрессъ въ методѣ передачи стиховъ: на помощь оскудѣвающей традиціи устной передачи является книжка хотя бы и старая, рукописная, которая все болѣе и болѣе съ развитіемъ грамотности пріобрѣтаетъ довѣріе, становится все необходище и необходище въ быту: слѣпой калика уже оцѣнивъ ее въ примѣненіи даже къ своему традиціонному мастерству. Разъ дѣло обстоитъ такъ, полагаю, не будетъ большой смѣлостью зачислить и слѣпца, существующаго для удовлетворенія духовныхъ потребностей массы, зачислить въ число полезныхъ дѣятелей въ просвѣщеніи народа: направленный умъ популярный слѣпецъ можетъ явиться хорошимъ проводникомъ полезныхъ и здоровыхъ идей въ массу въ родѣ странствующаго учителя. Поэтому гнать, отталкивать слѣпца не слѣдовало бы, а наоборотъ слѣдуетъ его поддержать, направляя въ желанную сторону постепенно его дѣятельность. Какъ видно изъ репертуара слѣпцовъ, они не чужды современности, вопросовъ настоящаго времени и легко могутъ быть проводниками разумного и эстетичнаго развитія массы, какъ люди близко стоящіе къ этой массѣ, часто даже ближе, нежели наши учителя народныхъ школъ, при томъ, какъ люди, пользующіеся, несомнѣнно, довѣріемъ этого народа.

Перехожу непосредственно къ собраннымъ мною пѣснямъ. Всего, какъ я сказалъ, сообщилъ мнѣ Артамоновъ болѣе тысячи стиховъ. Къ этой тысячѣ строкъ не относится сказаніе о 12 пятницахъ, которое онъ мнѣ рассказалъ. Стихи же эти слѣдующіе.

- 1) Христе Царю (о страстяхъ Христовыхъ)—31 ст.
- 2) Родъ Еврейскій (распятіе и плачъ Богородицы)—20 ст.
- 3) Егорій Храбрый—187 ст.
- 4) Александръ II—77 ст.
- 5) Алексѣй, Божій человѣкъ—380 ст.
- 6) Два Лазаря—160 ст.

1) Кстати будеть вспомнить, что вѣсколько аналогичный, но всякомъ случаѣ замѣчательный, фактъ перехода пѣсни изъ книги въ устную передачу, отмѣченъ былъ и по отношенію къ былинѣ А. Ф. Гильфердингомъ: я имѣю въ виду сербскую пѣсню про Іово и Мару въ переводѣ Н. Щербины, попавшую изъ его „Пчелы“ въ репертуаръ былинѣ Матрены Меньшиковой (12, 20). Но это пова случай исключительный и ижесть въ силу положенія былины пониженой смыслъ.

- 7) Михаилъ Архангель (страшный судъ)—61 ст.
- 8) Иной стихъ о томъ же.—52 ст.
- 9) Плачъ Іосифа Прекраснаго.—26 ст.
- 10) Рождество Христово.—16 ст.
- 11) Сонъ Богородицы.—78 ст.
- 12) Иже Христосъ Богъ нашъ (распятіе).—14 ст.

Всего стало-быть двѣнадцать номеровъ, съ „двѣнадцатью пять-вницами“—тринацдцать. Изъ этихъ стиховъ одинъ весьма почтенного размѣра—объ Алексѣѣ—360 строкъ, два—Егорій и два Лазаря—средняго, одинъ 160, другой 187 стиховъ, остальные мелкіе отъ 76 до 14 стиховъ. Считать ли репертуаръ Григорія Артамонова выдающимся по объему или нѣтъ, сказать трудно, потому что, въ противоположность собирателямъ былинъ, послѣ А. Ф. Гильфердинга, ставшаго удѣлять не мало вниманія личности пѣвца и его репертуару, собиратели духовныхъ стиховъ обращали главное вниманіе на самый стихъ, удѣляя слишкомъ мало его самому слѣпцу. Поэтому даже въ лучшихъ по текстамъ и наиболѣе полныхъ сборникахъ, каковы Варенцова, Безсонова, отмѣчается далеко даже не всегда, отъ кого записанъ стихъ, стихи располагаются по содержанію, а не по пѣвцамъ¹⁾, а замѣтки о самихъ пѣвцахъ отсутствуютъ. Эта небрежность, скорѣе всего, находитъ объясненіе въ томъ, что до сихъ поръ духовный стихъ, какъ попадающійся часто сравнительно съ былиной, не былъ предметомъ такой заботливости, какъ она: исчезающая былина цѣнится и на ученомъ рынкѣ выше довольно обыкновенного духовнаго стиха²⁾. Насколько это справедливо, ясно изъ сказаннаго мною раньше: если былина, дѣйствительно, цѣнна, какъ выраженіе поэтическаго настроенія массы, то отсюда не будетъ вытекать сравнительная безцѣнность стиха, такого же выраженія поэтическаго же настроенія, но въ иной области мысли и чувства: *suum cuique*. И къ духовному стиху, при теперешнихъ требованіяхъ науки, долженъ быть примѣненъ тотъ же методъ, что къ собиранію памятниковъ устной словесности вообще, разъ мы поставимъ культурно-психо-

¹⁾ Ср. А. Ф. Гильфердингъ, ц. с. I, 233.

²⁾ Ср. Квашнина-Самаркина. О былинахъ въ сборникахъ И. С. Ефименка (Труды Этногр. Отд. Люб. Естеств. Актроп. и Этногр., кн. V, вып. 2 (1878), стр. 1).

логическую цѣль нашему изученію. А съ этой точки зрѣнія важно не только содержаніе произведенія, но и личность поэта, въ частности его репертуаръ, какъ выраженіе его таланта, интересовъ, т. е. „полное собраніе сочиненій“, если такъ можно условно выразиться. Нѣкоторый матеріалъ, довольно, вирочемъ, ограниченный и не особенно точный, даютъ существующія собранія духовныхъ стиховъ для приложенія и къ нимъ того же метода, что и къ былинѣ: огромный сборникъ Безсонова „Калъки перехожіе“ даетъ возможность до нѣкоторой степени представить себѣ репертуаръ отдельныхъ пѣвцовъ духовнаго стиха, говорю: „до нѣкоторой степени“, потому что, если редакторъ въ стихахъ, имъ записанныхъ (большая часть идетъ отъ Кирѣевскаго, Якушкина и другихъ собирателей, частью же изъ записей старшаго времени, собраній рукописныхъ канть), если онъ въ этикѣ стихахъ обозначилъ имя пѣвца и мѣстность, гдѣ записанъ стихъ, то въ своихъ широковѣщательныхъ некритичныхъ предисловіяхъ и послѣдовіяхъ онъ никогда не сообщасть (не говоря уже о подробностяхъ касательно личности пѣвца, хотя это и обѣщаеть въ предисловіи къ I-му выпуску) о томъ, въ какой степени онъ исчерпалъ репертуаръ своихъ пѣвцовъ, какъ это сообщали Гильфердингъ и Рыбниковъ: у первого размѣщеніе по пѣвцамъ дѣлаетъ необходимымъ и яснымъ это требованіе, второй (II, стр. XII) прямо заявлялъ, что у такихъ-то пѣвцовъ онъ записалъ „рѣшительно все“, а у Бутылки (фамилія пѣвца) многаго записать не успѣлъ. Но относительно П. А. Безсонова скорѣе можно полагать, что вопросомъ о репертуарѣ онъ не интересовался: по плану его издавія, по присутствію „сводныхъ“ стиховъ видно, что онъ стремился къ полнотѣ содерянія, и стихъ, не дававшій ему новыхъ подробностей сравнительно съ положеннымъ въ основу (онъ его и печатаетъ первымъ въ группѣ одвородныхъ, считая его „лучшимъ“ по сохранности), въ изданіе не включался. Всетаки, не смотря на это, я бы ослабилъ нѣсколько категорическій упрекъ Н. С. Тихонравова Безсонову, что послѣдній не различаетъ даже канть отъ стиховъ¹⁾. Вниманіе Безсонова къ происхожденію стиха въ его собраніи (изъ чужой записи съ голоса, или изъ книжки или рукописи) сказалось въ обозначеніи всякой разъ, откуда взятъ этотъ или другой стихъ,

¹⁾ Рецензія въ Отчетѣ о 33 присужденіи Демидовскихъ премій, стр. 203, 223.

показываетъ, что Безсоновъ все-таки различалъ стихъ книжный и устный. Въ послѣдней категоріи онъ отмѣчалъ и пѣвца, кото-
рого онъ самъ слышалъ или имя которого нашелъ въ своемъ ма-
теріалѣ (таковы были, повидимому, аккуратныя записи Отто изъ
Валдайскаго уѣзда, перешедшія къ Безсонову)¹⁾. Выбравши за
основанія этихъ помѣтъ стихи, записанные отъ извѣстнаго пѣвца,
мы получимъ *какое-то понятіе* о репертуарѣ каждого изъ нихъ;
конечно, мы этого репертуарѣ не будемъ, въ силу сказаннаго, счи-
тать безусловно полнымъ; но и въ этомъ видѣ репертуаръ гѣв-
цовъ, вошедшихъ въ „Калѣки перехожіе“, дастъ кое-какія любо-
пытныя, хотя и приблизительно только опредѣленныя наблюденія,
особенно если мы сопоставимъ репертуаръ слѣпца съ репертуа-
ромъ бывшаго пѣвца, извѣстнымъ намъ, благодаря методу Гиль-
фердинга, вполнѣ точно. Я такъ и сдѣлалъ: выбралъ репертуаръ
отдельныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ изъ „Калѣкъ перехожихъ“; ре-
зультаты этой работы убѣдили меня въ томъ, что Безсоновъ въ
этомъ отношеніи былъ, повидимому, исправнѣе, чѣмъ въ другихъ:
онъ, повидимому, дорожилъ устнымъ стихомъ и старался напечатать
такой стихъ, а не выкидывать, разъ была хоть какая-нибудь
для этого возможность; въ этомъ убѣждаетъ меня то обстоятель-
ство, что, не имѣя въ мысляхъ представить репертуаръ того или
иного пѣвца, Безсоновъ тѣмъ не менѣе напечаталъ приблизительно
одинаковое число стиховъ каждого изъ своихъ живыхъ источни-
ковъ; едва-ли это случайность: число стиховъ отъ каждого кол-
еблется между 9 и 12, одинъ даль 6, двое 3—4. Приблизительно
тѣ же цифры и тѣ же колебанія дали Гильфердингу его бывшіе
пѣвцы и пѣвицы (если не считать, разумѣется, такихъ выходя-
щихъ изъ ряда дарованій, какъ Калининъ, Прохоровъ, Рябининъ,
Щеголенокъ). Это убѣждаетъ меня въ томъ, что, сочтя изданныя
Безсоновымъ записи отъ пѣвцовъ довольно близко выражющими
ихъ репертуаръ, я не сдѣлаю большой ошибки. А составъ этого
репертуара по содержанію, какъ мы увидимъ, не противорѣчить
наблюденіямъ надъ репертуаромъ „каликъ“ вообще, сдѣланнымъ
тѣмъ же Гильфердингомъ и Варенцовымъ. Послѣ этихъ предва-
рительныхъ соображеній, по моему необходимыхъ, мы можемъ сдѣ-
лать сопоставленіе нашего пѣвца съ его старшими товарищами въ

¹⁾ Предисловіе къ первому выпуску.

безсоновскомъ сборникѣ. Изъ 10 пѣвцовъ и пѣвницъ у Безсонова пятеро оказались знающими 9—12 стиховъ, одна 6, одинъ 4, одинъ 3, двое по два стиха¹⁾; судя такимъ образомъ, по числу сюжетовъ—стиховъ, нашъ Артамоновъ будетъ принадлежать къ числу довольно богатыхъ по репертуару пѣвцовъ: у него 12 стиховъ, тринадцатое—апокрифическое сказаніе о пятницахъ. Такое же количество, конечно, приблизительно даютъ и пѣвцы былинъ: ясно, что такое количество сюжетовъ вмѣстѣ съ ихъ стихотворной формой подъ силу среднему пѣвцу, устно передающему свои произведенія: большее же количество указывается не только на дарование и способность пѣвца, но на дарование, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ въ средѣ носителей устной литературы²⁾. Но если обратимся къ объему былинъ и духовныхъ стиховъ, то увидимъ сейчасъ же, что дѣло былинного сказателя требуетъ гораздо большей и лучшей памяти, нежели дѣло слѣпца калики: при одинаковомъ почти количествѣ сюжетовъ мы сразу замѣтимъ, что былина въ общемъ гораздо больше по объему, нежели духовной стихъ: между послѣдними наиболѣе обширными приходится считать стихи: о Голубиной книгѣ, число стиховъ въ которой колеблятся между 150 и 250 въ наиболѣе полныхъ ея спискахъ, стихъ о Егоріи Храбромъ (150—180 и 290), Феодорѣ Тиронѣ (120—220 ст.), Дмитріи Солунскомъ (230 ст.), Алексѣѣ—Божьемъ чловѣкѣ (280—380), о Страшномъ судѣ (150—270 ст.)³⁾, т. е.

¹⁾ Именно 1) *Дюдюкинъ* (Сакарево, Моск. губ.) 12. 2) *Лукерія* (Кислое, Смол. губ.) 12 (прочемъ, при четырехъ стихахъ у Безсонова помѣта „рукоп. Лукер.“ стихи, записанные Лукеріей, но не сказаво, чужie ли ова записала, или свои). 3) *Теленковъ* (Куднево, Орлов. губ.) 11. 4) *Бородинъ* (Мцевскъ) 10. 5) *Ларіонъ* (Боръ, Вадайск. у.) 8. 6) *Прасковья* (Можайск. у.) 6. 7) *Доржевниковъ* (Каменка, Тульск. г.) 4. 8) *Рыпчинскій* (Орлов. губ. Болх. у.) 3. 9) *Антонъ* (Боръ, Вад. у.) 2. 10) *Онисимъ* (Осташковъ) 2. 11) *Антина* (Вокшино, Серп. у.) 2.

²⁾ По отвѣщенію къ былинамъ я по Гильфердингу произвелъ такого рода подсчетъ: изъ числа 35 пѣвцовъ и пѣвницъ болѣе 10 былинъ знаютъ четверо; 7—8 былинъ шестеро; 6 былинъ шестеро; 5 былинъ трое; 4—3 быливы восемьеро, двѣ—четверо, наконецъ по одной также четверо.

³⁾ По Безсонову: Голубинак. № 76—88, Егорій №№ 98—108, Феодоръ №№ 122—125, Дмитрій № 133, Страшный Судъ №№ 503—506; Алексѣй, стр. 218—238 по Варенцову или нашъ у Артамонова (см. выше). Разумѣется, „сводные“ стихи, какъ не существующіе на дѣлѣ, имено въ разсчетъ не принимаются.

на кругъ самые обширные духовные стихи надо считать 200—300 строкъ; большинство же стиховъ гораздо меньше, отъ 10 до 50, 60. Между былинами же, по подобному разсчету, мы должны счесть самую короткую строку отъ 100 до 120, среднюю 200—400, большую 800—1000 строкъ; былины же меньше 100 строкъ рѣдки, а если есть, то отрывочные; при этомъ не слѣдуетъ забывать, что трудность запоминанія былины увеличивается сводными былинами, т. е. такими, которые соединяютъ въ одно нѣсколько сюжетовъ (напр. былины обѣ Ильѣ, Потокѣ, Добрынѣ, Вольгѣ и Микулѣ¹⁾). Если же мы присмотримся повнимательнѣе къ „старинамъ“ со стороны ихъ содержанія, то и въ этомъ отношеніи замѣтимъ нѣкоторое соотношеніе между сюжетомъ и объемомъ былины; если мы обратимъ вниманіе съ одной стороны на старую былину, т. е. былину киевскую и вообще южную по происхожденію, каковы былины обѣ Ильѣ, Добрынѣ, Потокѣ, Дунаѣ, Чурилѣ, Дюкѣ, и старую новгородскую (Садко, Буслаевъ) и на позднюю сузальско-московскую, каковы такъ называемыя „историческія“ пѣсни о Татарщинѣ, Грозномъ, Ермакѣ, взятіи Казаніи и т. д., то замѣтимъ, что старшая былина по объему будетъ обширнѣе, даже если она не циклическая, сводная у пѣвца, нежели поздняя, если даже удалимъ изъ нея такъ называемыя „повторенія общихъ мѣстъ“. Конечно, это наблюденіе безусловно точнымъ считать нельзя, имѣя въ виду, что много былинъ передается въ силу индивидуальныхъ свойствъ пѣвца или сокращенно, или отрывочно, потому что сказатель уже забылъ часть своей былины или не мастеръ въ композиціи. Это наблюденіе, конечно, будетъ правильно главнымъ образомъ для лучшихъ, наиболѣе талантливыхъ, а потому болѣе памятныхъ пѣвцовъ и лучше сохраняющихъ старую традицію; оно точнѣе всего формулируется такъ: въ общемъ въ числѣ былинъ старшаго времени по происхожденію чаще будутъ встречаться былины обширныя, нежели короткія, а въ средѣ былинъ младшаго времени, наоборотъ, преобладать будутъ старины короткія надъ обширными. Или же такъ: большія и среднія по объему былины будутъ приходиться чаще на старыя „старины“, меньшія на младшія „старины“.

¹⁾ Если разложить сводную былину, то придется ея части вачислить въ число среднихъ или малыхъ былинъ, но тогда число былинъ у каждого пѣвца значительно увеличится. Соотношеніе къ духовному стиху останется въ силѣ.

Въ этомъ мы убѣдимся путемъ наблюденія надъ объемомъ „старинъ“ старшаго времени сравнительно съ былинами младшаго, если возьмемъ среднюю величину каждой отдельной былины на отдельный сюжетъ. Не говоря уже о томъ, что въ такъ называемыхъ историческихъ пѣсняхъ мы не встрѣтимъ по объему равныхъ былинъ о Добрынѣ и Алешѣ или Добрынѣ и Казимирѣ, обнимающимъ первая 1090 стиховъ, вторая 1020, мы не найдемъ среди нихъ и близко подходящихъ по объему къ былинамъ средней величины: самая крупная „старинка“ о Грозномъ въ среднемъ занимаетъ только стиховъ 170—180 въ общемъ, тогда какъ средняя цифра для былинъ о Потокѣ Михайловичѣ выражается цифрой 480—500; самая малая былина — о Вольгѣ и Микулѣ — обнимаетъ 100—110 стиховъ въ среднемъ, а пѣсня о Григоріи Отрецьевѣ только 40—45, при чемъ мы встрѣчаемъ между поздними пѣснями (Король Пруссій) даже пѣсни въ 20 строкахъ¹⁾). Въ средѣ же историческихъ пѣснъ не лишено интереса отмѣтить преобладаніе сравнительно краткихъ и даже весьма краткихъ стихотвореній и сравнительно небольшое ихъ численное количество: если былины о Грозномъ еще приближаются къ средней и малой старой былинѣ, то пѣсни

1) Для наглядности присоединяю табличку съ указаніемъ среднаго числа стиховъ, полученнаго мною по былинамъ Гильфердинга, при чемъ указываю также самую краткую и самую полную былину (не считая скомканаго или безъ конца, который забылъ скавитель): Потокъ 480—500 (284—1129), Дукъ 430—450 (111—642), Садко 400—390 (115—601), Добрыня и змѣй 350—400 (336—589), Илья и Калинъ 330—340 (160—615), Дувай 290—300 (177—452), Добрыня и Алеша 250—300 (147—1090), Ставерь 250—280 (192—371), Илья и Соловей 220—230 (107—471), Василій Вуслаевъ 200 (144—260), Вольга 200 (195—205), Соловей Будимировичъ 190—180 (114—285), Илья и сынъ 160—180 (106—338), Илья и Идолище 140—160 (107—274), Королевичъ изъ Кракова 140—150 (118—306), Хотень Блудовичъ 140—150 (109—182), Чурило (смерть) 140—150 (93—175), Повѣдки Ильи 120—130 (113—153), Добрыня и Марина 110—120 (64—153), Вольга и Микула 100—110 (51—184), Грозный 170—180 (110—290), Навзѣдь Литвы 160—170 (138—198), [Батыга 150—160 (49—265)], Аедотья Ризанка 140, [Ермакъ 130—140 (36—185)], Кострюкъ 100—110 (98—127), Азовъ 75—80 (60—92), Щелкать 70—80 (37—95), Земскій соборъ 70—75 (69—83) Сиониевъ 70, Петръ Великій 60, Отрецьевъ 40—45 (30—68), Стенька Разинъ 40—45, Шведская война 30—40, Взятие Казани 30—40, Король Пруссій 20. Пѣсни о Батыгѣ, какъ представляющія передѣлку былинъ обѣ Ильѣ, и Ермакѣ, также созданный на основахъ подобныхъ же былинъ обѣ Ильѣ, считаю не характерными для данного случая и любопытными въ иномъ отношеніи.

о Щелканѣ, Скопинѣ, рѣдко, даже въ наиболѣе обширныхъ пересказахъ, заходить за предѣлы малой былины старшаго происхожденія; если мы можемъ насчитать отъ 35—40 сюжетовъ для былинъ старшаго времени, дожившихъ до нашихъ дней (Миллеръ, Вс., Очерки, 83), то для позднихъ былинъ мы найдемъ уже гораздо меньшіе (отъ 15—20). При этомъ нельзя не отмѣтить и слѣдующаго: нѣкоторые сюжеты историческихъ пѣсенъ (Батыга, Ермакъ) представляютъ изъ себя ясное приспособленіе старой темы къ позднимъ событиямъ. Наконецъ, нельзя не замѣтить нѣкоторой связи между историческимъ событиемъ и объемомъ этой исторической пѣсни: чѣмъ позднѣе событие, тѣмъ въ большинствѣ случаевъ будетъ и короче пѣсня; конечно она будетъ, разумѣется, короче старой „старинки“. Эти общія наблюденія надъ былиной даютъ нѣкоторое право предполагать, что старая былина, перешедшая съ юга на сѣверъ или зародившаяся на сѣверѣ, дала происхожденіе поздней былинѣ (исторической пѣснѣ) тогда, когда былинное творчество вообще стало уже менѣе интенсивно: сюжеты Московскаго и, можетъ быть, даже московско-суздальскаго времени не могли уже излагаться въ такомъ обширномъ видѣ, какъ старшая былина; иначе: творчество уже ослабѣвало по части созданія былины, какъ въ смыслѣ объема, такъ и числа входящихъ въ обработку сюжетовъ. Расцвѣтъ же исторической пѣсни приблизительно надо относить къ XVI вѣку (Грозный, Ермакъ), но и тогда уже творчество въ этой области иногда оказывалось слабымъ настолько, что прибѣгало къ перелицовкѣ старого репертуара на новый ладъ, какова былина о Ермакѣ, и чѣмъ позднѣе, тѣмъ объемъ пѣсни все короче и короче.

Духовный стихъ, какъ известно, точно также въ это время получаетъ свое развитіе: конецъ XV—XVII в.—время созданія стиха въ той формѣ, какъ мы его знаемъ теперь. А это хронологическое опредѣленіе вполнѣ подтверждается и объемомъ нашего духовнаго стиха, поскольку этотъ объемъ выражаетъ степень творческой силы: нашъ духовный стихъ, живущій тою же жизнью, что и былина, въ самыхъ крупныхъ своихъ представителяхъ едва достигаетъ объема средней, а чаще малой былины. Еще въ одномъ отношеніи можно намѣтить аналогію между былиной и духовнымъ стихомъ, именно въ особенностияхъ стиха: въ позднихъ духовныхъ стихахъ, перешедшихъ въ устную передачу изъ кантовъ и псальмъ, можно замѣтить вліяніе школьнаго виршъ въ видѣ стремленія сохра-

нить не только славянизмы условного школьного языка стихотворения, но и риэму, хотя, разумеется, далеко не последовательно, напр.

Жиды сочтъ соторжаніи
И они думали-гадали,
И хотать Христа-Бога поймать,
И во смерти Его предати.
Гуда живамъ и тбчиль,
Да самъ и прорѣчишъ и т. д. 1)

Это же влияние книжной риомованной поэзии, которое может быть понято въ духовномъ стихѣ, тѣсно связаннымъ съ книжной литературой и возникавшемъ преимущественно въ связи со школой, это же явленіе находимъ и на съверѣ, гдѣ школьная лирика далеко не могла такъ далеко простирать свое влияніе, какъ южнѣе, и въ исторической пѣснѣ, которую поетъ тотъ же сказитель, что и старую былину; если здѣсь мы найдемъ еще меныше послѣдовательности въ стремлениіи къ риомѣ, то во всякомъ случаѣ должны будемъ замѣтить, что тяготѣніе къ созвучію въ концѣ стиха, весьма близкому уже къ риомѣ, чѣмъ позднѣе, тѣмъ становится замѣтнѣе; его не чужда и старая былина, но здѣсь она не бросается такъ въ глаза, и примѣры его довольно ограниченны, не пестрятъ такъ былину, какъ въ болѣе позднихъ „старинкахъ“; это большею частью „эпическая“ тавтологія, усиливающаяся, какъ повтореніе съ небольшимъ новымъ оттенкомъ, первый членъ повторенія; напр.

126. Тутъ то Добрый запручинился,
Тутъ то Добрый запечалился.
Онъ приходить Добрый во свой
домъ,
Онъ садился на брусову нову
лавочку,

Отвѣтъ держалъ Добрыня къ родной матушкѣ:

- Не объ чёмы я Добрый не кручнуси
 - Не объ чёмы я Добрый не печалуюсь.
 - Только дай-ко мнъ-ка, матушка, прощеньице

140. — Только дай-ко мнъ благословеньице...

Гильфердингъ (№ 64).

Далѣе въ той же былинѣ мы не найдемъ уже такой группировки созвучій въ концѣ. Если же мы возьмемъ позднюю былину или пѣсню, то, кромѣ иного построенія стиха, уже болѣе короткаго, искали въ старой былинѣ, замѣтимъ тяготѣніе къ созвучнымъ

¹⁾ Калъки, IV, 199 (№ 372).

окончаниемъ, довольно рѣшительное у пѣвца. Если въ былинѣ о Кострюкѣ (№ 24) еще не такъ бросается въ глаза пристрастіе къ созвучіямъ, то все же не обратить на него вниманія нельзя:

Въ той было столичѣ,
Въ дальнему грамичѣ
Была польница та крымская,
Царица татарская	Съ Кострюкомъ-то поборотися
Съ удалымъ попытатися,
Съ плеча да богатырскаго
5. Съ Кострюкомъ пріуились,
Съ молодымъ сговарились	29. Съ личи-то молодецкаго.
.....
Вхать въ царство русійское	32. Еще есть у меня борцы на дворци
8. Государство московское	Ай удали добры молодцы,
Съ Кострюкомъ-то попытатися
	Съ молодымъ постѣдати
16. Чтобъ цалаты онь разглаживаль,
А ёнъ зѣты-ты наложиваль,	А и плеча да богатырскаго,
39. А личи его да молодецкаго.
А ёнъ пинья-ты да пристанавливаль,	
	44. И не боятся есть не борются,
24. Есть ли борцы на дворци,
Да удали добры молодцы	45. Одной кашки есть напорются.

Такое же стремленіе замѣтно, напр. и въ пѣснѣ о князѣ Михайловѣ (№ 299), которая начинается прямо риѳмованной пословицей:

Женился— не спросился,
Повѣнчался— не сказался.	
Далъе: Его матушка родима	
Скоро съ двора проводила,	
Парку баенку топила	
Князь Михайло прослезился,	
Въ Онегушко бросился...	

Въ пѣснѣ объ Азовѣ прямо группами попадаются созвучія (№ 37):

54. Какъ пятьсотъ телжекъ просмотрели,
Еще дрѹгихъ телжекъ не сустигли,
Они всѣхъ они возводъ-то запустили,
Они начали въ Азовѣ торговати,	
А своихъ они товаровъ продавати,
А заморскихъ они стали покупати,
А булавныхъ возвозъ тыхъ отдирати,
Еще черныхъ юхтовъ тыхъ открывати,	
Да оттудова молодцовъ тыхъ выпускати.	
Еще зачали казачки-то тутъ гуляти,
Они начали въ Азовѣ шурмовати,	
65. Да начали турчановъ убивати.	

Если въ пѣснѣ обѣ Азовѣ еще можно приписывать это тому, что эта былина пришлая (ср. Гильфердинга, I, 58—59), то въ пѣснѣ о Казани (№ 160), пѣтой Касьяновымъ рядомъ съ былиной о Дюкѣ и Потыкѣ, мы опять отмѣтимъ наклонность къ зозвучнымъ окончаніямъ стиховъ¹⁾:

5. Казань городъ покорилъ,
Подъ Казенку подъ рѣку онъ подкопы подводилъ,
За Сулой за рѣку бочки съ порохомъ катилъ.
* * * * *
9. А татаре-то по городу похаживаютъ,
Они всякие похабности оказываются.
* * * * *
18. Какъ тутъ вся пушкари привадумалися
Привадумалися да припечалися.
* * * * *
21. Ты поズоль, государь, слово выговорить!
Не успѣть пушкарь слово вымолвить.
* * * * *
26. Татаре тутъ вся устрашились,
Они бѣлому царю да покорились.
* * * * *
31. Подъ святой Русью непобѣдимою,
Непобѣдимою Богомъ любимою²⁾.

Еще рѣшительнѣе это же стремленіе отмѣтимъ въ балагурныхъ пѣсняхъ, шуточныхъ старикахъ, напр. въ пѣснѣ про „Большого быка“ (№ 297). Здѣсь запѣвъ ясно риѳумуется:

Да вся-то теперь разбѣжались,	Да, бояра, послушайте.
Да вся-то теперь роскучались,	Да мужички ты земскіе
И со того со двора со боярскаго	И старички деревенскіе,
Да съ того помѣстя государ-	Да ребятушки мѣхотные
скаго:	Да крестьянушки пѣхотные.
Да, князья, послушайте,	* * * * *

¹⁾ Касьяновъ грамотный, любитель церковныхъ книгъ (Гильфердингъ, II, 516). Однако это не отразилось въ сторону рвемы въ его былинехъ. Иено, что его грамотность видѣлась ни при чёмъ. Всѣ пѣсни очень короткая—32 стиха.

²⁾ Число приворовъ можно бы увеличить для „исторической пѣсни“ и еще: тѣ же, напр., особенности въ стилѣ и настроении найдемъ въ народныхъ пѣсняхъ обѣ Алексѣй Михайловичъ и послѣдующемъ времени кончины смертью Петра I, записанныхъ Н. И. Костомаровымъ и А. Н. Мордовцевой въ Саратовской губ. (см. „Лѣтописи“ Н. С. Тихонравова, IV (1862, отд. 2, стр. 27 и сл.).

Въ самой старинѣ то же стремлениe:

21. Да не ъль ли онъ да ни утативши,
Да не ъль ли онъ да ни лебедятини
Захотѣлъ поѣсть уроской телятины.

Въ варианте (№ 303) еще чаще:

35. Да какъ самъ то похаживаѣтъ,
Да какъ самъ то покривишаѣтъ,
Бородой то потряхиваѣтъ,
Да какъ сань выговариваѣтъ.
.	Да завель быка въ рощицу,
Привязаль быка къ деревцу.
Да какъ самъ то похаживаѣтъ,
Да какъ самъ приговариваѣтъ
— Да какъ кто-то быка-то увѣль,
— Да и тотъ-то безвѣстно ушелъ,
— Да какъ кто съ быка кому сдерѣтъ
46. Да онъ часто по Волги ходѣлъ
Да онъ много-то сѣль тамъ гро-
милъ
Да тамъ и голову кормилъ.
.	— Да и тотъ концомъ пропадѣтъ.
Да какъ быль то Алёша масникъ,
Да у него кулаки мясны,
Да у него клепики востры.
Да какъ ткнуль быка палкой въ лобъ
Да какъ ткнуль клепикомъ-то въ бокъ...
54. Да какъ онъ воръ догадливъ быль
Быку яловыя лапотца обулъ,
Наперѣдъ онъ пятами повернуль
Да какъ быка-то увѣль	

Говорить объ этихъ измѣненіяхъ въ стилѣ старинной былины, какъ о результатахъ прямого вліянія книжной приемованной поэзіи (что вполнѣ умѣстно въ духовномъ стихѣ), въ данномъ случаѣ едва ли можно. Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, стремлениe къ созвучіямъ въ концѣ стиха характеризуетъ преимущественно пѣсню уже иного пошиба—шуточную, сатирическую, слабѣе историческую, еще слабѣе былину. Въ этой послѣдней, кроме указанного выше примѣра „эпической тавтологіи“, можно замѣтить вѣкоторую ваклонность къ созвучіямъ въ „зачинахъ“ и концахъ былинъ, гдѣ зачинъ или конецъ этотъ носить прибауточный характеръ (ср. Вс. Миллеръ, Очерки, 34—35) напр., въ былинѣ о Батыгѣ (№ 60, 18).

Толстобрюхія бабенки Лѣмшозёрочки,
 Ай пучеглазыя бабенки Пошозёрочки,
 Ай Дунай, Дунай, Дунай,
 Да болѣ пѣть впередъ не знай.

Эти прибаутки по своему характеру, отразившемуся въ иныхъ случаяхъ и на самой былинѣ, ведутъ свое происхожденіе отъ когда то существовавшихъ специалистовъ въ обработкѣ былинъ—веселыхъ людей-скомороховъ (Миллеръ Вс., Очерки, 52). Люди

эти, сколько мы знаемъ о нихъ, ве быти чужды нѣкотораго знакомства съ искусственной поэзіей, хорошо знали и народную, устную, существовали еще въ XVIII вѣкѣ (свидѣтельство В. Н. Татищева¹⁾; они то и наложили свою печать на былину, преимущественно позднюю, на „былину-новеллу“, по терминологіи Вс. Ф. Миллера, но коснулись и старой былины, напр., о Василіи Буслаевѣ, какъ это замѣтилъ И. Н. Ждановъ²⁾). Если мы представимъ себѣ скомороховъ, вообще старыхъ профессиональныхъ былинныхъ пѣвцовъ, такимъ посредствующимъ звеномъ между книжной поэзіей и устной, и отнесемъ на долю этихъ специалистовъ выработку и самой формы устной поэзіи, то не будетъ, полагаю, ошибкой, на долю этихъ специалистовъ отнести и стремленіе къ риѳмѣ. Хронологически эти „риѳмованыя“ пѣсни должны быть признаны поздними по происхождѣнію и своей обработкѣ, т. е. въ нихъ мы можемъ наблюсти уже иные вкусы относительно поэзіи и ея формы, отразившіеся и на старой былинѣ. Иной вопросъ: откуда идетъ эта форма? Отвѣтить на него можно только гадательно: риѳмованная поэзія книжная съ XVII вѣка получаетъ у насъ права въ литературѣ, нѣкоторое стремленіе къ созвучію (параллель такъ называемой „аллитерациѣ“ другихъ народныхъ словесностей) не чуждо и раньше нашей народной поэзіи, напр. загадкѣ, особенно пословицѣ. Поэтому, нельзя ли видѣть расширение этой черты народной поэзіи подъ влияніемъ риѳмачества XVII—XVIII в. въ отмѣченномъ нами стремленіи къ созвучію и риѳмѣ и въ народной пѣснѣ указанного характера въ рукахъ профессиональныхъ пѣвцовъ, ближе соприкасавшихся съ книжной литературой, нежели пѣвцы и пѣвицы обрядовой пѣсни? Въ связи съ этимъ надо представлять себѣ и другое измѣненіе формы: укороченіе старого былинного стиха въ исторической пѣснѣ и въ шутливой, на что указано было выше. Эта черта даетъ опять параллель къ искусственной поэзіи, которая также (до силлабовъ Полоцкаго и Кантемира) предпочитаетъ короткій стихъ длинному:

¹⁾ Исторія Россійская I, 44 (Сиб. 1768). Я прежде у скомороховъ пѣсни старинныи о князѣ Владимиѣ слыхалъ, нѣ которыхъ женъ его именами, также о сильныхъ людяхъ Ильѣ Муромцѣ, Алексѣ Поповичѣ, Соловьевѣ Газбийниѣ, Долгѣ Степановичѣ и проч. упоминаютъ и дѣла ихъ прославляютъ". Ср. Миллеръ Вс., Очерки, стр. 63--64.

²⁾ Былевой впослѣдствии, стр. 401.

нашъ канть и псальма¹⁾ также въ отличіе отъ старого стиха, построенного на манеръ старой былины (напр., стихъ о Феодорѣ Тиронѣ), и въ народной передачѣ сохраняетъ короткій стихъ, какъ и большинство духовныхъ стиховъ народнаго происхожденія предпочитаютъ стихъ болѣе короткій, нежели былинный.

Все сказанное до сихъ поръ о риемѣ и формѣ стиха въ былинѣ и духовномъ стихѣ заставляетъ еще разъ считать духовный стихъ и позднюю „старинку“ одинаково поздними по происхожденію, т. е. связать и форму стиха и объемъ ихъ съ позднимъ временемъ и измѣненіемъ литературныхъ вкусовъ²⁾). Съ другой стороны, отсюда же слѣдуетъ, что, если форма стиха, въ частности его короткость и стремлениѳ къозвучіемъ, едва-ли могутъ быть и для „старины“ и для духовнаго стиха возводимы къ одному источнику непосредственно: въ былинѣ это стремленіе объясняется вліяніемъ книжной поэзіи черезъ посредство народнагоозвучія и специалиста по народной поэзіи, въ духовномъ стихѣ непосредственно переходомъ канта и псалмы; въ менѣе книжныхъ стихахъ отношение къ народной былинѣ будетъ т. о. тѣснѣе. Такимъ образомъ, если аналогія, намѣченная нами выше, и есть, то объясненіе ея для каждой группы—былины и стиха—будетъ не одно и то же, а будетъ обобщаться только на почвѣ общему источника, которымъ каждая группа воспользовалась иначе: аналогія будетъ указывать на общее измѣненіе вкуса въ позднее время XVII—XVIII вѣка.

Я умышленно остановился на формѣ и объемѣ духовнаго стиха и былины: сравненіе ихъ даетъ, какъ видимъ, материалъ для ихъ исторіи при взаимномъ ихъ сопоставленіи и оправдываетъ мысль, что эта связь между ними есть и на дѣлѣ въ условіяхъ времени, когда возникла поздняя былина и духовный стихъ. А это и вицѣніемъ подтверждается тѣмъ, что, не раздѣляя строго обѣ области поэзіи въ своемъ сознаніи, пѣвецъ былинъ объединяетъ въ своеемъ репертуарѣ иногда и духовный стихъ, особенно былинно-образный, и настоящую богатырскую былину и

¹⁾ Подробнѣе см. П. И. Житенцкій. Мысли о малорусской думѣ (Киевъ 1893), стр. 160 и сл.

²⁾ Сказанное справедливо будетъ относительно поздней исторической малорусской пѣсни—думы. См. Житенцкій, у. с., стр. 3 и слѣд.

новеллу, а калика знаетъ также иногда и былины, нѣсколько окрашивая ихъ чертами своей профессіи. Здѣсь калика, впрочемъ, нѣсколько ригористичнѣе, какъ мы видѣли, былинного сказителя (Феноновъ, си. выше): причина этого въ томъ, что калика еще сохраняетъ черты ирофесіонального пѣвца, сказитель же былины уже пересталъ имть быть. Наконецъ, и на сѣверѣ, гдѣ калика имѣеть въ своемъ распоряженіи былинный матеріалъ для расширения своего репертуара по требованію вкусовъ современныхъ ему слушателей, расширение это происходитъ въ ту же сторону, что и у южнаго калики, былинъ не знающаго: онъ въ число своихъ задачъ включилъ уже и забаву слушателей и, хотя неохотно, віесь въ репертуаръ уже шуточныхъ произведеній: калика Феноновъ, пѣвшій духовные стихи и былины, такъ же какъ его учитель Мѣщаниновъ, поетъ веселыя „небылицы“ (Гильфердингъ, I, 456, прим.; ср. В. Миллеръ, Оч., 35), а также шуточную сатирическую „поэму“ Птицы (№ 62); пѣвецъ былинъ Завалъ (Гильфердингъ, III, 473—474) знаетъ только двѣ былины, а больше сказокъ, шутливыхъ повѣстишекъ, а въ числѣ ихъ и „Большого Быка“ (№ 303); человѣкъ это бывалый, исколесившій чуть не всю Россію, стало быть, до извѣстной степени не представитель только мѣстныхъ узкихъ вкусовъ. Нашъ Артамовъ, какъ мы это уже видѣли, также, несмотря на свое каличество, невольно расширилъ свой репертуаръ въ ту же сторону, распѣвая Камаринскую и Оону съ Еремой. Ясно, что въ настоящее время потребность въ народной пѣсви, преимущественно шутливаго, забавнаго характера, можетъ считаться общераспространенной: оть пѣсни требуютъ не только утѣхи въ старинномъ смыслѣ этого слова, но и веселой забавы, потѣхи. Вотъ и съ другой стороны мы приходимъ къ тѣмъ же наблюденіямъ, какія мы получили и раньше, на основаніи непосредственныхъ наблюденій надъ исполнителемъ духовнаго стиха: репертуаръ и содержаніе былинъ и духовныхъ стиховъ даютъ намъ одинаковыя показанія. Такимъ образомъ, какъ былину приходится считать у современныхъ исполнителей выражениемъ старой традиціи, а историческую и шутливую пѣсню относить къ младшей традиціи и современности, точно также и духовный стихъ современного калики—остатокъ старой профессіональной традиціи, а его мірскія пѣсни уже искаженіе этой традиціи. Поэтому мы въ нашемъ изученіи современной каличье

литературы съмъло можемъ раздѣлять эти области: рѣзкое различіе по характеру между духовными стихомъ и веселой пѣсней не допускаетъ даже такого взаимовлінія двухъ областей, какое мы могли намѣтить въ былинѣ: духовный стихъ скорѣе пропадетъ самъ, нежели превратится въ шутозный. Въ немъ могутъ имѣть вліяніе другія—болѣе, такъ сказать, серьезныя—области творчества, каковы, напр., обрядовая пѣсни, суевѣрія, но никакъ не балагурная шутка, это наслѣдіе скомороха и народнаго юмора. Поэтому, не рискуя сдѣлать ошибку въ методѣ, мы можемъ обратиться къ изученію духовнаго стиха Артамонова, оставя въ сторонѣ его Камаринскую и Фому съ Еремой, и обратиться прежде всего къ сравнительному изученію репертуара его. Кое-какія общія замѣчанія мною уже сдѣланы. Болѣе детальное ознакомленіе дасть возможность дополнить сказанное.

По мѣстностямъ, гдѣ записаны стихи, мы можемъ отчасти судить о большей или меньшей популярности того или другого стиха вообще: чѣмъ разнообразнѣе эти мѣстности, тѣмъ шире районъ его распространенія. То же указаніе даетъ и частое или рѣдкое появленіе того или другого стиха въ репертуарѣ пѣвца: стихъ, появляющийся въ репертуарѣ часто, записанный у многихъ пѣвцовъ, репертуаръ которыхъ извѣстенъ, надо признать любимымъ стихомъ, популярнымъ. На основаніи этихъ принциповъ Варенцовъ (Сборникъ духовныхъ стиховъ, Спб., 1860) призналь любими мотивами каличъ пѣсень: житіе Алексея, Божьаго человѣка, притчу о Лазарѣ, стихи о страшномъ судѣ (стр. 5); тотъ же ходачій репертуаръ для каликъ съвера призналъ и Гильфердингъ (Онежск. Былины, I, 15). То же наблюденіе вынесемъ и мы, если прослѣдимъ репертуаръ тѣхъ пѣвцовъ, съ которыми имѣлъ дѣло Безсоновъ. Пѣвцы эти идутъ изъ различныхъ мѣстностей: Орловск. губернію, с. Руднева, Мценска, Болоховскаго уѣзда той же губ., Валдайскаго у., Осташкова, Серпуховскаго у., Можайскаго, Тульск. губ., Смоленской губ., Московск. губ. (Саларево) и др., вообще изъ средней полосы Россіи; стихи, ими пѣтые, могутъ считаться для этихъ мѣстъ популярными, если они часто встречаются въ репертуарѣ пѣвцовъ¹).

¹) Этотъ подсчетъ темъ и стиховъ я нѣсколько расширяю, прибавляя къ репертуарамъ нашихъ пѣвцовъ даныя изъ сборника Безсонова, при чёмъ

На первомъ мѣстѣ по популярности придется поставить стихи о *Страшномъ судѣ*: пѣвцы и пѣвицы Безсонова¹⁾ знали ихъ больше другихъ, при чмъ каждый исполнитель зналъ ихъ по нѣскольку разныхъ: такъ, Телёнковъ зналъ 3, Ларіонъ 2, Дюлюковъ,

приваты во вниманіе только стихи, идущіе изъ записей отъ сказителей, и опускаются идущіе изъ старыхъ тетрадокъ. Въ вопросѣ о степени распространенія стиха въ ваше время этотъ подсчетъ можетъ дать нѣкоторое представление о популярности, не претендую на точное цифровое опредѣленіе. Здѣсь репертуаръ не играетъ такой роли, какъ въ анализѣ творческой способности пѣвца.

- 1) Для большей наглядности привожу составленные мною изъ Безеовского сборника репертуары его пѣвцовъ (см. выше, прим.), присоединяя №№ по изданию (подѣло) и число строкъ въ каждомъ стихѣ (направо): I. Телёнковъ: 1) 323. Жена милосердая (57), 2) 450. Страшный судъ (14), 3) 451. Тоже (39), 4) 500. Тоже (39), 5) 484. Чудная царице Богородице (65), 6) 575. Василій Кесарійскій (125), 7) 524. Двѣнадцать пятницъ (202), 8) 616. Сонъ Богородицы (70), 9) 662. Плачъ Адама (62), 10) 675. Житіе человѣческое (37), 11) 603. Прасковья-Пятница (27). II. Ларіонъ: 1) 321. Жена милосердая (54), 2) 374. Распятіе (и плачъ Богородицы) (73), 3) 459. Страшный судъ (62), 4) 497. Тоже (116), 5) 483. Пречудная царице Богородице (81), 6) 573. Василій Кесарійскій (55), 7) 593. Двѣнадцать пятницъ (48), 8) 652. Плачъ Адама (64). III. Дюлюковъ: 1) 77. Голубиная книга (148), 2) 98. Егорій (152), 3) 122. Федоръ Тиротъ (214), 4) 140. Борисъ и Глѣбъ (126), 5) 317 Рождество Х-во (25), 6) 322. Жена милосердая (90), 7) 454. Страшный судъ (39), 8) 502. Тоже (62), 9) 377. Распятіе (и плачъ Богор.) (12), 10) 656. Плачъ Адама (32), 11) 23. Лазарь (134), 12) 48. Іоасаѳъ-царевичъ (52). IV. Бороздинъ: 1) 46. Іоасаѳъ-царевичъ (63), 2) 79. Голубиная книга (99), 3) 100. Егорій (188), 4) 372. Распятіе (36), 5) 465. Чудная царице Богородице (58). 6) 452. Страшный судъ (43), 7) 507. Тоже (180), 8) 613. Советъ Богородицы (48), 9) 614. Тоже (66). 10) 664. Плачъ Адама (71). V. Лукерья. 1) 25. Лазарь (148), 2) 32. Алексій, чел. Бож. (325), 3) 43. Плачъ Іосифа (20) — („рукоп.“). 4) 44. Тоже (19) („рукоп.“), 5) 58. Іоасаѳъ-царевичъ (72). 6) 115. Егорій (133), 7) 134. Дмитрий Солунскій (88), 8) 314. Рождество Х-во (32), 9) 465. Страшный судъ (26) („рукоп.“), 10) 466. Тоже (27), 11) 469. Тоже (71), 12) 511. Тоже (112). IV. Прасковья. 1) 20. Лазарь (117), 2) 113. Егорій (126 безъ конца), 3) 172. Дочь тысяччика (41; безъ конца), 4) 391. Плачъ Богородицы (42; „хожденіе“), 5) 400 д. Тоже (30), 6) 604. Прасковья-Пятница (12). VII. Дорожениковъ. 1) 78. Книга Голубина (139), 2) 47. Іоасаѳъ-царевичъ (90), 3) 99. Егорій (187), 4) 141. Борисъ и Глѣбъ (111). VIII. Рильский. 1) 574. Василій Кесарійскій (85), 2) 581. Двѣнадцать пятницъ (111), 3) 663. Плачъ Адама (48). IX. Антонъ. 1) 461. Страшный судъ (68), 2) 653. Плачъ Адама (116 въ полустихахъ). X. Антипъ. 1) 76. Голубиная книга (182), 2) 572. Василій Кесарійскій (162). XI. Окимъ. 1) 84. Голубиная книга (165), 2) 331. Жена милосердая (70).

Бороздинъ по два, а Лукерья даже 4, нашъ Артамоновъ зналъ также два. Сюда же по содержанію надо присоединить стихъ о чудной царяцѣ, который встрѣтился у троихъ изъ нашихъ пѣвцовъ, тѣхъ, которые знали и предыдущіе стихи о Страшномъ судѣ. Это наблюденіе надъ рядомъ частныхъ случаевъ, каковы наши, подкрѣпляется и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ: группа стиховъ о Страшномъ судѣ принадлежитъ къ числу обширнѣйшихъ и въ сборникѣ Безсонова (вып. 5): у него оказалось собранными изъ усть сказителей *всемъ* разновидностей этой темы въ 60 слишкомъ пересказахъ, не считая массы тѣхъ же стиховъ, найденныхъ въ тетрадкахъ; среди нихъ оказался по количеству наиболѣе популярнымъ стихъ съ началомъ:

Плачень умасаемъ,
На Страшный часъ помышляемъ,

создавшійся, кстати сказать, подъ несомнѣннымъ влияніемъ извѣстнаго церковнаго пѣснопѣнія въ чинѣ по усошемъ; этотъ стихъ далъ Безсонову 22 записи. Его спѣшь и нашъ Артамоновъ. Наименьшей популярностью въ этой группѣ пользуется стихъ съ началомъ:

Придетъ вами время предпослѣднея
Будеть нашимъ грышнымъ душамъ разсужденія,

спѣтый только Лукерьей (Смол. губ., Краснинск у. дер., Кислов; № 511). Но этотъ же стихъ знаетъ и Артамоновъ, озаглавливая его именемъ „Архангела Михаила“¹⁾, какъ это дѣлаютъ и другие пѣвцы, относя это заглавіе къ стиху:

Еще бы зналъ человѣкъ житіе вѣку себѣ,
Своей бы силой поработалъ²⁾.

Затѣмъ, по популярности слѣдуетъ вторымъ у нашихъ пѣвцовъ поставить извѣстный плачъ *Адама*: его дали шестеро изъ пѣвцовъ Безсонова. Это одинъ изъ самыхъ старыхъ стиховъ, встрѣчающихся въ нашей письменности и давно уже извѣстный по своей связи съ апокрифич. сказаніями объ Адамѣ³⁾, весьма часто встрѣчающихся у каликъ: у Безсонова 17 устныхъ записей, и

¹⁾ У Лукерья онъ зовется „Грышница“; Ср. Безсоновъ, V, 232, прим.

²⁾ № 512—516; ср. примѣч. къ № 511 у Безсонова (V, 236).

³⁾ Вторая редакція „Адама“; см. Тихонравова „Пам. отр. лит.“, I, 299.

рядъ записей въ тетрадкахъ. Нашъ Артамоновъ этого стиха не знаетъ, почему—сказать трудно; можетъ-быть, причина этого лежитъ въ томъ, что стихъ обь Адамъ пользуется распространениемъ среди раскольниковъ (ср. Безсонова, № 632—634); въ мѣстности же, гдѣ живетъ Артамоновъ, кажется, не видно вліянія раскольниковъ, т.-е. нѣтъ данныхъ для поддержанія интереса къ стиху; а можетъ быть—это и случайность.

Не меньшей популярностью пользуются у нашихъ пѣвцовъ и „Страсти“, т. е. стихи о крестной смерти Спасителя, плачъ Богородицы; сюда же по содержанію близко подходитъ и известный „Сонъ Богородицы“: первые оказались въ репертуарѣ четырехъ изъ пѣвцовъ Безсонова, у одной пѣвицы даже два разныхъ плача; второй у двухъ, при чёмъ одинъ калѣка зналъ два стиха обь одномъ и томъ же. Всѣ эти стихи представляютъ нѣсколько разнообразныхъ обработокъ темы, по меньшей мѣрѣ, четыре, не считая Сна Богородицы, и дали тридцать слишкомъ пересказовъ Безсонову (не считая взятаго изъ тетрадокъ). И нашъ Артамоновъ зналъ два стиха о Распятіи, одинъ названный имъ „Христе Боже“ и подходящій подъ первую группу Безсонова, съ началомъ:

Жиды совѣтъ сотворили
И они думали гадали ¹⁾,

другой, коротенький, не подходящій ни подъ одинъ изъ напечатанныхъ Безсоновымъ. Знаеть онъ и „Сонъ Богородицы“, близко подходящій къ стиху съ началомъ:

Сонъ Богородицы явился.
Свѣтъ Мать и Марія Пресвятая
Съ вечери въ раю почивала ²⁾

Часто встречается у пѣвцовъ и стихъ о Георгіи, пять пересказовъ которого дали пѣвицы Безсонова, всего записей у него 17, всѣ изъ усть пѣвцовъ; небольшое число стиховъ о Георгіи сравнительно съ предыдущими находить себѣ объясненіе въ объемѣ стиха, принадлежащаго къ числу довольно общирныхъ (до 200 строкъ и болѣе); этотъ стихъ въ довольно полномъ видѣ знаетъ и нашъ Артамоновъ.

¹⁾ Безсоновъ, V, 199 (№ 372).

²⁾ Тамъ же VI, 197 (№ 616).

Приблизительно такъ же популярна у пѣвцовъ и *Голубиная книга* (четверо изъ пѣвцовъ Безсонова; 16 записей всего). Артамоновъ знаетъ про нее по слухамъ, но не поетъ (см. выше).

Стихъ о *Лазарь*, какъ близко подходящій по содержанію къ положенію слѣпцовъ-нищихъ, по мнѣнію собирателей, считается типичнымъ стихомъ каличкимъ; но у Безсонова знали его только трое, всего у него набралось только семь записей. Скорѣе всего это можно счесть индивидуальной особенностью собранного материала у Безсонова: эти стихи часто попадались другимъ собирателямъ напр. (Варенцову, стр. 66 слѣд. 212 слѣд.). Обстоятельный стихъ даетъ и нашъ Артамоновъ.

Въ подобномъ же положеніи приходится считать и стихъ объ Алексѣѣ, человѣкѣ Божиѣмъ, хотя только одинъ разъ попался Безсонову онъ у его пѣвцовъ, и только восемь пересказовъ вошло въ его сборникъ; нельзя не отмѣтить и того, что стихъ объ Алексѣѣ принадлежитъ къ числу такихъ же объемистыхъ, какъ и стихъ о Георгіи; тѣмъ не менѣе онъ и помимо Безсонова попадался собирателямъ (Варенцовъ, 219—228). У Артамонова стихъ объ Алексѣѣ оказался самымъ крупнымъ по объему—380 строкъ.

Короткаго, но весьма популярнаго, скорѣе всего благодаря тѣсной связи съ идеями раскольническихъ сектъ, стиха о царевичѣ *Люсафѣ*, въ пустынью отходящаго, у нашего Артамонова не оказалось, хотя четверо пѣвцовъ Безсонова его знали, а ему удалось собрать болѣе 25 записей въ двухъ или трехъ версияхъ. Объяснить отсутствіе этого стиха у нашего пѣвца затрудняюсь. На ряду съ этимъ стихомъ по популярности слѣдуетъ поставить стихъ о *Василии Кесарійскомъ* (собственно о хмѣльномъ питіи), давшій три записи Безсонову у его пѣвцовъ, всего собравшему семь записей: его не знаетъ нашъ Артамоновъ.

Къ циклу *рождественскихъ* стиховъ, очевь слабо (два пѣвца) представленныхъ пѣвцами Безсонова и очень обильно по числу и разнообразію записями чужими и книжными (около восьмидесяти), надо отнести довольно популярный стихъ о *женѣ милосердой*, давшій четыре записи непосредственно и всего до 15 другихъ. Послѣдній стихъ въ своей популярности, можетъ быть, поддерживался влияниемъ раскольниковъ-сектантовъ (напр. самосожигателей). Эта скучность записанныхъ рождественскихъ собственно стиховъ у Безсонова объясняться можетъ, скорѣе всего временемъ, когда запи-

сывалъ Безсоновъ свои стихи: несомнѣнно, тѣсно связанные съ „славленіемъ“, они должны были быть извѣстны и его пѣвцамъ, если Безсоновъ записывалъ у пѣвцовъ, нами выбранныхъ, не на Рождество или вообще не близко ко времени святокъ, то онъ могъ и не услыхать этого стиха, какъ пріуроченнаго къ опредѣленному времени: Артамоновъ проѣхалъ этотъ стихъ, прибавивъ, что поется онъ на святкахъ. Другіе пѣвцы, имена слышанные, также пѣли стихъ по приглашенію. Это подтверждаетъ и масса записей этого стиха, попавшая въ руки Безсонова. „Милосердой жены“ Артамоновъ не поетъ.

Наконецъ, къ числу стиховъ, довольно распространенныхъ, надо отнести стихъ *о девятинацати пятницахъ* (у Безсонова три пѣвца, 9 пересказовъ, одинъ прозаическій). Популярность этого стиха ясна по связи его съ извѣстной апокрифической статьей Папы Клиmentа, распространенной въ массѣ списковъ, съ XV в.¹⁾. Нашъ Артамоновъ, начавши пѣть въ стихахъ, переходитъ къ пѣвчemu сказыванію, какъ, вѣроятно, сказывалъ и Оома Киселевъ, отъ которого имѣлъ запись Безсоновъ (№ 590), хотя у насъ ритмичность и повторенія стиха сохранились: или Артамоновъ заучилъ уже разлагавшійся стихъ, или плохо запомнилъ стихотворный ладъ и самъ уже разложилъ стихъ.

Наконецъ, Артамоновъ знаетъ стихъ *о плаче Іосифа прекраснаго*, встрѣтившійся только два раза у одной пѣвицы (№ 43, 44) и больше не попавшійся ему въ его материалахъ. Это, повидимому, обособившаяся лирическая часть стиха о прекрасномъ Іосифѣ: стихъ этотъ (чуть ли не книжного и происхожденія и весьма недавнаго, см. № 37 и слѣд.) великъ по объему (стиховъ до 400) и не подъ силу былъ пѣвцамъ, которые и взяли изъ него наиболѣе сильную лирико-драматическую сцену, прибавивши начало изъ церковной пѣсни:

Кому повѣмъ печаль мою,
Кого призову къ рыданью.

Во всякомъ случаѣ тексты Безсонова и нашъ носить явно отпечатокъ възвѣщчий характеръ.

Этими стихомъ, не считая стиха обѣ Александрѣ II, исчерпывается репертуаръ нашего пѣвца. У Безсоновскихъ пѣвцовъ встрѣ-

¹⁾ Ср. *Тихонравовъ* Пам. Отр. Лит. II, 337 и слѣд.

чены были еще: Феодоръ Тиронъ, Дмитрій Солунскій, Житіе человѣческое, Дочь тысячника—по разу, Прасковья Пятница, Борисъ и Глѣбъ—по два раза. Все это стихи, въ общемъ не часто встрѣчающіеся ¹⁾.

Такимъ образомъ нашъ Артамоновъ въ общемъ поетъ тѣ стихи, которые пользуются популярностью и у другихъ пѣвцовъ, но не знаетъ стиховъ былинного пошиба, за исключениемъ популярнаго Егорія; кромѣ того, не безъинтересно, быть можетъ, и то, что онъ не знаетъ тѣхъ стиховъ, которые, будучи популярны у другихъ пѣвцовъ, стоять въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ раскольничымъ стихомъ ²⁾, поскольку этотъ послѣдній имѣть общаго съ остальными; „каковы: Пречудная царице“ „Жена милосердая“ (она же у раскольниковъ—Аллилуева ³⁾), „Царевичъ Іоасафъ“. Не знаетъ онъ и „Голубиной книги“ и „Плача Адама“.

Эти отрицательные качества нашего пѣвца наводятъ, кажется, на нѣкоторыя соображенія или предположенія: въ его репертуарѣ не находимъ, за исключениемъ Егорія, какъ стиха весьма популярнаго, старыхъ стиховъ, сложившихся въ лучшую пору былинной поэзіи, поэтому и отлившихся въ былинную форму, каковы Феодоръ Тиронъ, Дмитрій Солунскій, не находимъ стиховъ съ специфической до извѣстной степени окраской—раскольничей, не находимъ, наконецъ, старыхъ по образованію стиховъ, какова „Голубиная книга“, съ ея космогонически-богомильскими реминисценціями, стихъ обѣ Адамѣ засвидѣтельствованный старыми апокрифами и по спискамъ XV—XVI в. (Исповѣданіе Евы) и старой литературой (посланіе Василия Новгородского о раѣ) русской XIV вѣка. Наоборотъ, въ его репертуарѣ преобладаютъ стихи болѣе поздняго происхожденія, каковъ стихъ, лучшій и обширнѣйшій у него, обѣ Алексѣѣ, стоящей въ томъ видѣ, какъ мы его знаемъ, въ зависимости отъ Анеологіона, 1660 года ⁴⁾; таковъ же стихъ его обѣ Іосифъ прекрасномъ, вышедшій

¹⁾ У Безсонова всего: Феодоръ Тиронъ 5 записей, Дмитрій Солунск. 3 записи, Житіе человѣч. 4 записи, Дочь тысячника 1 запись, Прасковья Пятн. 13 записей, Борисъ и Глѣбъ 6 записей.

²⁾ Число раскольниковъ въ у. Рыльскомъ и Дмитріевскомъ въ общемъ неизначительно, судя по статистическимъ, хотя и старымъ, свѣдѣніямъ (Труды Курского губернск. статистич. комитета, вып. I, (1863), стр. 12, 13. Нѣсколько больше ихъ считается въ Дмитріевскомъ уездѣ).

³⁾ Тихонравовъ, „Сочин.“ I, 349.

⁴⁾ Тихонравовъ, „Сочиненія“ I, 350, Варенкоѳ; „Духовн. стихи“, 8.

изъ лубочной тетрадки, также не старше XVII в.¹⁾). Остальные стихи его репертуара, за исключениемъ стиха о Лазарѣ, время происхождения которого неизвѣстно пока, короткие и скорѣе лирическіе или полу-лирическіе, при томъ по формѣ довольно уже поздніе; въ нихъ, даже въ „Лазарѣ“, уже ясно сильное стремленіе къ романѣ—созвучію²⁾). Всѣ эти черты могутъ получить, съ устанавливаемой нами точки зрѣнія на хронологію, на основанія не только содержанія, но и формы стиховъ, истолкованіе въ смыслѣ поздняго по времени какъ репертуара, такъ и самого вида стиха у нашего Артамонова, т.-е. что онъ уже представляетъ намъ болѣе поздній репертуаръ, даже нежели нѣкоторые изъ Безсоновскихъ пѣвцовъ, которые, имѣя тотъ же въ общемъ репертуаръ, что и Артамоновъ, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняютъ еще кое-что и изъ старшаго репертуара. Здѣсь можетъ имѣть значеніе и географическое распределеніе пѣвцовъ, если мы попробуемъ освѣтить его съ точки зрѣнія географическаго распределенія былинъ; на это мы имѣемъ, какъ мы видѣли, нѣкоторое право въ виду связи между былиной и духовнымъ стихомъ въ ихъ измѣненіяхъ на почвѣ исторіи этого общаго типа памятниковъ народной словесности. Районъ былинъ, какъ извѣстно³⁾, довольно ясно опредѣлился еще XVII—XVIII в. для европейской Россіи; самая распространенность былинъ постепенно понижается къ югу, у южно-великоруссовъ сводится почти къ нулю, а на самомъ югѣ, на границахъ съ малорусскимъ говоромъ, былинъ уже совсѣмъ нѣть. Если мы переведемъ это наблюденіе на почву характера памятниковъ, то должны будемъ сказать, что повѣствовательная стихотворная поэзія все слабѣеть и слабѣеть по направленію къ югу: она замѣняется все болѣе и болѣе или повѣствовательно-лирической или прямо-лирической: югъ богаче съвера лирическими и полулирическими пѣснями⁴⁾). А старшій по происхожденію духовный

1) Тихонравовъ, тамъ же.

2) Примѣры см. въ самыхъ текстахъ.

3) Подробнѣе см. Вс. Миллера. Очерки, 65—96, особ. 91—92.

4) Здѣсь, можетъ-быть, имѣть виданіе малороссійскій югъ съ его школьно-народной поэзіей виршъ (псалмовъ и кантовъ). Болѣе или менѣе повѣствовательная „дума“,—трудно сказать, почему не имѣла виданія на южно-великорусскую пѣсню; м.-б. потому, что она связана тѣсно съ исторіей казачества, явленія, не имѣвшаго места у южно-великоруссовъ? Ср. В. Н. Перетцъ. „Изъ исторіи...

стихъ, напр.—Голубиная книга, стихи о Феодорѣ, Дмитрии Солунскомъ—преимущественно повѣстовательного характера: не даромъ они и по формѣ ближе стоять къ былинѣ, нежели къ лирической пѣснѣ. Иначе: нашъ Артамоновъ потому знаетъ больше позднихъ, при томъ лиро-эпическихъ стиховъ, что онъ самъ—южно-русскъ, учился у южно-русовыхъ, въ той мѣстности, гдѣ не только жѣть (да, можетъ-быть, и не было) чисто повѣстовательной стихотворной поэзіи, а жѣть уже почти и полу-повѣстовательной. А это опять-таки совпадаетъ съ другимъ наблюденіемъ во всей русской народной пѣсенной поэзіи: въ ней лирика постепенно завоевываетъ все болѣе и болѣе мѣста въ ущербъ повѣстованию.

Въ такомъ смыслѣ нашъ Артамоновъ, насколько показываетъ его репертуаръ духовныхъ стиховъ, ихъ форма, можетъ быть сочтенъ представителемъ, съ одной стороны, южно-великорусской духовной поэзіи, а съ другой, поздняго состоянія и новѣйшихъ измѣненій въ характерѣ этой духовной поэзіи. А то, что было сказано объ отношеніяхъ его къ мірской поэзіи, показываетъ, что и въ немъ мы можемъ видѣть, хотя бы и въ начальной стадіи, паденіе самой поэзіи духовнаго стиха въ старинномъ смыслѣ профессионального пѣвца этихъ стиховъ. Артамоновъ волей-неволей идетъ навстрѣчу современнымъ вкусамъ слушателей: онъ не только уже тѣшить ихъ балагурнымъ Фомой съ Еремой, камаринскимъ, но находить возможнымъ считаться и съ современными событиями, болѣе или менѣе интересующими и громкими въ глазахъ слушателей: поэтому онъ поетъ уже и новую пѣсню о смерти Александра II. Откуда онъ взялъ ее, мнѣ узнать и опредѣлить не удалось. Пѣсня эта, однако, понидимому, уже пользуется нѣкоторой популярностью, кажется, входить, если уже не вошла, въ репертуаръ современныхъ пѣвцовъ-каликъ: эта же пѣсня, въ текстѣ, довольно близко подходящемъ къ моей записи, была недавно записана также со словъ слышица, пѣвшаго ее подъ

рія русской пѣсни", ч. I (Спб. 1900), стр. 195, 201, 206, 207. Подобное же наблюденіе—о сравнительно меньшемъ распространеніи лирической пѣсни на сѣверѣ, нежели на югѣ—сообщаетъ и Н. М. Лопатинъ въ своемъ обзорѣ русскихъ лирическихъ пѣсень („Сборникъ русскихъ лирическихъ пѣсень", М. 1889, ч. I, стр. 9).

звуки лиры въ области Донского войска¹⁾). Та же пѣсня записана въ г. Харьковѣ отъ слѣща Ивана Михайловича Петрика (изъ с. Валокъ, Харьков. губ. родомъ) въ апрѣль 1899 г., также съ аккомпанементомъ лиры²⁾ слышали эту пѣсню и въ той же Курской губерніи на ярмаркѣ³⁾). Несомнѣнно одно, что мы имѣемъ передъ собой пѣсню искусственную по складу, хотя и не искусную, обвязанную своимъ происхожденіемъ неизвѣстному слагателю, въ родѣ тѣхъ, которые поставляютъ обильный матеріалъ для современныхъ пѣсенниковъ: стремленіе къ риѳмѣ, безъ чувства ритма, къ вычурности и дешевымъ трескучимъ эффектамъ, наборъ словъ, на лицо все черты, которыхъ мы встрѣтимъ въ теперешнихъ пѣсняхъ по сборникамъ печатныхъ⁴⁾). Тема пѣсни—Александръ II—помимо событія, излагаемаго въ нашей пѣснѣ, несомнѣнно произведшаго и производящаго само по себѣ сильное впечатлѣніе на народъ,—эта тема еще и раньше уже циркулируетъ въ позднихъ народно-ненародныхъ (если такъ можно выразиться) пѣсняхъ:

¹⁾ Записана гр. М. А. Голенищевой-Кутузовой и издана Н. Кульманомъ въ „Русск. Стар.“ 1900, 17, 652—53; къ сожалѣнію, подробностей объ исполнителяхъ и обстоятельствахъ записи издатель не даетъ.

²⁾ Издана въ „Э. О.“ XLV, 137—139.

³⁾ Имею Г. Кувцевичъ (см. „Русск. Ст.“, тамъ же, стр. 654, прим.); и здѣсь по поводу этой пѣсни, г. Кульманъ не сообщилъ никакихъ подробностей въ своей замѣткѣ. Весьма возможно, что г. Кувцевичъ слышалъ эту пѣсню и отъ того же Артамона: пѣвцы-каменки, какъ известно, очень охотно, на довольно далекія разстоянія, путешествуютъ по армариамъ. Въ замѣткѣ г. Кульмана обращаютъ на себя вниманіе еще кое-какія свѣдѣнія, въ силу своей неясности возбуждающія любопытство: „Кто создалъ эту пѣсню, говорить онъ, неизвѣстно. Одинъ лирикъ заявилъ М. А. Голенищевой-Кутузовой, что когда онъ оставилъ, то его научилъ пѣть эту пѣсню такой же, какъ онъ, сѣвецъ; другой рассказалъ, что она вынесена одной старухой-челомницей изъ Иерусалима“ (стр. 653). Иль этихъ словъ выходить, что гр. М. А. Голенищева-Кутузова слышала эту пѣсню отъ двухъ, или же (выражаясь общѣ) вѣсно вту знали двое: о второмъ исполнителе въ замѣткѣ ни слова, а жаль: приведеніе второй записи, или хоть вариантовъ изъ нея, если таковые были, дали бы, можетъ быть, что нибудь для объясненія пѣсни, а прямое указаніе на второго пѣвца дало бы еще фактъ для сужденія о распространенности пѣсни. Мы выѣли бы (съ записью пѣсни, Кувцевича, если онъ записалъ ее) уже четыре записи, при томъ изъ двухъ различныхъ мѣстностей.

⁴⁾ Напр. „тысяча пѣсень—Народный пѣсенникъ“ (изд. Сытина. М. 1894), „Народный пѣсенный“ (изд. его же, М. 1897).

имя и эпизоды про Александра второго, довольно часто попадаются въ пѣсняхъ, особенно военного, воинственного характера¹⁾.

Присутствіе этого стиха, несомнѣнно еще болѣе искаженнаго въ устной передачѣ пѣвца, которому довольно чужда самая обстановка событія, который часто не понималъ словъ своего оригинала (горючты—гранаты, телеграммъ и т. п.)—присутствіе его въ репертуарѣ нашего пѣвца во всякомъ случаѣ не лишено значенія для заключеній о состояніи народной пѣсни въ настоящее время: онъ еще болѣе, нежели пѣсня про Фону и Ерему, подчеркиваетъ отмѣченное мною измѣненіе во вкусахъ народа и самого пѣвца; а форма этого стиха даетъ указаніе на успѣхи, которые дѣлаетъ риѳмованная поэзія въ массѣ.

Обращаюсь, наконецъ, къ характеристикѣ формы духовныхъ стиховъ въ современномъ ихъ видѣ; имъ въ виду сдѣланныя мною выше сравнительныя наблюденія надъ былиной и духовнымъ стихомъ вообще, мы можемъ точнѣе и полноѣше характеризовать и наши стихи, судить по нимъ о томъ шагѣ, который сдѣлалъ духовный стихъ нашего времени сравнительно со стихомъ недавняго прошлаго, именно въ измѣненіи формы, а отчасти и въ содержаніи, поскольку это послѣднее зависитъ отъ первой. Если Артамоновъ, какъ я сказалъ раньше, твердо знаетъ текстъ своихъ стиховъ, то это значитъ только то, что онъ поетъ увѣренno, не колеблясь ставить то или другое выраженіе, тотъ или другой стихъ; но это, конечно, свидѣтельствуетъ только объ его памяти, а отнюдь не о сознательномъ отношеніи къ содержанію стиха; въ этомъ именно отношеніи у него замѣчается недочетъ; видна часто машинальная передача затверженного, слишкомъ подчасъ слабое вниманіе къ смыслу сказываемаго; болѣе, новидимому, его привлекаетъ музыкальная сторона самого стиха, главнымъ образомъ зозвучіе—риѳма. Пристрастіе къ ней у него явно; не даромъ въ его репертуарѣ фигурируетъ риѳмованная пѣсня бѣ Александрѣ II. Если безсознательное повтореніе усвоеннаго памятью (такъ-молъ—въ пѣснѣ поется) не чуждо даже былиннымъ пѣвцамъ, что замѣчено было уже Гильфердингомъ²⁾, то во всяко

¹⁾ Напр., въ „Великорусскихъ пѣсняхъ“ проф. А. И. Соболевской, VI, № 98; въ первомъ изъ Сытиńskихъ сборниковъ, стр. 80, 147, 149, во второмъ, № 98 в др.

²⁾ I, 158, 160, 215 примѣчаніе, 247.

комъ случаѣ въ вей явленіе это не частое, у насъ же, въ духовномъ стихѣ, въ частности у Артамонова, это явленіе не рѣдко; тутъ оказываетъ вліяніе съ одной стороны самыи языкъ стиха, который, въ силу его происхожденія, не будетъ столь близкимъ къ живому, какъ въ былинѣ, а съ другой стороны тяготѣніе къ риемѣ; цѣлый рядъ славянизмовъ (разумѣется, большою частью въ искаженіи), составляющіхъ принадлежность поздняго стиха, по его связи со славянскимъ церковнымъ и литературнымъ языккомъ его источника, передается пѣвцомъ далеко не сознательно, полусознательно; чѣмъ сильнѣе пробивается риema, тѣмъ болѣе въ стихѣ путаницы, нескладицы. Въ угоду риемѣ Артамоновъ часто даже вставляетъ строки, по смыслу не связанныя съ предыдущими, часто взятыя, можетъ-быть, изъ иного стиха. Старые же стихи, гдѣ и риema не такъ пробивается, гдѣ и славянизмы (говоря вообще—церковнаго тона) меньше, меньше и искаженій и путаницы—доказательство того, что существуетъ указанная мною связь между содержаніемъ и риемой. Продолжая наше наблюденіе, мы можемъ и расширить его: стихъ по типу старшій—съ преобладаніемъ повѣствовательного элемента—меньше тяготѣніе къ риемѣ, нежели стихъ лирическій, поздній; содержаніе стиха повѣствовательного яснѣе въ сознаніи пѣвца, чѣмъ лирическаго: въ этомъ послѣднемъ настроение береть верхъ надъ содержаніемъ, почему и ближе въ сознаніи пѣвца къ представлению о пѣвучести, музыкальности стиха; т.-е. лирика въ его представлениі больше пѣніе, нежели повѣствование, почему вниманіе при лирической пѣснѣ больше приковано къ музыкальной сторонѣ стиха, т.-е. къ формѣ, въ данномъ случаѣ риемѣ, нежели къ его содержанію.

Такъ, на почвѣ исторіи нашей поэзіи, гдѣ эпосъ уступаетъ постепенно лирикѣ, и на почвѣ психологіи я объясняю себѣ сравнительную исправность „эпическихъ“ стиховъ нашего пѣвца передъ его „лирическими“ стихами. Если въ стихѣ обѣ Егоріи, пѣвецъ подъ вліяніемъ тяготѣнія къ риемѣ поставилъ непонятное „солилося“ въ стихахъ:

Ничаво Ягорю не вредилося
Ягорьево тѣло солилося¹⁾,

¹⁾ См. стихи 43—44, 52—53, 66—67.; это слово разъ произносилось:— „солилося“, другой разъ:— „солилоса“, третій:— „солилося“.

если онъ употребляетъ форму: „возглаголуилъ“ (иначе: „возглаголуе“, „возглаголуи“), то случаи эти сравнительно будутъ не часты; риэма же также пробивается преимущественно въ случаяхъ, аналогичныхъ тѣмъ, которые мы могли отмѣтить даже въ былинѣ. Если же мы обратимъ внимание на поздній и при томъ лирическій стихъ „Царю Христе“, то найдемъ вмѣсто правильнаго и понятнаго по смыслу „какъ бы намъ Христа поймать“ (Безсоновъ, № 372)— „испознать“, а послѣ стиха:

За сребреники продалъ Христа,

имѣющее мало отношенія къ разсказываемому, взятое, кажется, изъ иного стиха:

Онъ лишился своею царства,

и совершенно непонятное по связи:

Не имѣйте вы царей много,
Понимайте вы цара одного.

Въ стихѣ „Родь еврейскій“ начало—заглавіе—передѣлано въ двустишіе, безъ малѣйшей связи съ послѣдующимъ:

Родь еврейскій сотворенный,
Отъ Христа было явленіе,

при чёмъ еще послѣднія два слова считаются риѣмой. Въ томъ же стихѣ ради риѣмы вставляется стихъ:

(Пилать руки унывасть)

Пилы въ руки задавасть, и даѣте:

Повѣхъ (повидиному, Пилать), вѣнецъ отверзати,
(Страстей Богу задавати)—

и слово „отверзати“ и весь стихъ явились только для риѣмы съ послѣдующимъ.

Что указанныя явленія не представляютъ индивидуальности нашего цѣвца, это видно изъ того, что то же самое мы отмѣчаемъ у другихъ пѣвцовъ, особенно намъ современныхъ: таковы записи, приведенные въ „Живой Старинѣ“ (1900, III.): стихи старого типа—безъ риѣмы и сравнительно исправны. (Алексѣй, Божій человѣкъ, изъ Смоленской губ., Юхновск. у., и Московск. губ., Серпуховск. у.), Голубиная книга (Серпух. у.), лирические же стихи „Подоконные“ (Серп. у.) уже съ риѣмой и путаницей¹⁾.

¹⁾ То же отмѣтилъ и П. И. Житенецкій (у. с., стр. 3—9) по отношенію къ думамъ: въ угоду риѣмѣ являются невозможныя формы словъ.

Наконецъ, что касается „книжечекъ“, по которымъ разучивалъ частью свои стихи Артамоновъ, то ничего болѣе опредѣленного, нежели приведенное мною выше, отъ него узнать не удалось. Содержаніе же стиховъ, за исключеніемъ „Двѣнадцати пятницъ“, не имѣющихъ у нашего пѣвца даже стихотворной формы и близко подходящихъ по тексту къ позднимъ, весьма популярнымъ тетрадкамъ, не даетъ прямыхъ указаній¹⁾.

Сводя въ одно все до сихъ поръ сказанное, мы можемъ представить себѣ положеніе духовнаго стиха въ настоящее время для данной мѣстности Курской губ. въ такомъ видѣ: стихъ старого типа, развивавшійся на общихъ съ былиной основахъ, еще сохраняется, но постепенно уступаетъ стиху лирическому новой формациіи, болѣе книжному; влияніе книжной поэзіи сказывается въ видѣ развитія вкуса къ риѳмѣ и въ старшемъ стихѣ, какъ и въ былинѣ, но въ болѣе сильной степени; еще сильнѣе влияніе риѳмы на стихѣ лирическому; это влияніе ведеть къ искаженію содержанія стиха лирическаго въ большей степени, чѣмъ стиха повѣствовательнаго. Репертуаръ калики расширяется привлечениемъ въ него мірской пѣсни, чѣмъ все болѣе нарушается традиціонной типъ профессионального носителя духовной народной поэзіи.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

*Духовные стихи, записанные 28/VII, 30/VII 1900 г. въ сель
Капустинъ, Рыльского уезда, Курской губерніи.*

I. Царю Христе.

(Страсти).

Царю Христе, Боже милостивый,
Вы — Богъ — творецъ незлобивый.
Четвертаго съ вечера царемъ бывши,
Совѣтъ жидамъ сотворивши,
5. Сталъ жиды гадать:
Какъ бы намъ Христа испозвать?
Тогда Юда къnimъ претекши,
Вонъ, пришодши къ nimъ,
И речѣть nimъ

¹⁾ Ср. Э. О. XL, 139.

10. Совѣтъ жидамъ предлагавши:
Что ииѣ дастѣ, продамъ Христа?
Жиды, сребреники измовлявши
Зловлявши сребреники, Юды отдавали.
Тогда Юда разгорѣвши,
15. Сердцѣ своему распальвши
За сребреники продалъ Христа:
Онъ лишился своею царства.
Не ииѣйте вы царей много,
Поимѣте вы царя одиоого.
20. Христосъ хлѣба предложивши
Вчедакамъ даль
Обмочивши въ соль Юды даль.
Молвилъ Христосъ ов(у)ченникамъ,
Ольниу наперснику: кто же ииа продалъ жиданъ?
25. Юда ииа ииа продалъ жидамъ
За тридцать три сребреника.
Вы ии свите, вѣрио, вы чуйте,
А мои страсти читайте,
Прискорбной души моей къ смерти
30. Пришло время, придетъ часъ
Станьте вы, вѣрины, гряду отъ васъ.

II. Родъ еврейскій.

- Родъ еврейскій сотворенный.
Отъ Христа было явленіе:
Збирались Христа убить,
Сынителя умертвить,
5. Юды за сребреники отдали,
Одного Христа взяли
Прияли Христа ко Пилату,
Чтобъ на крестѣ быть распяты.
Пилатъ руци вымываеть,
10. Ииы въ руци задаваеть.
Постомъ Криста распинали,
Повелѣль вѣцы отверзати
Страстей Богу задавати.
Матерь яго иоесомъ узрила
15. При частныхъ врестомъ явилась:
«Сыне мой прелюбезный,
Сердцѣ мому болѣзнишай».
Плачень же ииы все християви:
Терпѣль Христосъ за насъ ради.
20. Слава страстей Твоимъ, Господи!

III. Егорий.

- А у щастомъ гаду было, въ первой тысячи,
 При томъ царю, при Хеодору императору,
 При той царицы благувѣрныи,
 При святой Софии, свѣтъ премудрыи.
5. Спородила Софія три дочери пріялюбезныи
 Четвертаго сына святаго Егоргія, свѣтъ-прехвабраго:
 По локоть его руци въ красномъ золотѣ,
 По колїна иладенци въ чистомъ сбѣребрѣ
 Голова въ иладенца въ чистомъ земчугу,
10. Волоса въ иладенца, что ковыль трава.
 Изъ той земли изъ венѣрныи
 Выступалъ царице врагъ Демьянине
 Вонъ началь Чернигъ-городъ плѣнъ—рубиль
 Поломъ поломъ, забиралъ ў пеломъ
15. Три дѣвицы, родныи сестрицы,
 Засыпалъ за грады за рубежныи
 Приставали ко стаду къ звариному и къ зманиму,
 Уносили молоденца въ свою землю ненѣрию.
 Вонъ началь молоденца распрашиватъ,
20. «Котораго ты роду, какого чину:
 Или царскаго, или боярскаго
 Или тово роду книжавенскаго?»
 Молодой иладенецъ возглашуйши:
 «Я ни царскаго роду, ни боярскаго, ни книжавенскаго,
25. Я того роду божиественскаго,
 Самого Криста, царя небеснаго,
 Самой матери—Божіи
 Пресвятой Троицы иераздѣльной».
- Царице разговаривалъ: «ты повѣронай въ вѣру
 30. И ко мнѣ къ царю, къ моинъ врагамъ - дьяволамъ»,
 Молодой иладенецъ возглашуйши:
 «Не повѣрю въ вѣру и къ тебѣ царю
 И къ твоимъ врагамъ - дьяволамъ:
 Я повѣрю вѣру самому Кристу, царю небесному,
35. Самой матери Божіей Богородицѣ,
 Пресвятой Троицы иераздѣльныи».
 Злодѣй царенще врагъ-Демьянине
 Повелѣль Егоргія размо мучити
 Разно-муками различными:
40. Повелѣль Егоргія въ топоры рубать:
 Въ топорахъ лёзы прилашалися,
 Въ мастировъ руцѣ опущалися,
 Ясныи очи повращалися;
 Ничаво Ягоргію не врядилося

45. Ягорьево тѣло солилося.
 Ягорій святой Христовъ мученикъ.
 Царинце врагъ-Демьянинце
 Повелѣлъ Яоргія въ пилы пиловать:
 Въ пилахъ зубья повтиралися,
 50. Въ мастировъ руцѣ опущалися
 Ясныя очи покращалися:
 Ничаво Яоргію не вредилося
 Еогріево тѣло сольялося
 Еогрій святой Христовъ мученикъ.
 55. Повелѣлъ Еогрія по гвоздяхъ водить:
 Игвозди къ доскамъ привчиналися;
 Ничаво Еогрію не вредилося,
 Еогріево тѣло сольялося
 Еогрій святой Христовъ мученикъ
 60. Повелѣлъ Еогрія на смолѣ варить,
 На той смолѣ на кипучіи,
 (А спола кипитъ яко громъ гремитъ)
 Еогрій поверхъ смолы плаваетъ;
 Онъ стихи поеть херувимскіи,
 65. Онь гласомъ гласить по евангельски, по архангельски.
 Ничаво Еогрію не вредилося
 Еогріево тѣло солялося
 Еогрій святой Христовъ мученикъ.
 Повелѣлъ на Еогрія вскопать погребы:
 70. Вскопали погребъ сорока сажень.
 Ноперечникъ погреба двадцати сажень;
 Исадили Еогрія во глубокъ пограбъ,
 Становили древо дубовое,
 Прикрывали досками жалѣзными,
 75. Прибивали гвоздями полумуженими,
 Присыпали песками руто-желтыми.
 Самъ собою закапываль, приговариваль:
 Что ия быть Еогрію на святой Руси,
 Ия видать Еогрію свѣту бѣлаго,
 80. Не смыкать Еогрію звону Божьяго,
 Звону Божьяго, колокольного.
 Просидѣлъ Еогрій ровно тридцать лѣтъ
 Еще три года
 Явленіе Еогрія проявилось.
 85. Изъ-за города изъ-за Кіева
 Всходила туча сильно-грозная,
 Съ подъ той подъ тучи сильно-грозныи
 Подымались вѣтры злы-буіны,
 Разносилъ пѣски руто-желтыи,
 90. Изорвало гвозди полумужонки,

- Жалѣзны дащечки поразметывало,
Дубовыя дрѣва сподвальялся.
Выходилъ Ягоргій на сватую Русь,
Увидаль Ягоргій весь бѣлый свѣтъ,
95. Солнце красное, ясное.
Услыхалъ Ягоргій звона Божьяго
Зиона Божьяго, колокольнаго.
Какъ пошелъ Ягоргій въ Чернигъ городъ;
Чернигъ городъ разорѣнъ стонѣтъ:
100. Нѣть ни стараго, нѣть ни малаго,
Одна стонѣтъ церковь соборная, богомольная.
И у той церкви соборной, у богомольныхъ
Стонѣтъ яго матушка родимая—
Святая Сохея свѣтъ-премудрая,
105. Молится Богу о сноемъ чаду объ Ягоргію.
Не дошёдчи Ягоргій икореняется, иклоняется:
«Матушка моя родимая,
Святая Сохея свѣтъ-премудрая!
Отдай ты миъ свое благословленіе:
110. Пойду—варну дружбу прежнюю
Побью царя Демьянніцу».
— Ты пойди, чадо, въ чисто поле,
Возьми сябѣ коня богатырскаго,
За двѣнадцатью чапии жалѣзными.—
115. Ягоргій святой Христовъ мученикъ,
По сырой земли похѣщающи,
Богатырскаго юбия посадлающи.
Какъ заслышалъ царь врагъ Демьянинъ,
Становилъ заставы великии:
120. Не пройтить Ягоргію, ни проѣхати.
Наїзжалъ Ягоргій на дѣл горы, на Хингорскыи:
Вотъ еттамъ горамъ возглашалиъ:
«Вы еси, горы Вожингорскыи!
Разойдитесь, распространитеся:
125. Повыстрою на васъ церкви соборныи, богомольныи.»
Не етта застава миновалася
Наїзжалъ Ягоргій на дремучій лѣсъ:
Не пройтить Ягоргію, ни проѣхати.
Вотъ еттамъ лѣсамъ возглашалиъ:
130. «Вы еси леса дрянучіи,
Распатнитеся, разступнитеся:
Повыстрою на васъ церкви соборныи, богомольныи.»
Не етта застава миновалася
Наїзжалъ Ягоргій на лѣтыхъ звярѣвъ
135. А постать звярѣвъ три настыри
Три дѣвицы, родны сестрицы

- Вотъ еттыкъ дѣвицанъ возглашоуе:
 «Вы еси три дѣвицы, родны сестрицы,
 Пойдите вы за Ерданъ-рѣку,
140. Вымывайте вы лица свое бѣлы»:
 Набралися духу бесурманского и пауху иявѣрнаго»:
 Вотъ еста застава миновалася
 Вотъ етамъ звяръямъ возглашоуе:
 «Вы звѣрѣ лютые, разойдитесь,
145. Разойдитесь по три, по два, по единому
 По тиннѣмъ лясамъ, по глухимъ степамъ,
 Выходжайте вы въ поле по уремену,
 Пейте вы, ѿщите новаго и благословленое,
 Что я вамъ святой Ягорій и благословю».
150. Вотъ еста застава миновалася.
 Наизжалъ Ягорій на люту змию
 А въ люты змий з рога поболни:
 Не пройтить Ягорью, ни проѣхати
 Вотъ етой змия возглашоуи:
155. «Ты еси змѣя, ты еси лютая!
 Рассынься, змѣя, на мелки частя
 Вотъ ты будешь сыта усё безъѣстно».
 Вотъ еста застава миновалася.
 Наизжалъ Егорій на полаты яго,
160. Обрушилъ стѣну бѣлу-каменну.
 Засыпалъ цареюще врагъ-Демьянинце,
 Банить и изъ Ягоргю по звяриному,
 Сипомъ сипить по зманиному,
 Не дошёдчи Ягорья, вкорениется, вклоняется:
165. «Ягорій святой Христовъ мученикъ,
 Не спомни же ты злое-прежнее,
 Не здѣлай извѣ смерти по татарскому,
 Здѣлай извѣ смерти христіанское.
 Вотъ дай ты извѣ строку
170. Хоть на три года, хоть на три часа».
 Ягорій святой возглашилъ:
 «На дамъ тибѣ строку ии на полчаса», —
 Браиль цареющу за чарны волоса,
 Выводиль Демьянину во, чисто поле,
175. Накладаль стрялу у груди яго,
 Отбилъ яму грудь, сердце и съ печенью,
 Пролилъ его кронъ всю горючую бесурманскую,
 Очистилъ землю свято-русскую,
 Твардилъ вѣру кристіянскую,
180. Самому Кристу, царю небесному,
 Самой Матери Божи-Богородицы,
 Пресвятой Троїцы нераздѣльной.

- Самъ поѣхалъ во Кіевъ градъ.
 Во городѣ во Кіевѣ
 185. Святой Ягоргій переставился,
 Славенъ намъ, славенъ прославился.
 Великое именіи Господне, аминь.

VI. Алексѣй, Божій человѣкъ.

- Въ славномъ городѣ ва Врымѣ
 Жилъ себѣ славенъ Алхиміёнъ князь
 Со своею княгинею Евланідаю,
 Не имѣли себѣ отъ рода младенца,
 5. До Божіей церкви доходили,
 Литургію-обѣдню ванкиали,
 Молилися Богу со трудами,
 Со горючими со своими со слезами:
 «Свѣтъ Пресвятая Мать Богородица!
10. Ты зазри на наше ¹⁾ моленіе
 На труднѣе наше богомолевіе,
 На слезнѣе светое прошеніе:
 Свадай намъ, Гесподь Богъ, чада едивова
 При юности лѣтъ ва утѣшаніе,
 15. При старости лѣтъ на привозрѣніе,
 При послѣднѣи концу на споменъ души».
 Но Божіему было повелѣнью,
 По ихъ трудному богомоленью,
 По ихъ святомъ слезномъ прошенію
 20. Забрашенѣла княгиня отъ Духа Святаго ²⁾,
 Забремянѣвши княгиня спносила,
 Спонесёвши княгиня спородила.
 Алхиміёнъ князь радовался,
 По Врыму граду похождался
 25. Патріарховъ, священниковъ въ домъ взымасть,
 И княгини молитву сотворяеть,
 Своему чаду имя нарекасть:
 Нарекали яму имя наставое,
 Что святое яму имя звать Алексѣемъ
 30. Свята Божаво человѣка.
 Будетъ Алексѣй ва взращевья,
 Будетъ Алексѣй въ сеѧ лѣтъ отъ рбѹ,
 Отдавалъ яго батюшка до школе,
 Государыня мать до святой науки.
 35. Скоро Алексѣй грамотѣ завчился,

¹⁾ Сначала сказали: „моє“.

²⁾ Отчетливо слышно „аго“.

- Скоро во писанья заучился,
 Скоро воинъ паромъ сталъ писать.
 Не столько Алексія вчители вчили,
 Побольше Алексій вчителевъ знаетъ:
40. Онъ старые книги на память читаетъ
 Новые книги самъ составляетъ.
 Вышло Алексію лѣтъ восемнадцать,
 Брали яго батюшка изъ школе,
 Государыня матъ изъ святой науки;
 45. Пожелалъ яво князь батюшка жанити,
 Государыня матъ яво обручить,
 Молодую княгину къ нему приручить.
 Алексій жанитъся не желаетъ,
 Самъ о себѣ думаетъ-гадаетъ:
50. «Не создай мене, Господи Богъ, на согрѣшенье
 Создай менъ, Господи Богъ, души спасенье,
 «Не жани мене, батюшка, маною,
 А жани ризой черною».
 Отецъ Алексія вѣ послушалъ:
55. Приручали къ нему княгиню молодую,
 Повели Алексія въ Божу церковь,
 Становили Алексія на попарти,
 Среди церкви на бѣлой бумаги,
 Золоты вянцы на нихъ вкладали,
60. Золотыми перстнями обручались,
 Перепойной чашею спинались,
 Сахброними устами ликовались,
 Златыми вянцами повѣнчались;
 Налевали Алексію еданую чашу,
65. Алексій единой чаши не спѣ(sic)ваетъ
 Самъ себѣ думаетъ-гадаетъ,
 У Господа милости упрощаешь:
 «Ты свѣтъ преснятая Мать-Богородица,
 Ты возрі, нозрі на моленѣе,
70. На мое трудное богомоленѣе,
 На мое сято-слезное прошенье:
 Не создай мене, Господь Богъ, на согрѣшенье
 Создай менъ, Господь Богъ, души спасенье».
 Повели Алексія съ Божей церковь ¹⁾
- Въ яво бѣлы каменны полаты,
 75. Сажали Алексія за трапезу,
 За яго столами, за скатертиами берчатыми.
 Становили Алексію хѣба-соли,
 Наливали Алексію единую чашу.

¹⁾ вѣтъ; есть и да же то же.

- Алексѣй единой чаши не спиваетъ
80. Самъ о себѣ думаетъ гдѣаетъ:
Отъ отца, своей матери радости слушаетъ ¹⁾):
«Не создай мене, Господь Богъ, на согрѣшенье,
Создай мнѣ, Господь Богъ, души спасенье».
- Во второмъ часу было ночи,
85. Собѣжались къ Алексѣю князь-бояре,
Всѣ православные христіяне,
Дарали Алексѣя златомъ-серебромъ;
Алексѣй злато серебро примаетъ,
По церквахъ по Божихъ разылааетъ,
90. По монастыряхъ святыхъ раздѣляетъ,
По иныхъ по вбогыхъ раздаляетъ,
А самъ о себѣ думаетъ-гадаетъ:
«Не создай мнѣ, Господь Богъ, ни согрѣшенье,
Создай мнѣ, Господь Богъ, души спасенье».
95. Въ шестомъ часу было ночи
Повели Лексѣю до спокой
До его до бѣлой каменной ложи.
Алексѣй на ложницу не ложился,
Горючими слезами облился:
100. «Свѣтъ пресвятая Мать-Богородица,
Ты возрай, возрай на вмоленье,
На мое трудное богомоленье,
На мое слезное святое прошеніе:
Не создай мене, Господь Богъ, на согрѣшенье,
105. Создай мнѣ, Господь Богъ, души спасенье».
- Речѣть Алексѣй обручной княгини:
«Княгиня ты моя обрученная,
Княгиня ты моя возлюбленная!
Пойдемъ мы съ тобой въ страдь Божій,
110. Помолимся Богу за отца-матерю,
За отца-матерю зарѣную,
За тебе кнегиню младую».
- Княгиня тотчасъ ему ясночала,
Ни твѣту-прѣѣту не сказала.
115. Скидалъ Алексѣй съ себе дорогую адежду,
Надѣвалъ Алексѣй чёрную рису,
Скидалъ Алексѣй щелковый поесь,
Съ правой руци золотъ перстень,
Отдасть Алексѣй обручной кнегини:
120. «Вотъ тебѣ, кнегиня, щелковый поесь,
Съ правой руци золотъ перстень;
Молися ты Господу, трудися

¹⁾ Стихъ не на иѣсте?

- За память Алексѣя Божія чловѣка¹⁾.
 Самъ погрѣлъ Алексѣй въ страдь Божій,
 125. Погрѣлъ Алексѣй въ страдь Божій, не сказался,
 Не сказался Алексѣй отцу-матери,
 Не признался Алексѣй обручной книгини.
 И доходилъ Алексѣй до синяго моря,
 Становилась на морѣ тихая погода,
 130. Садился Алексѣй на корабель,
 Перевозилъ Алексѣя самъ Духъ сватой
 Къ городу славному къ Русалашу.
 Доходилъ Алексѣй въ Божій церковь,
 Становился Алексѣй на постѣпти,
 135. По правую сторону за двери.
 Молится Богу со трудами
 И съ горючими своими слязами:
 «Свѣтъ пресвятая Мать-Богородица,
 Ты взори на мое моленіе,
 140. На мое трудное богомоленіе
 И на слезно-святое прощеніе:
 Не создай мене, Господь Богъ, на согрѣшенье,
 Создай мнѣ, Господь Богъ, души спасеніе».
 Речѣть Алексѣю Мать-Богородица:
 145. — Достойно Алексѣю въ церкви быти,
 Достоинъ ты, Алексѣй, обѣдни служити,
 Пришелъ рабъ Божій Богу молиться
 За юности лѣтъ Алексѣй потрудиться;
 Достоинъ Алексѣй въ церкви стояти,
 150. Достоинъ Алексѣй книгу читати.
 Играйди же ты, Алексѣй, въ свою сторону,
 Въ свой славенъ въ Рымъ городъ
 Къ отцу къ своему, князю къ Алхимъёну,
 Къ своей матушки Евланиды
 155. И зазори же ты, Алексѣй, свою обручную книгиню;
 Танерь тебе отецъ-матушка не вознаетъ,
 Танерь тебе не возвасть обручна книгия.—
 Речѣть Алексѣй Мать-Богородица:
 «Свѣтъ пресвятая Мать-Богородица,
 160. Какъ же мнѣ въ свою сторону пойти
 И въ свой славенъ Рымъ городъ,
 И къ отцу князю Алхимъёну
 И къ своей матушки Евланиды?
 И книга же мнѣ зазрить обручную книгиню?
 165. Танерь мене отецъ-матушка вознаютъ,
 Танерь мене сознать обручная книгиня».

¹⁾ Два стиха забыты; позднѣе добавлено пѣвцомъ и указано мѣсто ихъ.

- Не хотѣлось Алексѣю зъ Русалкии итти:
 За слезами евангелья не возвидить,
 За рыданьемъ слово не можетъ промѣлить (sic!)
170. Погрѣль Алексѣй зъ града Русалкии,
 Доходиаль Алексѣй до синаго мора.
 Становилася на морѣ тихая погода,
 Садился Алексѣй на карабель,
 Съ радостью Богу помолился,
175. Горючими слезами облился:
 «Свѣты пресвятая Мать-Богородица,
 Зазрѣй ты, зазрѣй на мое моленіе,
 На труды мое богомоленіе,
 На слезное святое прощеніе;
180. Не создай мене, Господь Богъ, на согрѣшенье,
 Создай мнѣ, Господь Богъ, душу спасеніе».
 Перевозилъ Алексѣя самъ Духъ Святой
 Въ свою сторону къ славному граду ко Врыму.
 Доходиаль Алексѣй въ славенъ Рымъ градъ
185. Къ отцу своему князю Алхимъю,
 Къ своей матушки Евланиды,
 Зазрѣль Алексѣй обручну кнегиню:
 Ни тецъ его матушка не вознали,
 Ни сознала его обручнаа княгиня.
190. И погрѣль Алексѣй къ Божей церкви,
 Становился Алексѣй съ нищѣй братію,
 Молится Богу и съ трудами
 Съ горючими словами со слезами:
 «Свѣты-пресвятая Мать Богородица,
195. Зазрѣй ты, зазрѣй на мое моленіе,
 На мое труды богомоленіе,
 На слезное святое прощеніе:
 Не создай мене, Господь Богъ, на согрѣшенье,
 А создай мнѣ, Господь Богъ, душу спасеніе».
200. Миръ съ храма выступаетъ,
 По нищихъ милостину раздаряеть,
 Просиль Алексѣй мира милостину,
 Алексѣя тѣ златомъ-серебромъ надѣлаютъ.
 Алексѣй злато-серебро пріимаетъ,
205. По нищихъ, по вбогыхъ раздаряеть,
 По церквахъ по Божихъ разсылаеть,
 По монастыряхъ святыхъ раздѣляетъ,
 Самъ о себѣ думаетъ-гадаетъ:
 «Не создай мене, Господь Богъ, на согрѣшенье,
210. Создай мнѣ, Господь Богъ, душу спасеніе».
 Грядѣть съ Божей церкви Алхимъю князь,
 По нищихъ милостину раздаряеть.

- Доходиъ Алхимъёна князь до нищаго странника;
 Ницій странникъ князю велонилъ,
215. Покорыши словомъ изворился
 И речётъ націй странникъ князю Алхимъёну:
 «Алхимъёнъ, князь милостивый,
 Государь ты нашъ батюшка милосердый,
 Сладай ты ишь страннику милостыну
220. За память свою чада Алексея,
 Сияла Божьяко человѣка».
 Стоючи князь прослезился,
 Горючими слезами облился:
 — Что ты, странникъ, не радостно ишь возвѣщаешь
225. Про ишево чада про Алексея?
 Самъ я въ свѣтѣ не знаю,
 Гдѣ ишай чада проживаетъ?
 Которыхъ нужды приинишасть?
 Почему жъ ты ишово чада Алексея знаешь,
 230. По имену называешь?—
 «Алхимъёнъ, князь милостивый,
 Государь ты нашъ батюшка милосердный,
 Кань же ишь твово чада Алексея не знати,
 По имену не называть?
235. Въ иднинѣ мы школи съ ишмъ обучалися,
 Одного рукописанья съ ишмъ занимались,
 Однимъ царомъ съ ишмъ писали,
 Иднину книгу съ ишмъ мы читали,
 Новыя книжки мы съ ишмъ составляли,
240. Съ единаго блюдечка вушбли,
 Съ единой чашѣ спивали,
 На единой ложинцы спочевали:
 Потому я твово чаду знаю,
 Алексея по имену называю».
245. Стоючи князь прослезился,
 Горючими слезами облился:
 — Ницій ты, ницій, странникъ Божій,
 Чѣмъ ишь, странникъ, тебе подобрить,
 Хлѣбомъ и солью покормить
250. Аще златомъ-серебромъ наградить?—
 «Алхимъёнъ князь милостивый,
 Государь ишь батюшка милосердный,
 Не желаю твоей хлѣбе-соли,
 Не желаю золата-серебра.
255. Построй ты ишь, страннику ўбогому келью,
 Подальше ¹⁾ отъ своихъ куховаренъ

¹⁾ Не извѣрнуть ли? Сбился?

- И поближе къ своимъ каменнымъ палатамъ
Частымъ переходамъ.
Стоючи князь прослезился,
260. Горючими слезами облился:
— Ницій ты, ницій, странникъ Божій.
Есть у мене келья готовая
Подальше отъ моихъ каменныхъ полатовъ,
Частыхъ переходовъ,
265. Поближе къ ионимъ иуховарамъ.—
Буховары посуду спомывали,
Изъ помоны въ келью изливали.
Но на это Ликсій не гнивался,
Съ радостью Богу помолился,
270. Горючими слезами облился:
«Свѣтъ пресвятай Богородица,
Ты заарі ить ты на мое моленіе,
На труднѣе богомоленіе,
На сиятое слезное прощеніе:
275. Не создай мене, Господь Богъ, на согрѣщеніе,
Создай мнѣ, Господь Богъ, души спасеніе».
Погрѣбъ Алексѣй въ сияту келью
И молился воинъ Господу, трудился,
Трудился воинъ ровно тридцать лѣтъ,
280. Ровно тридцать лѣтъ и три года,
Скушалъ Алексѣй скромную пищу,
Скромную пищу въ ядѣлю просвирочку,
Каждную пятницу сповѣдался,
Каждой суботы приобщался.
285. Какъ заслыпалъ Алексѣй животу скончанье,
Какъ призналъ Алексѣй свое преставленіе,
Писаиль Алексѣй рукописанье,
Писавши преставленіе писаиль похожденіе ¹⁾,
Писавши похожденіе переставился.
290. Въ славномъ городѣ во Врымѣ
Святимъ Духомъ заданомъ запахло,
Отъ Святѣ-Духа звоны зазвонились,
Отъ Святаго Духа церкви растворились,
Отъ Святаго Духа книги зачитались,
295. Отъ Святаго Духа свѣти затеплялись.
Слуги до князя доступали,
Алхимъёну князю возвѣщали:
«Алхимъёнъ князь милостивый,
Государь нашъ батюшка милосердый,
300. Веть въ нашемъ увѣ городѣ славномъ въ Рымѣ

¹⁾ По ошибкѣ сперва сказаиль „рукописаніе“.

- Святыни Духомъ ладаномъ запахло,
 Отъ Свята-Духа звона зазвонилися,
 Отъ Свята-Духа церкви растворялися,
 Отъ Свята-Духа книги зачитались,
 305. Отъ Свята-Духа свѣчи затеплялися.
 Вотъ у нашичъ у градѣ святой народился,
 А нѣть—въ нашеиъ у градѣ святой переставился. —
 — Что въ нашеиъ градѣ проявилось: какіе чудеса?—
 Подымался Алхимъёнь князь съ священнымъ соборомъ:
 310. — И не тотъ ли его странникъ, который у меня въ кельи?
 И погрѣль Алхимъёнь князь къ святѣ кельи:
 Отъ Свята Духъ келья растворялася,
 Отъ Свята-Духа книга зачиталася,
 Отъ Свята-Духа свѣча затеплялася,
 315. Лежать рукописанье на святыхъ мощахъ.
 Хотѣть патріархъ рукописанье взять,
 И хотѣть прочитать:
 Не вдалось рукописанье читать патріарху,
 А вдалось рукописанье князю Алхимъёну.
 320. Речётъ Алхимъёнь князь святыхъ мощамъ:
 — Мощи вы, мощи святыи,
 Святыи вы мощи переставлённыи,
 Явите инѣ свое похожденье.—
 Началь Алхимъёнь князь рукописанье читать,
 325. Явилъ чудеса всаму хирѣ,
 Дошелся Алхимъёвъ князь до своюо чады,
 На себѣ волоса порываетъ,
 На сырь матъ-зимлю бросаетъ.
 Сильно-буинъ къ гробу припадаетъ,
 330. Гробницу руками обильаетъ,
 Горючими слезами обливается:
 — Гдѣ, мое чадо, долго жилъ-трудился?
 Ез чаму ты инѣ, чадо, не сказался?
 Построилъ бы я тебѣ келью не такую,
 335. Построилъ бы я келью золотую;
 Подальше отъ своихъ куковаровъ,
 Поближе къ своимъ каменнымъ полатамъ,
 Къ частыи переходамъ!—
 Заслыхала княгиня Евланица,
 340. Грядѣть въ святыхъ мощамъ слезно плачетъ,
 Сильно-буинъ къ гробу припадаетъ,
 Гробницу руками обильаетъ,
 Горючими слезами обливается:
 — Гдѣ жъ, мое чадо, долго жилъ-трудился?
 345. Чаму же ты инѣ чадо, не сказался?
 Имѣла бъ я тебе взять въ домъ свой,

- Кормила бъ я, поила своимъ кочтомъ,
Носилъ бы въ нась ризы не простые,
Носилъ бы ты въ нась ризы золотые,
350. Могла бъ я сама споститься и тебе съ собой,
Спостишься бы съ тобой, чадо, умѣстя!»
Какъ засыхала его обручная княгиня,
Грядеть къ святымъ мощамъ, слезно плачетъ,
Сильно-буйно къ гробу припадаетъ,
855. Гробницу руками обымаетъ,
Горючими слезами обливается:
«Гдѣ жъ ты, другъ мой, князь, долго жилъ-трудился?
Чаму жъ ты, другъ мой, князь, не сказался?
Мѣла бъ я къ тебѣ въ кельи приходить,
360. Чистою одеждуд привозности,
И молились бы съ тобою Господу, трудились двое,
Ни тещъ бы нась матушка не взяла!»
Несли святыя мощи въ погребенье.
До святыхъ мощей князя міръ не допущаетъ;
365. А князь златомъ-серебромъ міръ разсыпаетъ,
Не глянулся міръ на злато-серебро,
А глянулся міръ до святыхъ мощей.
Ать святыхъ мощей было исномощенье:
Нищимъ даваль Господь Богъ прозрѣнье,
370. Безногимъ даваль Господь Богъ ногамъ похожденье,
Безрукимъ даваль Господь Богъ рукамъ влажденье,
Глухимъ даваль Господь Богъ прослыщенье,
Нѣмымъ даваль Господь Богъ языку утвержденье
Скарбнымъ—болѣзнѣмъ исцѣленье.
875. Отъ святыхъ мощей міру на многое-льтіе,
Отъ святаго Алексія, Божіяго человѣка.
Святымъ мощамъ славу поемъ,
Во вѣкъ святымъ мощамъ слава не минуется,
Во вѣкъ святымъ мощамъ слава прославляется
380. И во вѣки вѣковъ, аминь.

V. Два Лазаря.

- Жилъ былъ славенъ человѣкъ богатой,
Вонъ пилъ-ѣлъ сладко, ходилъ хорошо,
Дорогів одѣжды небогачъ надѣвалъ,
Про ивѣсть про Божью ничѣво не даваль.
5. Ницій былъ хворы, лежалъ во гною,
Передъ богачомъ, передъ воротми яво.
Вышелъ богатый самъ за ворота,
За нимъ вышла челядь—гордая раба.
Доходить богатый противъ Лазаря,
10. Закричать Лазарь громкимъ голосомъ:

- «Братецъ мой, братецъ, сильный-богатый!
 Создай мнѣ братецъ хлѣба и соли,
 Про милость про бѣжью напой-накорми;
 Не я тебѣ заплачу: Господь, царь небесный.
15. Гдѣ жъ твоей души лучи надо мной?
 Грозное слѣвочко богачъ отказалъ:
 —Лажиши ты, Лазарь, у гнаю,
 А смердуетъ отъ тебе надо мной, какъ лютой песь.
 Ты не называйся братомъ моимъ.
20. Есть у меня братья такой, что и самъ.
 У мене много злата серебра,
 Сильного имѣнія богачества тьма.
 Вотъ я не вбоюсь ничѣмъничаво:
 Отъ Господа Бога златомъ откуплюсь,
25. Отъ злого человѣка судомъ отойду.—
 Плюнуль на Лазаря, самъ прочь пошелъ,
 Всѣль за собой ворота замкнуть.
 Не было въ богатого ни Божей души,
 Не кому до Лазаря взмоливаться,
30. Не кому Лазарю хлѣба-соли дать;
 Было въ богатого два лютые псы:
 Оны по подстоличью хаживали,
 Мелки крошечки собирывали,
 Ко вбогому къ Лазарю принашивали;
35. Вотъ тѣмъ его душу въ тѣлѣ пропитывали,
 Гноючія раны зализывали,
 Страмное тѣло заживливали.
 Помолится святой Лазарь Господу;
 «Господи Боже мой, Спась милосердій,
40. Выслушай, Господи, молитву мою:
 Притай мою душу до хвалы къ себѣ,
 Сошли по мою душу грозныхъ ангеловъ,
 Грозныхъ, страшныхъ, не тихихъ, не милосердныхъ.
 И вжо моя душа насквернилася,
45. И тѣлѣ ваболѣлся,
 Голодомъ-холодомъ настрадалося,
 Скорбности-болѣзности намучилось,
 Богачомъ въ гною належалося,
 Странного сквернословія наслушалось».
50. Самъ Господь выслушалъ молитву яво,
 Сославъ Царь небесный святыхъ ангеловъ,
 Святыхъ, частныхъ, милосердныхъ, тихихъ, смиренныхъ,
 По Лазареву по душу яво ¹⁾);
 Вывули душу изъ Лазаря,

¹⁾ Обмолвили „мою“, но поправился.

55. Огдали душу къ Богу въ рай,
 Къ святыму къ Авраамію на явленіе.
 Мало времично туть чашь изгоды,
 Случаіль богатому ись путь ити,
 Не дошелъ богатой до своего двора,
60. Не взиралъ богатой ни жаны, ни дѣтей,
 Не взиралъ богатый ни Бога, ни людей,
 Не взиралъ богатый ни золата-серебра,
 Сильного имѣнія и богачества тьма зъ своего двора;
 Вышла на богатого сильна хвороба,
65. Божецкая гибельность вроцливая.
 Напомнилъ богатый о болѣзни своей,
 Лежучи богатый молитву творилъ,
 Вспомнилъ богатый Господа Бога:
 —Господи Боже мой, Спасъ иллюсивый,
70. Выслушай, Господи, молитву мою:
 Примай мою душу до хвалы къ себѣ.
 Сошли по мою душу святыхъ ангеловъ,
 Святыхъ, частныхъ, иллюсивыхъ, тихихъ, смиреныхъ,
 По богачеву по душу мою.
75. И вмѣ я душа внила-вѣла,
 Хорошо сходила, много золата-серебра насчиталась,
 И разныхъ вѣхонъ вѣщалась,
 И тѣло вкрасовалось,
 Дорогими ёдѣзды поносилось,
80. Сладкихъ наѣдовъ накушалось.
 Дорогихъ напитковъ напивалось.—
 Самъ Господь выслушаль молитву иво;
 Сославъ Царь небесныхъ грозныхъ ангеловъ,
 Грозныхъ, страшныхъ, неиллюсивыхъ, не тихихъ, не смиреныхъ,
85. По богачеву душу иво:
 Вынули душу изъ богача скрость ребра его,
 Отдали душу въ пекельный оголь,
 И вверзали въ алу муку предвѣчельную.
 И взрить богатый изъ муки въ рай,
90. Заузврѣть богатый Авраамія въ раю,
 Близко зъ Врамія брата Лазара,
 Закричить богатый громкимъ голосомъ:
 —Братецъ мой, братецъ, Лазарь святой!
 Замочи въ синечь морѣ свой иззерный пёротень,
95. Закроцай, брату, сахбрны уста,
 Злою ту муку предвѣчельную,
 Чтобы мене износился пекельный огонь,
 Злая мука предвѣчельная.—
 «Братецъ мой, братецъ, сильной-богатой!
100. Радъ бы я тебе братомъ нарекать,

Сахарные усты закрошать,
Не здѣсь не моя воля—все Божеckая.
Въ тебе много злата серебра,
Сильного имѣнія богачества тьма:

105. Вотъ тѣмъ себѣ откупить отъ плами отъ огня,
Отъ злой отъ муки предвѣчныя,
Въ царство небесное златомъ вѣчнить».
—Братецъ мой, братецъ, Лазарь святой!
Теперь въ мене нѣту ничѣмъ-ничаво,
110. Все мое злато-срѣбро прахомъ взялось,
Сильное имѣніе разныемъ разнесло,
Все мое богачество на земли зосталось.—
«Братецъ мой, братецъ, сильной богатой!
Спомнишь ты, братецъ, не забудешь,
115. Какъ мы жили-были въ вольномъ свѣтѣ:
Едина насть матушка двоихъ родила,
Не одну долю Господь намъ далъ:
Тебѣ Богъ далъ богачества-тьма,
А мнѣ Богъ за вѣчество рай.
120. Зачѣмъ мы съ тебой, братъ, не въ справдѣ жили?
Какъ ты мене Лазари за брата не мѣль,
Про милость про Божью не поилъ не кормилъ,
Хлѣба-соли не создаваль,
Темницъ сѣдящихъ не просвѣщалъ,
125. На пути, на мѣстѣ не подаваль,
Заблудающимъ рабомъ пути не указаль,
Нищихъ убогихъ не поилъ ни кормилъ,
Отъ темныхъ ночи не скрывалъ,
130. До Божей до церкви мертвое тѣло не провожалъ,
До Божей до церкви не хождалъ,
Про милость про Божью не создаваль,
Чудовищного вобраза не сукрашалъ,
Ничѣмъ себѣ царства не наслѣдовалъ».
- Братецъ ты мой, братецъ, Лазарь святой,
135. Кабы жъ я зналъ-вѣдалъ муку надъ собою,
Я бѣ тебе, Лазари, за брата мѣль,
Про милость про Божью кормилъ-поилъ,
Хлѣба и соли создаваль бы,
Темницъ сѣдящихъ просвѣщалъ,
140. На пути, на мѣстѣ подаваль,
Заблудающимъ рабамъ пути указаль,
Нищихъ убогихъ кормилъ бы поилъ,
Отъ темныхъ ночи бы скрывалъ,
До Божей до церкви въ мершее тѣло провожалъ бы,
145. До Божей до церкви дохходжалъ бы,
Про милость про Божью создаваль бы,

- Чудовного вѣбраза съукрашаль бы.
 Вотъ я бъ себѣ царства наслѣдовалъ.—.
 Смаялся богатый не во время,
 150. Когда было времячко минулося.
 «Аминь, аминь, что Богъ тебѣ далъ,
 Тыль, богатый братъ вѣдай».
 Идѣ святныи ангелы лики ликуютъ?
 Ликуютъ ангелы ликъ ва земли,
 155. Царствують праведныи ва вебесахъ.
 Мы святыму Лазарю славу поемъ:
 Во вѣкъ ему слава не минуетъ,
 Во вѣки во славу прославляется.
 Аминь, аминь, что Богъ ему далъ.
 160. Создай же, Господь Богъ, всему миру прекрасенъ рай.

VI. Михаилъ-архангель.

- Когда придетъ времѧ-жистъ послѣдняя,
 Грѣши мы думаемъ разсужденіе.
 И праведныи быть рай-спасеніе.
 Со востоку солнцу, ва западѣ,
 5. Тамъ протечетъ рѣчка огненна,
 За той за рѣкой за вогненной
 Тамъ стонть архистратигъ Михаилъ
 Со своими съ двѣнадцатьми апостолами,
 Со янгелами, со архангелами,
 10. Переводить души праведныхъ,
 Черезъ ту рѣку вогненну,
 Къ своѣму небесному царствію:
 «Идите, мои христолюбцы души,
 Преступитесь у Бога, праведны,
 15. Бѣ своѣму небесному царствію:
 Уготовлено вамъ царство небесное,
 Горять вамъ свѣчи вѣтущимы,
 Уготованы ризы невзносимы.
 А вы пошли прочь прокляты,
 20. Подите вы прочь беззаконные рабы,
 А въ тыи пропасти сырой земляны,
 Горять вамъ огни злыи невгасимы,
 Смола вамъ кипить неутолимая».
 Расплачутся многогрѣшныи души,
 25. Разрыдаются беззаконные рабы:
 —Увидѣ-усышишь, Архистратигъ Михаилъ,
 И вослышишь, судья праведный!
 За что нась отъ раю отсылаешь,
 Отъ своего царствія небеснаго?

30. Чаму не тыя души христіянски были?—
Какъ возречеъ архистратигъ Михаилъ,
Возглаголиъ судья праведный:
«Хотя жъ бы вы души христіянски были,
Въ чемъ Божей воли не творили?
35. За крестъ за молитву ве стояли,
Не юлѣли ни середы, ни пятницы святой,
И ви третьяго дня воскресенія,
Вечернѣ на вулицахъ прогуливали,
Вутревю въ постеляхъ пролеживали,
40. Абѣдно за столомъ прасаживали,
Судили суды не по праведному,
И праведный судъ звиновачивали,
А зиннаго правды и настанавливали,
Вы брали зъ нихъ казну несчислѣнную суму (sic),
45. Топили казну въ сырь мать-землю.
Веть на ту кару черь замъ неусыпучая,
Веть камъ грѣшныи по дѣламъ будеть».
Каждъ расплачутся многогрѣшныи души
И разрыдаются беззаконные рабы:
50. «И увидъ-услышъ, Архистратигъ Михаилъ,
И увидъ-услышъ, судья праведный,
Бери жъ ты зъ насъ много злата-сребра,
И побольше того чистаго земчугу».—
Какъ въречёгъ архистратигъ Михаилъ,
55. Возглаголуетъ судья праведный:
«Здѣсь судья невинная живетъ,
Невиненная, не радуется злату-серебру,
И побольше того часту земчугу,
Здѣсь судья у Бога праведная».
60. Какъ бы душу ощастъ пасточъ, зъ молитвою,
И въ рай войтить святой милостивою.

VII. Михаилъ-архистратигъ.

- Плачемъ же мы возрыдаемъ,
На смертныи часъ помышляемъ.
И придетъ послѣднее житъе-время:
Земля-небо испогрясѣтъ,
5. Каменное все распадёгся,
Завѣсы престоли разрушатся,
Солнце и мѣсяцъ померкнетъ,
Часты звёзды на земли скатятся,
Луна вокругъ приватворится.
10. Тогда насъ на свѣтѣ не будетъ,
Пройдетъ рѣка огненая,

Пожреть вона тварь всю земную,
Михаилъ архангель съ неба сойдеть,
На Сианскую гору взойдеть

15. Въ семигласную трубу вострубить,
Живыхъ мертвыхъ отъ гроба возвудить.
Мертвящи отъ гроба повостануть,
Въ единый ликъ Господу превозбудуть,
И праведныи Господи возлаголути:

20. «Идите, мои христолюбимцы:
Вготвлено вами царство небесное
Отца нашего Бога-Салаоеа».
А грѣшныи Господь возлаголунтъ:
«Пошли прочь, прокляты,

25. Въ ты пропасти сыро-зянныи.
Гарячъ вами огни неугасимые,
И смола кипитъ неутолимая,
Черь зла несыпучая».
И праведный души грядутъ, веселятся,

30. А грѣшныи души, къ Богу возопивши,
Ко Господу гласть свой испущаютъ:
— Ты вослыши, самъ небесный Царь,
За что ты насть отъ раю всылаешь,
Отъ царства небеснаго?—

35. А грѣшники Господи возлаголуи:
«Какъ жили вы были на вольномъ свѣтѣ,
Воли Господней не творили,
За хрестъ, за молитвы не стояли,
За пакость Господню преступали,

40. Законы разлучали,
До Божей до церковь не ходили,
Велики говѣйны не говѣли,
Тайны Господнихъ святыхъ не примали,
Читанія Божья не вслушали.

45. Я зъ Дѣвы народился,
Два дни быль на распятіи
Не ради душъ вашихъ согрѣшенья,
Для ради душъ вашихъ спасенія,
Душу спасти съ постомъ, въ молитвами

50. И въ рай сойти святый милостійно».
Славенъ Богъ, славенъ прославилен.
Велико имя Господне, аминь.

VIII. Плачъ Іосифа.

Кому поемъ печаль, кого призовемъ къ рыданію?
Господи, создатель мой, сповѣдай печаль мою.

- Печаль моя несносная,
Плакаль бы бъ я день и ночь возгредаъ,
5. Всякой часъ, всякое время.
Кто бъ не далъ съ неба сточника слезъ,
Съ неба голубицу летающую, возвѣщающую,
Послахъ бы я къ своему отцу къ Зравелю:
Отче отецъ Зравеле!
10. Твои дѣти мои братья,
Оны били мене, въ рову кинули,
За волоса зъ рову вынули
Запродали мене въ ту ю замлю Египетскую,
Къ тому царю Хараонскому.
15. Случилось же ему мимо вѣхати,
Идѣ спогребена Графель, мати моя,
Пейду впаду на сырь зямлю,
Промью слезы къ Господу Богу;
Разступился мать сыра-земля,
20. Ты воскройся гробова доска,
Стань, проснись Графель мати-мои
Отъ своего-то умершаго сну.
Спознай своюко сына, свѣтъ-Восихва,
Что быхъ я въ тебе любимый сынъ,
25. Распрекрасный, свѣтъ-Восихвовъ.
Славу иму и держава и во вѣки вѣковъ, аминь.

IX. Рождество.

- Христошь Богъ Спаситель съ вѣрными просвѣтился.
Народился Христошь Богъ Спаситель во Хлемъинѣ,
Въ той стороны въ Юдвѣцкой,
Зволилъ въ вертепы къ Богу пребыть
5. Спасенію нашему вради.
Царь Иродъ хотѣлъ Христа убить,
Посыпалъ своихъ волхвовъ къ Богу спытать.
Съ востоку звездою путь проводили,
Приходили волхвы къ Богу съ поклоненiemъ,
10. Принесли Кристу честные дары.
Принѣлъ Господь милосердный за всю свою благу.
Ты еси нашъ Богъ надъ богами,
Ты еси нашъ Царь надъ царями.
Безсмертный вѣнецъ на главу спримали,
15. Мы же тебѧ Христа возвѣщали.
Господи, слава Тебѣ!

Х. Сонь Богородицы.

- Святой сонь Богородицы симъ явилсѧ:
 Мати Марія, Дѣва святая,
 Съ вечера Мати мало спала,
 Нынѣже во сну видала
5. И про свою чаду про святую:
 Въ славномъ городѣ во Хлємъинѣ
 Кабы я себѣ чадью споврадила,
 Пеленами меня спеленила,
 Шалковымъ поесомъ совивала,
10. Золотою рязою скрывала.
 И въ славномъ городѣ въ Русалииѣ,
 На святой риѣ ва Ердани,
 На Сіанской горы на вертепѣ
 Выростало же тамъ древо сиятое,
15. Что святое тамъ древо кинпаресово,
 Что ва томъ святомъ древу на кинпаресову,
 Превосуденъ твой ирестъ, сынъ явилсѧ.
 Онъ явѣши самъ промолвился:
 «Свѣтъ-мати Марія, Дѣва святая,
20. Вотъ я самъ твой сонь знаю
 Со воистину разсужаю:
 Что быть мнѣ, матушка, на ирестѣ распятому,
 Быть сбавленной муки свронавлену,
 А тариову вѣницу ва главу возложему,
25. А троствѣмъ по главѣ разбѣнному,
 А въ ребра кошѣмъ сокрушенному
 А крови моей святой быть пролитой».
 Расплачется Мать Марія,
 Разрыдастся Дѣва-святая:
30. — Прелюбимый мой сынъ, царь небесный,
 Безвинную муку принимаешь,
 Пресвятую кровь проливаешь!
 На кого меня, Дѣву, споручаешь?
 Кому на дозрѣніе оставляешь?—
35. Что прорекъ самъ Иисусъ Кристосъ:
 «Не плать-не рыдай, Матв-Марія;
 Не ядину я тебе, матушку, споручаю,
 Не ядину пресвятую оставляю:
 Споручаю, оставляю: ва святаго Яна,
40. А ва святаго Яна Богуслова,
 Аще на того друга Христова».
 Нарекала его Мать вторымъ сыномъ—Иисусомъ Кристомъ.
 Егда Иисуса Криста тѣло соймутъ,

- Бровь Его святую разольють,
 45. Его погребенье за всѣхъ будеть
 И, моя мать, изъ мертвыхъ, животъ вѣчный.
 Богъ вѣрныи даруетъ на спасеніе,
 Безвѣрныи на вѣчную муку.
 А третій день отъ гроба воскреснетъ,
 50. Самъ на небеса возносила
 Со честнѣющими херувимами,
 Со славнѣющими серафимами,
 Съ збранными материами со святыми.
 Что изъ мертвыхъ, матушка, усопавши,
 55. Самъ ко тебѣ съ неба сбѣду,
 Самъ твою душу превпокою,
 А въ царствѣ небесномъ и соборѣ,
 И гдѣ святые ангелы ликъ ликуютъ,
 А стрепещитъ небесная сила,
 60. А съ трепѣтіемъ стоять предъ престолами,
 Лица крылами ликъ воскрываетъ.
 Всаво былъ во градѣ во Русалииѣ,
 Во святой Божіей церкви за престоломъ
 Погребеніе мощемъ со святыми.
 65. Погребши къ мощамъ преклонюся,
 Поклонѣвшись съ матушкой попрашуся:
 Ты прости, прости, моя Богородица,
 Ты прости, Дѣва пресвятая.
 Выпишу твой ликъ на иконѣ
 70. И поставлю твой образъ на престолѣ
 Въ святой Божіей церкви, во соборѣ
 Передъ чудовыми образами,
 Передъ царскими воротами;
 И туда будуть міръ-народъ прилождатъ,
 75. Службу молебны нанимать,
 Земляные поклоны съклонять,
 И тебе, Мать пречистая, возвеличать,
 Во вѣкъ Иисуса Христа міромъ прославлять.

Кто же этой сонѣ, стихъ Божій, перепомнить, онъ будеть отъ муки
 забавленъ предвѣчныя. Кто же етотъ стихъ Божій выслушаетъ, Господь
 Богъ грѣховъ збавляетъ, наслѣдовашъ будеть царству небесному, достоинъ
 будеть авѣю пресвѣтому. А мы воспоеемъ: аллілуя!

XI. «Иже нашъ Христостъ Богъ Иоусе».

(Распятіе).

Единый лукавый быль Вуда,
 Запродалъ Христа Бога на распятъ

- И въ святое древо кимпаресово.
 Расплачется мать Божья Марія:
 5. «Прелюбезный мой сынъ, Царь небесный,
 Безвинную муку принимаешьъ,
 За міръ кровь святую проливаешьъ!»
 — Не плачь, не рыдай, Мать Божья Марія,
 Ета моя мука-смерть—животъ вѣчный.
 10. Богъ вѣрнымъ даруетъ ва спасенье,
 Безвѣрнымъ ва муку вѣчную.
 Восприму ету муку самъ за вѣру,
 За всѣхъ православныхъ христіанъ.—
 Слава Тебѣ, Христе, Боже нашъ!

XII. Двѣнадцать пятницъ.

Придите убо, браты, послушайте,
 Что въ ангельской книге написано:
 Двѣнадцать пятницъ въ году спостовать:

1-я пятница великая въ году послѣ сырной недѣли на Федоровской недѣлѣ: Кто въ тую пятницу постовать будеть, съ постоемъ со молитвою, того человѣка отъ страшной смерти скорой постижной сохраненъ будеть Господь, Богъ святой, помилуетъ.

2-я пятница великая въ году... противъ Благовѣщенія... того человѣка отъ иутреней болѣзни сохраненъ будеть... ¹⁾

3-я пятница... противъ пресвѣтлаго Воскресенія... того человѣка отъ трясучей болѣзни и припадку сохраненъ будеть ..

4-я пятница... противъ Вознесенія... женскаго полу отъ судьбы...

5-я пятница... противъ Св. Духа-Троицы... отъ скудости, бѣдности, заливной смерти...

6-я пятница... противъ св. Ильи Пророка надѣляюща... отъ грозы и грады, огня-пожару, отъ вѣчной муки...

7-я пятница... противъ Спаса Преображенія... отъ дьявольской грезы, иладыхъ иладенецъ отъ присыпу...

8-я пятница... противъ Успенія... отъ трясучей болѣзни, лихорадки...

9-я пятница... противъ Усѣкненія честныя главы И. Предтечи... въ царскую службу отъ мечу-посѣчу, отъ ружейного побою...

10-я пятница... противъ Егоргія Великомуч... отъ звѣри съденія...

Первая на десять пятница... противъ Рождества Христова... возврѣть тую душу Мать Пресвятая Богородица...

Вторая на десять пятница... противъ «Стрѣченья»... сповѣдаѣть тые душу самъ Исусъ Христосъ, возмутъ тую душу ангелы, подадутъ тую душу Богу въ рай.

¹⁾ Повторяется формула первой пятницы.

А кто же не поминать двѣнадцать въ году пятницъ постовать, аще
мужъ съ женой совокуплются, будуть просить милиту Богу дѣтище,
народится дѣтище несчастливыя: либо катъ будетъ, либо воръ, либо
разбойникъ большой, станетъ злыи начальникомъ, худымъ дѣламъ на-
ставникъ будетъ. А поимѣйте же вы, братіе, въ году двѣнадцать пят-
ницъ постовать, приидите вы, братіе, въ Божій домъ, со любовношью,
съ вѣрностью, помолитесь, братіе, самому Христу, давайте, братіе, ищущи
милостиину, необсужденную, необговоренную, не заклятую: заклятан, об-
сужденная, обговоренная милостина не въ пользу души. Слава Тебѣ, Боже
нашъ, аминь.

XIII. Объ Александрѣ II.

- Мы подумаемъ, друзья,
Про бѣлага царя.
Милостивый государь,
Александръ второй царь:
 5. Вонъ съ любовию радѣль,
Всѣмъ свободы дать хотѣль,
Подъ крыломъ усѣхъ держаль,
И отказайхъ усѣхъ забавиаль,
Всѣ законы исправиаль,
 10. Сыналъ бѣдныхъ людей стоны,
Самъ на помощь поспѣшаль
Всѣхъ злодѣевъ съукрашаль.
Стали злодѣи судъ судить,
Какъ бы царя истрабить,
 15. Много козыя спотребили,
Отчайныхъ подкупили
Дали имъ въ руки зорноты.
Оны отъ Бога прокляты
Вездѣ мины подводили,
 20. Государя истребили.
Каравулъ вездѣ стояль,
Государя сохраниль;
До марта первого числа
Господь сохраниль царя.
 25. Марту первого числа
Жизнь скончалась государя.
Проявился первый вдаръ,
Государя миновалъ;
Проявился второй взрывъ,
 30. Государя сповразилъ.
Справраженный царь упалъ,
Жалобно слово сказалъ:
«Подымите мене, дѣти,

- Знать отжился я на съѣти,
 35. Знать сиончалась жисть моя!—
 За народною толпой
 Не видать было, отколь
 Тамъ яго горька страсть была:
 Съ государя кровь лила,
40. Слуги яго къ государю доступали,
 Подъ балы руки подняли,
 На рукахъ царя издергали,
 Слезно плакали-рыдали:
 «Что ты нашъ батюшка, земной богъ!»
45. Ты лишился своихъ ногъ!
 Добро намъ усѣмъ творыть;
 За то свою кровь пролилъ!
 Ты нашъ батюшка, государь-отецъ,
 Несемъ тебя во дворецъ».
50. При дворцы усы стояли,
 Слезно плакали-рыдали,
 Червый трапуръ надѣвали,
 О покой души сказали,
 Черны хулаки опустили;
55. Царску смерть возвѣстили.
 Какъ возвѣстили на владыкъ уазъ,
 Попелись слезы съ глазъ,
 Какъ отбили телеграмъ—
 Затменіе сонца намъ
60. Темъ было свѣту и свѣтилы,
 Земли было потрясеніе,
 По исѣмъ по городу по Питеру тявога,
 Государю страшды много.
 Какъ намъ издуматъ и взгадать,
65. Какъ на царя руки взнять?
 По исѣмъ святымъ церквамъ
 По соборамъ подзвонили,
 Погребеніе служили,
 Прослужили шесть недѣль,
70. А намъ здалось-одинъ день.
 Солнечныи лучи поискрылись,
 Государя мы лишились.
 Давайте мы, братіе, Бога молить:
75. Какъ сына примудрить,
 Какъ сына войдеть по дѣланъ отцу,
 Прозведенъ дѣло къ концу.
 Слава Богу и царю держава, и во вѣни вѣковъ, аминь.

Этот стихъ былъ также записанъ гр. *М. А. Голенищевой-Кутузовой* въ области войска Донского со словъ ссыни, пѣвшаго подъ звуки лиры, и сообщенъ *Н. Кульмачомъ* въ «Русск. Стар.» въ 1900 г. VI, 651—654, съ небольшими замѣтками. Варьанты привожу изъ этой записи. 2. Усѣ про бѣлаго цара., 3—мѣтъ; 5—горбъ; 7—И отъ казни избавлялъ; 9—Онъ справлялъ усѣ законы; 12—И влодѣевъ укрошацъ; 16—Огчайныхъ людей подкупили; 18—Они есть Бѣгомъ прокляты. 20—А царя не истребили; 23—24—мѣтъ; 26—Государю смерть пришла; 29—Какъ взвился второй большой взрывъ; 31—государь; 35—39—мѣтъ; 40—И къ нему слуги подбѣжалъ; 44—Ахъ, ты; 46 и 47 *пеставлены*; *далъе сльдуютъ ижи ст.* 64—65 и еще два: Какона таинъ страсть была,—Богда царская кровь лиза; 54—Черный флагъ они спустили; 55—Государеву; *далъе идуть наши стихи* 67—70; 56—Возвѣстили на Кавказъ; 58—59—Даже телеграмму затишилъ солдата нашъ; 60—61—мѣтъ; *далъе наши стихи*: 71—72, 56—57; 62—Во всенъ Питеръ тревога; 63—Стражды было; 64—Страшно слушать и сгадать; 66—67 Усѣхъ соборовъ зазвонили; 72—Бѣлаго царя; 73—76—мѣтъ; *смѣсто ижъ*: Во весь Питеръ удивился,—со всего Питера сошлися.

М. Сперанский.

Сословно-поземельный вопросъ и раятская зависимость въ Дагестанѣ.

(Продолженіе).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Современное положеніе крестьянъ и раять въ Дагестанѣ.

ГЛАВА I.

Статистическія данныя о количествѣ народонаселенія и землевладѣніи въ Дагестанѣ. Селенія горцевъ. Земледѣліе, скотоводство, отхожій и кустарный промыслы. Сведѣнія о движении населенія, народномъ образованіи и проч. Сельскія общины въ Дагестанѣ. Внутренняя ихъ организація: сходъ, старшина, судъ; поземельные права общины, передѣлы. Налоги и повинности съ жите-
лей Дагестана.

Въ настоящее время туземное населеніе Дагестанской области равняется 552801 душъ обоего пола (мужчинъ 279428 и женщинъ 273373) ¹⁾.

По округамъ населеніе это распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

О К Р У Г А	Мужч.	Женщ.	Об. пола.
Темиръ-Ханъ-Шуриинскій.	38682	36147	74829
Аварскій.	18732	18498	37230
Андійскій.	23546	23447	46993
Гунибскій.	28641	29953	58594
Даргинскій.	40514	41949	82463
Казикумухскій.	26368	27297	53665
Кайтаго-Табасаранскій.	39265	35620	74885
Кюринскій.	39308	37241	76549
Самурскій.	24372	23221	47593

Живеть все это населеніе на площади, равной 25546, 1 кв. верстъ или 2661049 десятинамъ, такъ что на 1 жителя по различнымъ округамъ земли приходится:

¹⁾ Кавказскій Календарь за 1899 г., изд. о.о., Тифл., III, стр. 21—22.

О К Р У Г А	Площ. въ кв. в.	Пл. въ десят.	на 1 кв. в. жит.	на 1 жит. кв. в.
Темирь-Ханъ-Шуринскій. . .	5443,1	566989	16,2	0,062
Аварскій.	1312,6	136729	26,1	0,039
Андійскій.	2921,8	304354	16,4	0,061
Гунибскій.	3855,3	401593	15,2	0,066
Даргинскій.	1504,8	156750	53,3	0,019
Казикумухскій.	1875,2	195333	27,4	0,037
Кайтаго-Табасаранскій. . .	2526,5	263177	30,3	0,034
Кюринскій.	2857,5	297656	27,9	0,036
Самурскій.	3249,3	338468	20,7	0,049

или въ среднемъ на 1 жителя—0,045 кв. в. или 4,801 дес.

Но если мы, принявъ во вниманіе характеръ этой безплодной горной страны, исключимъ отсюда всѣ земли, неудобныя для земледѣлія, а также тѣ, которыя не орошаются водою, безъ чего здѣсь всякая растительность гибнетъ, то мы получимъ столь незначительную площадь земли, что невольно начинаешь удивляться терпѣнію и трудолюбію горца. Количество орошаемыхъ земель въ Дагестанской области, исключая Казикумухскій и Андійскій округа, гдѣ ихъ нѣтъ вовсе, выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

О К Р У Г А	Въ десятинахъ коляч. орош. земли.	Pриходится	десят. на 1 душъ
		на 1 дымъ	
Темирь-Ханъ-Шуринскій. . .	35000	1,9	0,43
Аварскій.	3320	0,4	0,10
Андійскій.	—	—	—
Гунибскій.	8750	0,6	0,14
Даргинскій.	80	0,01	0,002
Казикумухскій.	—	—	—
Кайтаго-Табасаранскій. . .	13580	0,8	0,16
Кюринскій.	13375	0,9	0,16
Самурскій.	4100	0,4	0,07

Благодаря столь незначительному количеству, горцы дорожатъ всякимъ клочкомъ обрабатываемой земли. Все, что только можно обработать, занято посѣвами, съ которыхъ жители собираютъ скучную жатву.

Этимъ же недостаткомъ земли, ея дороговизной¹⁾, объясняется

¹⁾ Какъ дорого цѣнятъ горцы землю, видно изъ „Исторіи войны“ Дубровина, который въ т. I, ч. 1, приводить много любопытныхъ данныхъ на этотъ предметъ. Что же касается дороговизны, то обыкновенно десятина плохой земли цѣнится отъ 100 до 400 рублей.

отчасти—я говорю отчасти, такъ какъ главными мотивами были, какъ мы видѣли, интересы защиты и обороны отъ нашествій враговъ—выборъ мѣста для постройки селеній, которыя расположены или въ глубокихъ оврагахъ, или по скату горы въ видѣ амфитеатра, или на очень высокихъ возвышеностяхъ и хребтахъ горъ. Дома здѣсь построены скато. Улицы чрезвычайно извилисты, узки, круты и часто состоять изъ ступенекъ, по которымъ могутъходить только пѣшеходы. Въ лучшихъ селеніяхъ можетъ только проѣхать арба. Поэтому грязь и нечистота составляютъ исключительную принадлежность горскихъ селеній. Дома въ селеніяхъ, вслѣдствіе недостатка лѣса, строятся изъ камня на глинѣ, а другіе просто сложены изъ камня, безъ всякой смазки, или даже изъ необожженного кирпича, и состоять обыкновенно изъ двухъ этажей: нижній—для помѣщенія скота, лошадей и хозяйственныхъ принадлежностей, а верхній—для хозяина и его семейства. Дворъ, благодаря отсутствію земли, или нѣтъ вовсе, или крыша сбѣда служить дворомъ. Благодаря такойстройкѣ и отсутствію оконъ, наружный видъ селеній самый непривѣтливый—виднѣется скученная масса сѣрыхъ каменныхъ клѣтушекъ, сидящихъ одна на другой.

Что касается занятій народонаселенія, то главными являются земледѣліе, скотоводство и отхожіе промыслы.

Земледѣліемъ въ Дагестанѣ занимается большая часть его населения, и оно, можно смыло сказать, составляетъ любимое занятіе горца, но, несмотря на это, земледѣліе, какъ таковое, находится въ самомъ плачевномъ положеніи. Земли удобной почти нѣтъ. Пріемы обработки самые примитивные. Земледѣльческія орудія первобытнаго типа. Въ гористой части области для пахоты употребляется пароволовая легкая соха¹⁾, а на плоскости очень грубый тяжелый плугъ, напоминающій собою малороссійскій сабанъ и требующій не менѣе 4 паръ буйволовъ или воловъ²⁾.

¹⁾ Обзоръ о сост. Даг. обл. за 1895 г., стр. 8; Козубскій, Пам. кн., стр. 116. Анучинъ (Отчетъ о поѣздкѣ въ Дагестанъ вътомъ 1882 г., стр. 392) вотъ какъ описываетъ соху: что просто загнутый крючкомъ довольно длинный сукъ, болѣе толстый въ своей загнутой части, на переднемъ концѣ которой укрѣплена небольшая металлическая лопаточка. Къ сукку приделаны свади 2 рукоятки, соединенные на верхнемъ концѣ перекладиной, держа которую управляютъ сохой.

²⁾ Обзоръ за 1895 г., стр. 15.

Благодаря сказанному, а также крайне неблагоприятнымъ почвеннымъ, климатическимъ и техническимъ условіямъ и, кроме того, подвергаясь различнымъ стихійнымъ бѣдствіямъ, свойственнымъ великой горной странѣ, земледѣліе Дагестана не окупаетъ трудовъ земледѣльца, такъ какъ хлѣба мѣстнаго урожая, несмотря на трудолюбіе и рѣдкую энергию жителей, даже въ самые урожайные годы едва хватаетъ на продовольствіе населенія въ теченіе 6 мѣсяціевъ.

Принимая за норму для пропитанія человѣка впродолженіе года—1,8 четвертей, мы можемъ увидѣть изъ нижеслѣдующей таблицы степень обезпеченности народнаго продовольствія мѣстными урожаемъ¹⁾:

О К Р У Г А	На 1 душ. приходилось чет. въ		
	1892 г.	1894 г.	1895 г.
Темирь-Ханъ-Шуринскій.	0,33	0,7	0,78
Аварскій.	0,37	0,6	0,55
Андійскій.	0,14	0,3	0,53
Гунибскій.	0,73	0,4	0,52
Даргинскій.	0,19	0,2	0,26
Казикумухскій.	0,46	0,4	0,40
Кайтаго-Табасаранскій.	1,87	3,6	2,30
Кюринскій.	1,13	2,0	0,80
Самурскій.	0,28	0,4	0,60
Итого . . .	0,66	1,1	0,80

Отсюда видно, что жители Кайтаго-Табасаранского и Кюринского округовъ болѣе или менѣе обезпечены хлѣбомъ, всѣ же остальные должны его приобрѣтать на сторонѣ покупкою или мѣною, что можно видѣть изъ «Обзоровъ о состояніи Дагестанской области», въ которыхъ мы находимъ: жители Темирь-Ханъ-Шуринского округа купили для своего продовольствія въ 1892 г. хлѣба 28115 четв. на сумму 146477 рубл., а Аварскаго на 50500.; въ 1894 г. жители Аварскаго и Гунибскаго округовъ прикупили хлѣба, на 169367 р. и т. д.²⁾.

Обращаясь къ скотоводству, мы находимъ его особенно развитымъ въ нагорномъ Дагестанѣ, гдѣ существуютъ сравнительно хорошия горныя пастбища.

Но и положеніе скотоводства не блестяще, такъ какъ невоз-

¹⁾ Обзоръ за 1894 г., стр. 19, Обзоръ за 1895 г., стр. 15, Козубскій, ib. 114.

²⁾ Обзоръ за 1894 г., стр. 20, Обзоръ за 1895 г., стр. 16.

можность заготовить рѣбѣно, читаемъ мы въ обворахъ за 1894 и 1895 года, въ нукомъ дея количествѣ во время суровой и продолжительной зимы заставляетъ овцеводовъ держать стада круглый годъ на под-
волнномъ порѣ^{вн.}, для чего приходится скотъ перегонять либо въ
плоскостную часть области, либо въ сосѣднія губерніи.

Одночности этого промысла можно составить приблизительное
поясненіе по слѣдующимъ даннымъ: въ 1892 г., по свѣдѣніямъ
вѣковъ, которыхъ окружныхъ начальниковъ, отъ продажи разнаго скота
и продуктовъ скотоводства было выручено—въ Темиръ-Ханъ-Шу-
ринскомъ округѣ 89788 р., Аварскомъ—33168 р.; въ 1893 г. въ
Темиръ-Ханъ-Шуринахъ—131283 руб. Аварскомъ—29050 руб.;
въ 1894 г. въ Темиръ-Ханъ-Шуринахъ—96681,5 р. Аварскомъ—
19669 р. Гунибскомъ—130126 руб., Самурскомъ—53918 руб. ¹⁾

Вслѣдствіе недостатка удобныхъ земель и плохихъ доходовъ
отъ двухъ вышесказанныхъ занятій, жители съ давнихъ порь
должны были обратиться къ разнообразнымъ промысламъ, какими
главнымъ образомъ явились отхожій и кустарный промыслы, прочие
же, какъ напр., извозъ, шелководство, рыболовство и т. д. хотя и
существуютъ, но по своимъ размѣрамъ не играютъ выдающейся роли.

Отхожій промыселъ развитъ весьма широко во всей Дагестан-
ской области вообще, а въ нагорныхъ округахъ въ особенности.
„Осенью“, говоритъ А. В. Комаровъ, извѣстный знатокъ Дагестана,
„убравъ поля и обеспечивъ семейства на зиму, почти всѣ взрослые
мужчины отправляются искать себѣ работы въ разныя мѣста...
Казикумухца, напр., можно зимою встрѣтить вездѣ отъ Оренбурга
до Тавриза“ ²⁾. Знающіе ремесла переходятъ изъ города въ го-
родъ, устраивая временные мастерскія и сбывая свои произведенія,
а незвающіе идутъ въ чернорабочіе, главнымъ образомъ въ Баку,
на нефтяные промыслы. Здѣсь, вдали отъ родины, они проводятъ
осень и зиму, но только наступить весна, всѣ спѣшать домой къ
семействамъ.

По свѣдѣніямъ „Обзоръ о состояніи Дагестанской области“
число жителей, отправившихся на отхожій промыселъ въ 1892 г.,
равнялось 70366 душамъ, въ 1893 г.—74610, въ 1894 г.—72419,
въ 1895 г.—44849 и т. д.

¹⁾ Обзоръ за 1894 г., стр. 21, Обзоръ за 1895 г., стр. 18, Козубскій Пам. ви.,
117—119.

²⁾ Комаровъ. Адаты и судопроизводство по нимъ, стр. 42.

По отдельнымъ округамъ количество это чисто и, кромъ того,

О К Р У Г А	Количество въ 1892 г.	свойственнымъ въ паше труда
Темиръ-Ханъ-Шуринскій	7372	73 несмотря на
Аварскій	1676	2440 в рожай-
Андійскій	5285	6117 тече
Гунибскій	1746	4767
Даргинскій	10068	8932
Казикумухскій	6769	7597
Кайтаго-Табасаранскій	2755	1632
Кюринскій	4240	3562
Самурскій	6395	30000
		6398

Кромъ этихъ лицъ, изъ Гунибскаго и Самурскаго округовъ ежегодно съ осени со своимъ скотомъ до 80000 душъ населенія обоего пола перекочевываетъ въ Тифлисскую, Елизаветпольскую и Бакинскую губерніи. Вообще же число всѣхъ лицъ, ежегодно отлучающихся изъ области для обезпечеія себя съ материальной стороны, достигаетъ, по словамъ Обзора о состояніи области за 1895 годъ, четверти всего населенія ³⁾.

Что касается кустарного промысла, то послѣдній является для жителей Дагестана однимъ изъ главныхъ источниковъ дохода.

Имъ занимаются повсемѣстно и мужчины и женщины. Всѣхъ кустарей въ 1895 году числилось 8633 человѣка, которые распредѣлялись по округамъ области такъ ³⁾:

Аварскій	488
Андійскій	1000
Гунибскій	1529
Даргинскій	1168
Казикумухскій	4130
Самурскій	318

Кустари-женщины занимаются выдѣлкою изъ шерсти разнообразныхъ предметовъ, начиная съ ковровъ и кончая обувью. Нѣкоторыя изъ этихъ издѣлій, напр., ковры, паласы, сукна, бурки и т. п., благодаря прекраснымъ качествамъ работы, служать, кромъ удовлетворенія домашнихъ потребностей горца, также и предметами значительной торговли и въ области.

¹⁾ Обзоръ за 1894 г. стр. 22, Обзоръ за 1895 г. стр. 18—19, Ковубскій іб. 119—120.

²⁾ Обзоръ за 1895 г. стр. 19

³⁾ Обзоръ въ 1895 г. стр. 19—20, Ковубскій. Пам. кн. іб. 120—123.

можность заготовить 4-мужчины обрабатываютъ преимущественно металлы, тюда, въ нужномъ срѣво и кожи. Особенno славится производство изящныхъ змий заставляетъ изъ золота, серебра съ чернью, слоновой кости, рога, вонючимъ коры^а и стали съ насѣчкой и инкрустациими¹⁾.

плоскостную Предѣлъ заработка кустарей крайне трудно въ виду того,

о дуо какъ производительность промысла, такъ и сбыть издѣлій под-
понятіе держены многими случайностями и колебаніями. Къ этому надо
нѣкото прибавить еще то обстоятельство, что значительная часть кус-
ти г
р
р
" тарныхъ издѣлій обмѣнивается на мѣстѣ или за предѣлами страны
на хлѣбъ и другіе жизненные припасы. Приблизительное понятіе
о заработка кустарей дають цифры „Обзоръ о состояніи области“,
изъ которыхъ мы узнаемъ, что въ 1892 г. кустарями Аварскаго
округа было выручено 15528 руб., а Даргинскаго — 30000 руб., въ
1895 г. первыми — 3605 р., а вторыми — 71203²⁾.

Сказавъ нѣсколько словъ о занятіяхъ жителей Дагестана, мы
въ pendant должны здѣсь замѣтить, что благодаря труднымъ мѣст-
нымъ и экономическимъ условіямъ, поголовной бѣдности и посто-
яннымъ эпидемическимъ болѣзнямъ и сифилису, населеніе Дагестан-
ской области почти не увеличивается, а остается по количеству такимъ,
какъ было и раньше. Послѣднее видно изъ слѣдующей таблицы,
взятой изъ „Обзоръ о состояніи области“³⁾:

Въ 1887 г. населеніе увеличилось на 3316 душъ или на 0,6%												
н 1888	"	"	"	"	1297	"	"	"	0,2%			
н 1889	"	"	"	"	2227	"	"	"	0,4%			
н 1890	"	"	"	"	2406	"	"	"	0,4%			
н 1891	"	"	"	"	847	"	"	"	0,1%			
н 1892	"	"	уменьшилось	"	12674	"	"	"	2,2%			
н 1893	"	"	увеличилось	"	908	"	"	"	0,1%			
н 1894	"	"		"	680	"	"	"	0,1%			
н 1895	"	"		"	3815	"	"	"	0,7%			
Итакъ съ 1887 по 1895 г.				"	2822	"	"	"	0,4%			

Если къ этому мы прибавимъ круглое невѣжество (0,03% грамотныхъ) и полное отсутствіе школъ (6 школъ на полъ-мил-

1) Обзоръ за 1895 г. стр. 19. Козубскій ів. 122—123.

2) Обзоръ за 1895 г. стр. 20. Козубскій ів. 123.

3) Обзоры за 1888—1892, 94—95, Козубскій ів. 127—128.

люна жителей), то мы получимъ полную картину экономического и морального состоянія жителей этой бѣдной страны¹⁾.

Познакомившись въ самыхъ краткихъ чертахъ съ материальными положеніемъ жителей Дагестана, мы заглянемъ внутрь дагестанскихъ селеній и узнаемъ, насколько возможно, ихъ административное устройство.

Послѣднее „Положеніе объ управлениіи Дагестанской областью“²⁾ (§ 35) и выработаннымъ на основаніи его Сельскимъ уставомъ³⁾ оставлено въ томъ почти видѣ, какъ было до владычества русскихъ въ Дагестанѣ.

Вслѣдствіе полного незнакомства русскихъ читателей съ устройствомъ сельского общества въ Дагестанѣ, мы позволимъ себѣ болѣе подробно остановиться на внутренней его организаціи.

Сельское общество составляется въ Дагестанѣ въ вѣкъ имѣющихъ постоянную осѣдлость жителей одного селенія, кроме бековъ, ихъ семействъ и живущей у нихъ прислуги⁴⁾. Въ тѣхъ случаяхъ, когда селенія малолюдны, они соединяются по мѣстнымъ условіямъ въ одно общество или причисляются къ большему селенію, гдѣ и сосредоточивается главная сельская власть. Вслѣдствіе этого на 1180 селеній сельскихъ обществъ въ Дагестанѣ насчитывается 497, или, распредѣливъ количество тѣхъ и другихъ по округамъ, мы получимъ слѣдующую таблицу⁵⁾:

1) Обзоръ за 1895 г. стр. 44—46. Кавказскій, Нам. ви. іб. 113—115.

2) Акты, т. XII, ч. 2, стр. 687 и сл.

3) Проектъ положенія о сельскихъ обществахъ, ихъ общественномъ управлениі и повинностяхъ, государственныхъ и общественныхъ, въ Дагестанской области. Темиръ-Ханъ-Шура. 1868 г. Утвержденъ предвиціемъ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго Кавк. арміею во Кавк. горахъ управл. отъ 26 апреля 1868 г. за № 2360.

4) Положеніе бекскаго сословія до сихъ поръ не опредѣлено и не регламентировано правительствомъ. Исключенные изъ сельского общества сельский уставомъ 1868 г., они въ настоящее время, живутъ и прежде, не имѣютъ никакой общей организаціи и, живя большою частью въ селеніяхъ, стоять въ послѣднему особнякомъ. Подчинены беки только окружному начальству. Достоинство бека приобрѣтается въ настоящее время только рождениемъ и, какъ таковое, не можетъ быть утрачено никоимъ образомъ, даже за преступление. Повинностей и сборовъ, кроме воинскаго налога, въ количествѣ 35 коп. съ дымъ, не весятъ и, кроме этого и своего сравнительного богатства, ничѣмъ не отличаются отъ прочей массы населеній Дагестана.

5) Кавказскій календарь за 1899 г. Осень, изд. III, 22 стр. и слѣд.

ОКРУГА	Селеній всего.	Сельск. общество.	Число селеній, имѣющихъ домовъ до					
			10	25	50	100	200	бога.
Темиръ-Ханъ-Шу-								
ринскій	47	47	1	—	1	6	12	27
Аварскій	81	54	—	3	25	22	20	11
Андійскій	119	62	4	17	16	38	30	14
Гунибскій	192	62	22	56	42	31	23	18
Даргинскій	150	59	9	17	32	30	37	25
Казикумухскій . .	104	55	1	10	25	33	23	12
Кайтаго-Табаса-								
раинскій	192	53	11	37	60	44	24	17
Кюринскій	214	66	4	39	43	86	35	7
Самурскій	80	39	2	7	11	25	22	13
	1180	497	54	186	255	315	226	144

Представляя собою первую административную единицу, сельское общество имѣть свое собственное управление, которое составляется изъ сельского схода, сельского старшины, сельского кадія и сельского суда. Кроме этихъ главныхъ, такъ сказать, лицъ, назначаются еще побочные, какъ, напр., помощники старшины, если общество состоить не изъ одного селенія, чоуши (разсыльные), полевые сторожа, смотрители канавъ и проч.

Сельскій сходъ составляется изъ всѣхъ должностныхъ лицъ и представителей данного сельского общества, отъ каждого дыма по одному человѣку.

Должностные лица, по сельскому положенію 1868 г., или назначаются русскимъ начальствомъ (сельские старшины и ихъ помощники), или выбираются черезъ каждые три года обществомъ съ утвержденія начальства (сельскій кадій и сельские судьи), или безъ онаго (чоуши, полевые сторожа и проч.).

Служба по выбору общества составляетъ почетную обязанность, отъ которой, по общему правилу, нельзя отказываться безъ уважительныхъ причинъ, каковыми по сельскому уставу признаются: 1) пожилой возрастъ болѣе 60 лѣтъ, 2) болѣзнь, 3) родъ занятій, не позволяющихъ быть постоянно въ селеніяхъ, и 4) предыдущая служба по выбору ¹⁾.

¹⁾ Въ до-русскій періодъ въ качествѣ репрессалии за отказъ примѣнялось разграбленіе имущества выбранного лица и разрушение его дома.

Главная роль въ сельскомъ управлениі принадлежитъ сельскому сходу, который вѣдастъ главныя дѣла, касающіяся цѣлаго общества, какъ, напр., выборъ должностныхъ лицъ, приговоры объ удаленіи изъ общества порочныхъ членовъ и о принятіи новыхъ, наблюденіе за правильнымъ расходомъ сельскихъ суммъ, распоряженіе общественными землями, принесеніе просьбъ, жалобъ, повѣрка дѣйствій и учетъ должностныхъ лицъ, раскладка податей и т. п.

Сельскій сходъ, по тому же уставу 1868 г., созывается сельскимъ старшиной, наибомъ (приставомъ) или другимъ начальствующимъ лицомъ, смотря по надобности, и преимущественно въ дни джумы (пятница). Первое мѣсто на немъ принадлежитъ старшинѣ, мнѣніе которого береть перевѣсъ въ случаѣ равенства голосовъ, поэтому приговоръ схода, созданного безъ согласія старшины, какъ и приговоръ по дѣлу, не подлежащему компетенціи схода, признаются недѣйствительными.

Дѣла на сходѣ решаются или единогласно, или по большинству голосовъ—абсолютному или $\frac{2}{3}$, голосовъ (удаленіе порочныхъ членовъ, передѣлы, контроль суммъ и принесеніе жалобъ и просьбъ начальству), и приговоры, кроме случаевъ, где для законности требуется $\frac{2}{3}$ голосовъ, не записываются, а сохраняются въ памяти общества.

Жалобы на рѣшеніе схода восходятъ, черезъ наибъ, къ Начальнику округа или къ Губернатору, отъ которыхъ зависитъ окончательное рѣшеніе вопроса.

Второе мѣсто послѣ схода въ сельской общинѣ принадлежитъ сельскому старшинѣ, который вмѣстѣ съ тѣмъ является для общины органомъ правительственной власти. На обязанности старшины лежитъ надзоръ за сохраненіемъ порядка и спокойствія въ предѣлахъ сельской общины, почему его вѣдомству здѣсь подлежать всѣ лица, входящія въ составъ сельского общества, каковыхъ онъ за неповиновеніе его власти можетъ назначать на общественные работы или подъ арестъ на срокъ не болѣе 2 дней, или подвергать штрафу въ размѣрѣ 1 рубля.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, какъ первый полицейскій чинъ, долженъ наблюдать за правильнымъ исполненіемъ жителями всѣхъ указаний начальства и доносить послѣднему о всѣхъ нарушеніяхъ порядка. Онъ обязанъ ловить бѣглыхъ, задерживать бродягъ, принимать мѣры въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ-то: пожары, наводненія

и проч., приводить въ исполненіе рѣшенія сельскаго и окружнаго судовъ, взыскивать штрафы, наблюдать за сходомъ и должностными лицами и проч.

Что касается сельскихъ кадіевъ (дебиры и будуны), то на нихъ возлагается, кроме наблюденія за чисто духовными обязанностями правовѣрныхъ, еще: 1) засѣданіе въ судѣ, 2) веденіе письмоводства и 3) надзоръ за опеками.

Судебная власть въ сельской общинѣ Дагестана сосредоточена въ рукахъ сельскаго суда, который состоить изъ кадія и изъ выбранныхъ на каждое трехлѣтіе сельскимъ сходомъ лицъ для отправленія обязанностей судей. Число послѣднихъ съ кадіемъ, для дѣйствительности приговора, должно быть нечетное и составлять не менѣе трехъ.

Дѣла, подлежащія компетенціи сельскаго суда, слѣдующія: 1) по гражданскимъ искамъ и спорамъ между жителями подвѣдомственной ему сельской общинѣ на сумму не свыше 100 руб., 2) по несогласію между мужемъ и женой, родителями и дѣтьми, 3) по утвержденію опекуновъ и попечителей, избираемыхъ сельскими кадіями, 4) по наслѣдствамъ, 5) по воровствамъ, обманамъ и утайкамъ на сумму не свыше 30 рублей, если обвиняемый судится въ первый или второй разъ, и 6) по спорамъ и тяжбамъ, возникающимъ между лицами постороннихъ обществъ, если споръ или жалобы возникли во время пребыванія отвѣтчика въ районѣ сельскаго общества.

Всѣ перечисленныя дѣла решаются или по адату или по шаріату, отъ чего зависитъ какъ порядокъ производства дѣлъ, такъ и самое рѣшеніе.

Начинается дѣло съ принесенія суду жалобы потерпѣвшаго, который, по общему правилу, долженъ явиться лично. Исключеніе допускается только для опекуновъ и попечителей, хотя въ дѣлахъ уголовныхъ жалоба можетъ быть принесена свидѣтелемъ - очевидцемъ или старшиною селенія.

Производство дѣлъ въ судахъ гласно и словесно.

Разборъ дѣла начинается съ преній сторонъ, во время которыхъ судъ старается привести дѣло къ маслагату (мировой сдѣлкѣ); въ случаѣ, если примиреніе не удалось, судъ постановляетъ рѣшеніе по адату или шаріату.

Если дѣло подлежитъ адатному порядку, то рѣшеніе постано-

вляется всѣмъ наличнымъ составомъ суда по большинству голосовъ, если же по свойству своему (дѣла семейнаго и наследственнаго права) оно требуетъ шаріатнаго рѣшенія, то оно постановляется кадемъ, но не иначе, какъ въ общемъ присутствіи суда.

Кромѣ наказанія по адату, сельскій судъ, въ случаѣ недостаточности адатнаго наказанія или даже совершенного отсутствія послѣдняго, можетъ приговорить виновнаго или къ общественныи работамъ до 6 дней, или денежному взысканію до 3 руб., или, наконецъ, къ аресту до 7 дней.

Состоявшееся рѣшеніе записывается въ особенную книгу, которая ведется кадемъ, и объявляется сторонамъ. Если послѣднія остаются довольны, то приговоръ считается окончательнымъ и словесно сообщается сельскому старшинѣ для приведенія въ исполненіе, если же недовольны, то судъ недовольной сторонѣ выдастъ копію, для представленія въ теченіе мѣсячнаго срока апелляціонной жалобы въ окружной словесный горскій судъ, который, разсмотрѣвъ дѣло по существу, можетъ согласиться съ приговоромъ сельскаго суда или постановить свое рѣшеніе.

Всѣ прочія дѣла, кромѣ подлежащихъ сельскому суду, какъ, напр., между жителями разныхъ обществъ, между жителями и беками, гражданскія свыше 100 р., третій рецидивъ, уголовныи, по убийствамъ, пораиеніямъ и проч., подлежать вѣдомству окружныхъ судовъ, къ которымъ и восходятъ непосредственно отъ наибовъ.

Будучи судебно-административной единицей, сельское общество Дагестана вмѣстѣ съ тѣмъ является поземельной общиной, считалась собственникомъ всѣхъ находящихся въ его пользованіи земель¹⁾. Послѣднее, по характеру своему, бываетъ нераздѣльное для всѣхъ жителей данного общества и раздѣльное для каждого общинника въ теченіе определенного времени. Въ первомъ, нераздѣльномъ пользованіи находятся всѣ угодія, которыми неограниченно пользуются всѣ жители данной общины, напр., пастбища, лѣсъ, рыбные ловли и проч., во второмъ — пахотные участки и сѣнокосы. Распределеніе послѣднихъ совершаются при помощи передѣловъ.

¹⁾ Частная собственность въ общинахъ Дагестана встречается въ видѣ земель, подъ которыми разумѣются незначительные участки земли, находящіеся въ частной собственности жителей. Происхожденіе земель относится къ тому времени, когда земли было много и каждый обработанный участокъ считался собственностью того, кто его обработалъ.

Техника передѣлонъ сводится къ возможно полному количественному и качественному уравненію надѣловъ. Въ Дагестанѣ послѣднее достигается тѣмъ, что участки пашни распредѣляются по группамъ на основаніи, вычисленной сложности урожаевъ за нѣсколько лѣтъ и уже согласно этому доходу дѣлятся по жребію между дымами данной сельской общины. Такъ же распредѣляются и покосы на мѣста, съ тою разницей, что сѣнокосы подвергаются передѣлу болѣе часто, чѣмъ пашни. Обыкновенный срокъ для передѣловъ пашни для всего Дагестана опредѣлить трудно, но наиболѣе часто встречается десятилѣтній, а для сѣнокосовъ—ежегодный¹⁾.

Привыкнувъ къ общественному устройству, дагестанскіе горцы, благодаря родовому устройству быта и страшному консерватизму, до сихъ поръ свято держатся общинъ и не рѣшаются выйти изъ числа ея членовъ, даже тѣ, которые въ настоящее время обладаютъ значительными пріобрѣтенными землями.

Вообще, изучая сельскую общину и поземельное устройство послѣдней, мы находимъ въ ней весьма большое сходство съ русскими общинами, имѣющими почти такое же внутреннее устройство. Есть только одинъ признакъ, который рѣзко отдѣляетъ русскую общину отъ дагестанской, именно — полное отсутствіе круговой поруки, которая совершенно неизвѣстна горцамъ Дагестана.

Послѣ этого краткаго очерка административного и сельского устройства сельской общины Дагестана мы переходимъ къ описанію налоговъ и податей, вносимыхъ населеніемъ Дагестанской области въ пользу русскаго правительства. Величина тѣхъ и другихъ сильно колеблется не только по различнымъ округамъ, но даже селеніямъ общества; такое разнообразіе податей явилось слѣдствиемъ того, что населеніе облагалось податью постепенно, съ водвореніемъ русскаго владычества въ покоренныхъ частяхъ края, и оклады, съ упраздненіемъ ханскихъ управлений, соразмѣрялись съ экономическимъ благосостояніемъ края²⁾.

Главной податью въ настоящее время является подымный сборъ,

¹⁾ Иначе совершаются передѣлы въ такъ назыв. бекскихъ селеніяхъ, гдѣ земля считается собственностью бековъ. Здѣсь распредѣляетъ землю бексій нукерь, который отдѣляетъ каждому жителю известный участокъ, сообразуясь съ количествомъ скота и работоспособностью каждого.

²⁾ Обзоръ за 1892 г., стр. 48, Ковубскій, Памятн. кн., 128—129.

собираемый съ дыма, какъ первой единицы финансового обложения въ Дагестанѣ, по слѣдующимъ окладамъ: въ Темиръ-Ханъ-Шуриинскомъ округѣ изъ 47 селеній 4 обложены рублевымъ окладомъ, 2 селенія — $1\frac{1}{2}$ - рублевымъ, 25 селеній — 2-хъ - рублевымъ и 16 — 3-хъ - рублевымъ. Все населеніе Аварскаго, Андійскаго, Гунибскаго, Даргинскаго и Казикумухскаго округовъ обложено однообразнымъ окладомъ — въ 1 рубль съ дыма. Въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ 134 селенія обложены 2-хъ - рублевымъ окладомъ, а 58 селеній отъ подымной подати освобождены, но зато вносятъ земскій сборъ по особому усиленному окладу. Въ Юриинскомъ округѣ въ Южно-Табасаранскомъ наиболѣе взимается 2-хъ рублевый окладъ, прочія же селенія обложены неравномѣрными окладами — отъ 50 коп. до 6 р. 75 коп. съ дыма, кроме того, 32 селенія этого же округа подымной подати не платятъ, а вносятъ земскій сборъ по особенному усиленному окладу. Наконецъ, съ населеніемъ Самурскаго округа подымная подать взимается въ размѣрѣ 1 р. 50 коп. съ дыма, за исключеніемъ 5 селеній, обложенныхъ 2-хъ - рублевымъ окладомъ.

Подымная подать взимается въ Дагестанѣ со всѣхъ жителей, кроме должностныхъ лицъ сельского управления, служащихъ по военно-народному управлению, офицеровъ и ихъ семействъ, бековъ и чанокъ, всадниковъ Дагестанскаго конно-регулярнаго полка, послужившихъ 15 и болѣе лѣтъ, малолѣтнихъ, старииковъ и бѣдныхъ, число которыхъ не должно, однако, превышать 10% всего податнаго сословія.

Кромѣ подымнаго сбора, все населеніе платить еще земскій (государственный и областной) сборъ, взимаемый соотвѣтственно ихъ материальному благосостоянію¹⁾ отъ 15 коп. (Гунибскій округъ) до 3 р. 3 к. (въ Юриинскомъ окр.), и такъ называемый военный налогъ, ввамѣнь отбыванія туземцами воинской повинности, по 35 коп. съ человѣка²⁾.

Рядомъ съ этими налогами въ Дагестанѣ существуютъ натуральныя повинности, изъ которыхъ главнѣйшими являются: 1) до-

1) Сводъ статистич. данныхъ, извлеченныхъ въ посемейныхъ спискахъ населенія Закавказья. Изд. закавказск. статист. комитета. Дагестанская область. Тифл. 1890 г., стр. 143, 157 и др. Обзоръ за 1892 г. стр. 48.

2) Обзоръ за 1895 г. стр. 28—29. Кромѣ этихъ сборовъ, землевладѣльцы несутъ поземельный налогъ, а всѣ остальные — различные косвенные налоги.

рожная повинность; о размѣрахъ ея можно судить по слѣдующимъ данными, взятыми изъ губернаторскихъ отчетовъ: въ 1892 г. было выставлено для исправленія дорогъ 968 арбъ и 106875 человѣкъ, въ 1893 г.—4283 арбы и 175445 человѣкъ, въ 1894 г.—1391 арба и 195752 человѣка и т. д.¹⁾; 2) подводная повинность для проходящихъ команда и этаповъ; о размѣрахъ ея можно составить представление изъ того, что въ 1894 г. было выставлено жителями 277 лошадей и 7195 подводъ²⁾; 3) квартирная повинность для постороннихъ проходящихъ войскъ и 3 сотенъ Дагестанского конно-регуляриаго полка.

Кромѣ этихъ повинностей, жители отбываютъ цѣлый рядъ другихъ,—исполнение которыхъ по сельскому уставу 1868 г. возложено на жителей, какъ-то: принятие указываемыхъ начальствомъ мѣръ въ случаѣ появленія заразительныхъ болѣзней и скотскихъ падежей, содержаніе въ исправности проселочныхъ дорогъ, межъ и межевыхъ знаковъ, проточныхъ водъ и канавъ на земляхъ общества, содержаніе карауловъ, пригрѣвѣе престарѣлыхъ и увѣчныхъ, принятие мѣръ въ случаяхъ пожара и наводненія сель, а также для истребленія саранчи, хищныхъ звѣрей и т. п.³⁾.

Покончивъ съ описаніемъ быта, судебно-административныхъ устройствъ и налогами, существующими для всѣхъ вообще жителей Дагестана, мы переходимъ въ слѣдующей главѣ къ изображенію сельскаго быта зависимыхъ отъ бековъ раятъ.

ГЛАВА II.

Ненормальное положеніе раятъ послѣ введенія въ дѣйствіе сельскаго устава 1868 года. Статистическая давнина о количествѣ раятъ Дагестана и ихъ племенномъ составѣ. Въ чёмъ выражается современная раятская зависимость? Общий взглядъ на послѣднюю. Государственные раяты и ихъ происхожденіе.

Зависимость ихъ отъ русскаго начальства.

Съ введеніемъ въ дѣйствіе „Положенія о сельскихъ обывателяхъ“ въ 1868 году всѣ сельскія общины горцевъ Дагестана получили одинаковое устройство, основывавшееся, какъ мы видѣли, на началахъ самоуправленія. Существовавшая до этого времени во многихъ мѣстахъ края полицейско-административная власть бековъ

¹⁾ Обзоръ за 1894 г. стр. 25 и за 1895 г. стр. 27.

²⁾ Обзоръ за 1894 и 1895 гг.

³⁾ Положеніе о сельскихъ обывателяхъ 22—23.

перешла къ сельской общинѣ, и послѣдняя стала совершенно независимой отъ своихъ бывшихъ правителей.

Съ переходомъ власти къ сельской общинѣ беки уже окончательно освободились отъ обязанностей, лежавшихъ на нихъ съ ханскихъ временъ по управлению сельскими обывателями, и даже стали къ послѣднимъ въ обособленное положеніе.

Послѣ этого должны были бы, кажется, прекратиться и права бековъ на повинности и личный трудъ жителей, вытекавшія изъ исполненія беками своихъ обязанностей. Но здѣсь судьба сыграла злую шутку, благодаря которой беки оказались обладателями однихъ правъ безъ всякихъ обязанностей, а на долю крестьянъ—раять выпали одни обязанности, безъ всякихъ правъ...

Какимъ образомъ совершилась эта вошіющая несправедливость—на этомъ мы здѣсь останавливаться не будемъ, такъ какъ въ предыдущей (второй) части мы достаточно уже говорили о томъ, какъ существовавшая раньше административная зависимость населенія отъ бековъ официально превратилась въ поземельную и въ качествѣ таковой, несмотря на протесты жителей, до сихъ поръ фигурируетъ въ дѣлахъ сословно-поземельной комиссіи. Здѣсь же считаемъ нужнымъ очертить современное положеніе вещей въ Дагестанѣ и изложить тѣ отношенія, въ которыхъ выражается въ настоящее время такъ называемая раятская зависимость населенія отъ бековъ.

Число всѣхъ селеній, жители которыхъ обязаны нести въ пользу бековъ тѣ или иные налоги и повинности, въ настоящее время въ Дагестанѣ простирается до 83 съ 59906 жителями обоего пола.

Распределеніе раятского населения по округамъ и племеннымъ группамъ видно изъ слѣдующихъ таблицъ.

О К Р У Г А

	Всѣхъ селеній.	Раятскихъ селеній.	Жителей обоего пола во всѣхъ селеніяхъ округа.	Жителей обоего пола въ раятскихъ селеніяхъ.	% отноженіе раятскихъ жителей, даннаго округа.
Темиръ-Хавъ-Шуринскій.	47	15	74829	26103	34,51%
Аварскій	81	—	37230	—	—
Адійскій	119	—	46993	—	—
Гунибскій	192	—	58594	—	—
Даргинскій	150	—	82463	—	—

О К Р У Г А

	Всѣхъ сел- еній.	Рентск. сел.	Жител. об- его пола во всѣхъ селен. округа.	Жител. об- его пола въ районѣ, селен.	Отноше- вие рагъю ко губмъ житей. данн. округа.
Казакумухскій	104	5	53665	2401	4,47%
Кайтаго-Табасаранскій . .	192	40	74885	21671	29, 1%
Кюриинскій	214	21	76549	8218	10,73%
Самурскій	80	2	47593	1513	3,18%
Итого	1180	83	552801	59906	10, 8%

П Л Е М Е Н А

	% отnошeнiе района Кайтаго племени къ всѣмъ, рагъ тѣмъ обитат.	% отnошeнiе района Кайтаго племени къ числу всѣго племени.
Даргинцы	1,36%	0,66%
Евреи	4,28	25,66
Кайтагцы	1,15	4,59
Кумыки	46,53	60,60
Кюриинцы	15,3	7,16
Лаки	2,82	5,83
Агулы	1,19	10,15
Табасаранцы	5,16	17,19
Татары	15,83	72,92
Таты	6,91	100,00%

Переходя послѣ этого къ ознакомленiю съ размѣрами существующихъ въ настоящее время въ Дагестанѣ податей и повинностей въ пользу бековъ, мы должны замѣтить, что при описанiи ихъ будемъ придерживаться территориальныхъ границъ прежнихъ владѣнiй, а самыя подати и повинности будемъ обозрѣвать, благодаря крайнему ихъ разнообразiю, по каждому селевiю въ отдельности, давая вмѣстѣ съ тѣмъ числовыя данныя о количествѣ народонаселенiя, землевладѣнiи частномъ и общественномъ и о величинѣ надѣловъ земли бекской и общественной. При семъ мы считаемъ нужнымъ пояснить, что мы будемъ перечислять только тѣ подати и повинности, которыя вносятся и исполняются рагатами въ пользу бековъ регулярно каждый годъ, всѣ же остальные, носящiя случайный характеръ, какъ то: сборъ съ населенiя послѣ смерти членовъ бекскаго семейства, сборъ при выдачѣ замужъ дочерей рагата, наслѣдованiе выморочнаго имущества и проч. мы оставляемъ въ сторонѣ, хотя они и примѣняются до сихъ поръ.

Селенія.	Число жителей въ селенияхъ.	Земли общинской изъ десятинъ.				Земли владѣльческой, находящейся въ пользованіи разгъ изъ десятинъ.				
		Пахотной.	Покосной.	Пастбищъ.	Лесовъ.	Пахотной.	Помосткой.	Пастбищъ.	Лесъ.	На земли пахотной.
Тархонская владѣніе (Т.-Х.-Шуринскій округъ 1-й)										
Агацъ-ауль.	305	—	—	—	—	6018	5	5	—	16,2
Альбору-кентъ.	503	100	300	50	—	43	39,5	30	—	0,2
Атлы-боють.	541	650	—	—	—	—	—	—	7	0,9
Бетауль.	691	—	—	500	100	0,08	1131,8	1298,0	1417	7
Гедарь.	3214	—	—	—	—	—	665,8	251	—	0,2
Гедали.	2390	500	—	1250	—	0,6	963,8	10,2	—	0,4
Казаничи Верх.										
Касырь-Кумухъ.	1972	—	—	130	130	0,13	1429,2	134,5	7500	—
Капчугай.	1116	30	—	670	—	0,03	663,4	560	1000	—
Кохулай-Торкади.	445	12,8	—	866,10	—	1,8	167,6	17,1	1026,8	17,3
Кумтеркале.	730	4,0	400	50	—	1,16	34	4	1512	2,1
Шакхалъ Янагъ Юртъ.	2030	6000	—	—	—	2,00	—	—	90,0	0,0
Эрпели.	695	2000	—	3000	—	7,11	—	—	—	—
Мектула:										
Кала-Шура.	3922	59	—	3900	1600	1,43	1261	14,5	—	0,4
Дургали.	4620	1400	—	1800	100	0,71	1745	9	—	0,2
Самурский округъ:										
Лубкунъ.	835	—	—	80	—	0,00	120	2	—	0,2
Ялагъ.	878	—	—	600	—	0,7	100	180	—	—

Бурши	539	25,1	12,7	413,6	—	0,81	—	—	—	—
-----------------	-----	------	------	-------	---	------	---	---	---	---

Гоміажъ	411	53,7	45,1	598	—	1,7	—	—	—	—
-------------------	-----	------	------	-----	---	-----	---	---	---	---

¹⁾ Сводъ стат. данныхъ, іб. стр. 126 – 129. По свѣдѣніямъ, собраннымъ мною въ
время житѣя Т.-Х.-Шур. округа платить бекамъ вмѣсто натуральной денежную по-
кромъ, однако, сел. Гелли.

Селенія.	Общее число	Земля общественной въ десатинахъ.					Земли земельческой, находящейся въ пользованіи разг҃а, въ десатинахъ.				
		Пашни	Поповы	Пастбищ	Лесовъ	На 1 км²	Пашни	Поповы	Пастбищ	Лесовъ	На 1 км²
Хулинсма	528	78	62,6	296,4	--	0,83	--	--	--	--	--
Чаравалю	213	12	11,7	106	--	0,62	--	--	--	--	--
Кайтагъ:											
Берекей	850	964,3	80,8	30	5,1	1,1 ¹⁾	--	--	--	--	--
Великентъ	975	388,1	220,8	--	--	0,81 ²⁾	--	--	--	--	--
Уллу-Терекеме	152	38,	27,4	--	--	0,4 ³⁾	--	--	--	--	--
Деличобанъ	487	--	--	--	--	-- ⁴⁾	191,2	147, ⁵⁾	--	--	--
Падарь	280	--	--	--	--	-- ⁵⁾	188, ¹⁾	80, ⁶⁾	--	--	--

Карабаглы	132	—	—	—	143, ₃	33	—	—	—	1, ₃	—
Таттаръ	342	—	—	—	122, ₂	54	—	—	—	0, ₅₁	—
Селикъ	71	—	—	—	128, ₇	—	—	—	—	1, ₈	—
Ханъ-Мамедъ-Кала . . .	167	—	—	—	104, ₃	13	26, ₅	—	—	0, ₈₅	—
Киякентъ	2050	—	—	—	— ¹⁰⁾	312, ₃	10, ₃	20	10	0, ₁₇	—
Маджалисъ	1422	351, ₉	127, ₄	—	—	0, ₉₄ ¹¹⁾	—	—	—	—	—

Жители слѣдующихъ селеній, кроме вышесказанныхъ земель, пользуются еще землями, арендованными у частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій, въ слѣдующихъ размѣрахъ:

	Пах.	Пок.	Пасч.	Лѣс.		Пах.	Пок.	Пасч.	Лѣс.
1) Берекей	1100	803	—	10	7) Таттаръ	100	—	—	—
2) Велякентъ	400	—	—	200	8) Селикъ	200	—	—	200
3) Уллу-Терекеме . . .	70	30	100	4	9) Ханъ-Мамедъ-Кала . .	100	44,7	—	40
4) Деличобаль	80	—	50	10	10) Киякентъ	350	50	—	50
5) Падаръ	80	—	—	—	11) Маджалисъ	—	—	20	300
6) Джемакентъ	300	—	—	—					

Они пропашу повинность, производить распашку и уборку бекскихъ посевовъ и платить съ каждой пары скота по 10 сабъ пшеницы, 10 сабъ ячменя, а неимѣющие скота или только 1 штуку, вносятъ лишь $\frac{1}{4}$ вышеуказанного размѣра зерна.

Ряты отбываютъ бекамъ натуральные повинности въ видѣ распашки и уборки полей бековъ и за каждую голову рабочаго скота вносить 10 сабъ пшеницы, 5 сабъ ячменя и $\frac{1}{2}$ чалы саману, а неимѣющіе скота—субан—отбываютъ поочередно у бека конная работы и платить ему $2\frac{1}{2}$ сабы ячменя.

Ряты отбываютъ натуральную повинность по 10 сабъ пшеницы и по 5 сабъ ячменя и, кроме того, обязаны убирать хлѣбъ бековъ съ полей.

Маджалисъ евреи платятъ кайтагскимъ бекамъ, сверхъ го суда земскаго сбора, съ дымъ по 3 рубли, натур-

Селенія.	(Несколько тысяч квадратных километров)	Земли общественной въ					Земли земельской, находящейся				
		Пахотной.	Поправой.	Пастбищ.	Леса.	На 1 квадр.	Пахотной.	Поправой.	Пастбищ.	Леса.	
Тумандаръ	222	—	—	—	—	— ¹⁾	156,1	20,4	3,1	—	
Чумы	689	—	—	—	—	— ¹⁾	302	21,2	—	140	
Янгекентъ	1612	—	—	—	—	— ²⁾	383,3	47,7	—	—	
Сѣверная Табасарань:											
Фирғыль	175	—	—	—	—	— ³⁾	203,7	16,6	—	—	
Аракъ	322	—	—	—	—	— ⁴⁾	212,4	57,9	—	—	
Рушудъ	316	—	—	—	—	— ⁵⁾	232,3	50,9	6	100	

Цургиль	194	—	—	—	—	— ³⁾	117	72,5	—	—	0
Сухтухъ	261	—	—	—	— ⁴⁾	— ⁵⁾	108,6	22,1	—	—	0
Хучни	515	—	—	—	—	— ¹⁰⁾	255,1	75,7	—	—	0

Кромъ того, жители арендуют у частныхъ лицъ и бековъ, а также казны и обществы

	Пах.	Пок.	Паслб.	Кис.		
1) Туманлыръ.	—	—	40	100	9) Куркакъ	
5) Янгигентъ	200	—	400	800	7) Вартатиль	
3) Фиргиль	0,6	0,7	20	20	8) Цуртиль	
4) Аракъ.	18	—	50	86	9) Сухтухъ	
5) Рушуль.	—	0,9	11,1	18	10) Хучни	

Селенія.	Життєвий обіг число.	Земля общественной въ десятинахъ.					Земля владѣльческой, находи- мойся въ пользованіи рѣзы, въ деся- тинахъ.		
		Пахотн. —	Покосн. —	Пастбищ. —	Леса. —	На 1 земл. —	Пахотн. —	Покосн. —	Пастбищ. —
Джутдиль.	271	—	—	—	—	— ¹⁾	165	49	—
Вичрикъ	122	—	—	—	—	— ²⁾	82	35	—
Екрадъ.	141	101, ₁₂	13, ₁₈	—	—	0, ₀₁ ³⁾	—	—	—
Татиль.	181	136, ₁₉	36	—	—	0, ₀₆ ⁴⁾	—	—	—
Зиль.	315	—	—	—	—	— ⁵⁾	218, ₁	56, ₉	—
Мурадъ-али-кентъ.	51	—	—	—	—	— ⁶⁾	70, ₁₁	14, ₁₆	—
Ушнюгъ	187	—	—	—	—	— ⁷⁾	150, ₁₉	43, ₁₀	—

Дарнагъ	968	—	—	—	—	— ⁹⁾	551, ₇	146, ₉	—
Аркытъ	404	—	—	—	—	— ¹⁰⁾	332, ₁	61, ₆	—
Рукель	1203	—	—	—	—	— ¹¹⁾	377, ₁	190	—

Кромъ означенныхъ земель, жители арендуютъ у частныхъ лицъ, разныхъ

	Пах.	Пок.	Паслб.	Лѣс.		
1) Джугдиль	12	—	70	100	7) Ушнюгъ . . .	
2) Вичрикъ	—	—	100	505	8) Кемахъ . . .	
3) Екракъ	7, ₀	1, ₂₀	50, ₃	300	9) Дарнагъ . . .	
4) Татиль	41	2	—	154	10) Аркытъ . . .	
5) Зиль	9, ₁	5, ₄	300	60	11) Рукель . . .	
6) Мурадъ-ази-кентъ	—	—	5	11, ₄		

Селенія.

	Общее число земельного участка в десатинах.	Земли общественной из десятинных.					Земли казначеяской, находящейся в пользовании рахьи, из дес.		
		Платной.	Попозной.	Пасквиц.	Лес.	На 1 землю.	Платной.	Попозной.	Пасквиц.
Гемейдм.	834	—	—	—	—	— ¹⁾	385,2	153,1	—
Бильгади	245	—	—	—	—	— ²⁾	99,1	26,2	—
Заданъ.	532	—	—	—	—	— ²⁾	264,1	116,1	—

Марага.	1812	—	—	—	— ¹⁾	1434, ₉	283, ₄	—
---------	------	---	---	---	-----------------	--------------------	-------------------	---

Мугатырь.	953	—	—	—	— ²⁾	602, ₇	114, ₄	—
-----------	-----	---	---	---	-----------------	-------------------	-------------------	---

Кромъ того жители арендуют у частныхъ лицъ и обществъ земли:

	Наг.	Пок.	Паслб.	Лтс		
1) Гемейды	7, ₃	—	500	—	5) Митаги	
2) Бильгади	1	—	600	220	6) Марага	
3) Задианъ.	300	—	600	—		
4) Сел. Мугатырь арендует землю у частныхъ лицъ въ количествѣ 4,4 д.						

Селенія.

	Общее число жите- льев этого поса-	Земли общественной въ десятникахъ.				Земли земельческой, въ пользовании разъ въ дес-			
		Пахотной.	Поправки.	Пасеками.	Леса.	На 1 жите-	Пахотной.	Поправки.	Пасеками.
Южная Табасарань, Кю- рикск. оиругъ 1):									
Дашлукентъ	105	—	—	25	25	0,37	79,9	—	—
Хюлкель	127	—	—	—	—	—	104	—	—
Чихтигъ	99	—	—	25	15	0,34	65,9	—	—
Карчагъ	761	—	—	350	250	0,36	413,4	—	—
Знаникъ	494	—	—	125	37,5	0,35	253,2	—	—
Экендышъ	181	—	—	100	—	0,35	200,7	—	—
Куркентъ	896	75	—	175	—	0,27	492	—	—
Иютюргъ	671	—	—	175	50	0,32	302,9	—	—
Чинхоръ	353	—	—	150	25	0,35	204,2	—	—
Юра 2) (Кюрик. оируг.):									
Барбаркентъ	16	—	—	2,5	28	1,19	16,2	—	—
Бюльбюль	472	75	—	—	—	1,7	0,46	138,9	—
Разаркентъ	84	—	—	—	—	0,5	0,5	58	—

Алжентъ	63	—	—	50	33,9	0,1	257,	—
-------------------	----	---	---	----	------	-----	------	---

Целягиюль	587	—	—	100	125	0,38	333,	—
Койсунъ	588	225	—	75	50	0,6	245,	—
Матераментъ	312	50	—	—	87,5	0,44	324	—

1) Сведения о повинностяхъ въ Южной Табасарані собраны мною лично на

2) Сведения о повинностяхъ Куринского округа собраны мною на месте въ

Селенія.	Общее число жите- лъ обеого пола.	Земли общественной въ десятникахъ.					Земли владѣльческой, нахо- дящейся въ деся- тникахъ.		
		Пахотна.	Попомои.	Пастбища.	Леса.	На 1 житло.	Пахотна.	Попомои.	Пастбища.
Загребкентъ.	453	75	—	30	100,5	0,46	475,3	—	—
Бубкентъ.	305	100	—	1,7	101	0,37	167	—	—
Хутувъ.	203	75	—	2,3	78,3	0,76	172,7	—	—
Испикъ.	485	—	—	—	200	0,41	334	—	—
Махмудкентъ.	413	150	—	22,5	45	0,52	272,1	—	—

Координируя все сказанное въ этой главѣ о податяхъ и повинностяхъ, отбываемыхъ въ настоящее время раятами Дагестана, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Наибольшее число раять выпадаетъ на долю прикаспійской части Дагестана и, главнымъ образомъ, южной ея части, гдѣ наиболѣе долго дѣйствовали туземные управленія, поддерживаемыя русскою властью, при полномъ невмѣшательствѣ послѣдней во внутреннія дѣла владѣній.

2) По племенному составу наибольшее количество раять приходится на мирныхъ, трудолюбивыхъ племена, каковы, напр., татары, таты, табасаравцы, евреи и проч.

3) Подати и повинности, отбываемыя раятами, во всемъ почти Дагестанѣ носятъ натуральный характеръ и заключаются: первыя—въ произведеніяхъ земли (пшеница, чалтыкъ, ячмень и пр.) и продуктахъ скотоводства, пчеловодства и проч., а вторыя—въ работѣ личной, отъ 2 до 15 и болѣе дней, и доставкѣ лошадей, арбъ и проч.

4) Подати, вносимыя бекамъ, ѣздѣ въ Дагестанѣ болѣе или менѣе опредѣленны, но того нельзя сказать о повинностяхъ, которые во многихъ мѣстахъ носятъ неопределенный характеръ, не будучи выражены извѣстнымъ количествомъ дней, какъ, напр., во всемъ Терекемейскомъ участкѣ Нижняго Кайтага, гдѣ раятамъ предписывается прямо—уборка и обработка полей бека.

5) Подати и повинности исполняются раятами въ однихъ мѣстахъ Дагестана вмѣсто государственного подынаго сбора, но съ увеличеніемъ взамѣнъ того земскаго (Кайтагъ, Табасаранъ), въ другихъ вмѣсто послѣдняго (Тарковское владѣніе, Мехтула) а въ третьихъ, наконецъ, рядомъ съ тѣмъ и другимъ.

6) Размѣры податей и повинностей, вносимыхъ въ пользу бековъ, не одинаковы и, при переложеніи на деньги, по нашему вычисленію, колеблются между 3 и 33 рублями.

7) Размѣры податей и повинностей, завися отъ различныхъ причинъ, какъ-то: характера населенія, удаленности деревни отъ русского населенного пункта, силы и могущества бека и т. п., какъ это видно изъ сравненія величины податей и повинностей и количества земли на 1 человѣка, не зависятъ отъ величины надѣловъ бекской земли.

8) Являясь отголоскомъ прежнихъ налоговъ и ханскихъ по-

винностей, подати и повинности взимаются беками съ раять не за пользованіе землею ихъ, а просто за принадлежность къ данному сельскому обществу, что подтверждается фактомъ платежа повинностей жителями сел. Екракъ, Татиль и другими, гдѣ въ пользованіи сельчанъ нѣтъ бекской земли, а также обязательствомъ платить бекамъ известное количество съ посѣяннаго на чужой землѣ (напр., селенія Кюры) или заработка на сторонѣ (сел. Хучни въ Табасараніи и нѣкоторыя селенія Кайтага).

Изъ сказаннаго видно, что для раять Дагестана великая реформа 1861 г. не принесла ничего нового. Все здѣсь осталось по-прежнему, не исключая даже права продажи раять. Отчуждана землю, на которой живутъ раяты, бекъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, продаётъ и права на сборъ податей и личный трудъ сидящихъ на ней раять. Для приобрѣтенія земли и владѣнія раятами въ настоящее время нѣтъ даже надобности принадлежать къ бекскому сословью: достаточно однѣхъ денегъ,—почему даже самъ раять можетъ сдѣлаться господиномъ своихъ бывшихъ собратій.

Покончивъ съ описаніемъ быта владѣльческихъ раять, мы переходимъ теперь къ другому, не менѣе интересному предмету, именно—къ изображенію раятскихъ отношеній между русскимъ правительствомъ и раятами, поселенными на земляхъ, признанныхъ казенными.

Своимъ происхожденіемъ эти обязаны тому, что русская власть, упразднивъ прежнія туземныя административныя единицы, исходила не изъ однихъ и тѣхъ же принциповъ, а именно: уничтожая болѣе крупныя туземныя единицы, какъ, напр., ханства, она придерживалась по отношенію къ нимъ принципа государственного суверенитета, между тѣмъ какъ въ своихъ отношеніяхъ къ мелкимъ, какъ, напр., владѣнія бековъ и т. п. (напр., владѣніе Зааль-бека), она держалась частно-правового взгляда. Благодаря этому разногласію, въ первомъ случаѣ русская власть, считая территорію ханства верховной собственностью государства, признавала землю частною собственностью тѣхъ обществъ крестьянъ, которые пользовались ею спокойнъ въковъ, и регулировала только взаимные отношенія между государствомъ и жителями, вытекавшія изъ обязанностей подданства;—во второмъ же случаѣ, упразднивъ владѣніе бека, надѣленнаго административною властью надъ тою или другою деревнею, она считала землю, ко-

торой владѣли жители, за частную собственность бека и сообразно съ этимъ дѣйствовала.

Того же частно-правового взгляда русская власть держалась и во отношенію къ ханскимъ, такъ сказать, доменамъ, рассматривая ихъ за частную собственность хана, что было совершенно неправильно.

Немудрено, что при такой несистематичности и невыдержанности взгляда русская власть постоянно ошибалась то въ ту, то въ другую сторону и, уповая на то, что все со временемъ выяснится, признавала собственностью казны тѣ земли, которыхъ никогда не принадлежали ни ханамъ, ни бекамъ.

Какъ произвольно поступала русская власть,—это можно видѣть, во-первыхъ, изъ исторіи Улусского магала, а во-вторыхъ—въ одного примѣра, бывшаго у насъ на глазахъ въ 1889 г.

Улусскій магаль споконъ вѣковъ входилъ въ составъ Дербентскаго ханства и подчинялся правителямъ послѣдняго. Въ началѣ XIX ст., за измѣну Шихъ-алихана, Дербентское ханство было уничтожено, послѣ чего Улусскій магаль поступилъ въ русское управлѣніе. Послѣднее продолжалось до 1806 г., когда Улусскій магаль, или, вѣрнѣ, доходы съ него были отданы Мехти-Шамхалу Тарковскому въ вознагражденіе услугъ, имъ лично оказанныхъ. Послѣ смерти Мехти онъ отобранъ правительствомъ не былъ (почему—это мы видѣли раньше), и на этомъ основаніи попалъ въ число родовыхъ земель Шамхаловъ. Послѣ прекращенія прямой линіи Тарковскаго дома Улусскій магаль, въ 1883 г., поступилъ снова въ распоряженіе русского правительства. Отсюда ясно, что русская власть должна бы имѣть на землю Улусского магала право только верховной собственности, какое принадлежало Дербентскимъ правителямъ, но на дѣлѣ вышло не то,—и Улусскій магаль стала собственностью казны, а жители, владѣвшіе съ незапамятныхъ временъ его землями, какъ общественною собственностью, стали, если можно такъ выражаться, государственными раятами.

Второй примѣръ таковъ.

Рѣшившись привести въ извѣстность земли, принадлежавшія послѣднему Кюринскому хану на ханскихъ правахъ — надо замѣтить, что такихъ земель въ Кюринскомъ ханствѣ не могло существовать уже потому, что самое ханство возникло только въ 1812 году — Министерство государственныхъ имуществъ въ 1889 году призвало свою собственностью, несмотря на всѣ про-

тесты жителей, лѣсную дачу подъ именемъ Илликъ, споконъ вѣковъ принадлежавшую жителямъ деревень Келе, Чиликъ, Цицигъ, Икра и Штуль¹⁾.

1) Чтобы познакомить читателя болѣе подробно, какъ совершилась эта любопытная передача чужой земли въ руки Министерства Госуд. имуществъ, мы считаемъ нужнымъ привести передаточный актъ, совершенно случайно попавшій въ наши руки: „Люва 25 два 1889 г. На основаніи Высочайшаго повѣдѣнія 14 июня 1888 г. въ инструкціи Его Сіятельства Главновакальствующаго гражданской частью за Кавказъ отъ 8 января 1889 г., препровожденной при предписаніи Воевнаго губернатора Дагестанской области отъ 9 марта 1889 г. за № 3124, мы, нижеподписавшіеся, помощникъ начальника Кюринского округа, NN, и лѣсной ревизоръ управления государственными имуществами Балинской губерніи и Дагестанской области, NN, прибыли въ мѣстность подъ названіемъ „Маканъ - Тамъ“, при чемъ первый изъ нихъ передалъ, а второй привилъ казенную лѣсовую дачу подъ тѣмъ же названіемъ (ова же Илликъ), расположенную въ Кутуръ-Кюринскомъ наимѣствѣ Кюринского округа, Дагестанской области, за неимѣніемъ плава, въ слѣдующихъ гравицахъ: съ юга и запада пастищная гора „Яраръ-Дагъ“, съ сѣвера рѣчка Кумарнацъ, въ которую впадаютъ Севтеръ-вацъ и Маканъ-вацъ и которая, по слѣдствіи съ послѣдними двумя, получаетъ наименование Маканъ-вацъ. Сѣверная граница во этой рѣчкѣ доходитъ до моста, называемаго Муса-Керпи и находящагося у сел. Рухунъ. Съ востока граница начинается у возваннаго моста (Муса-Керпи) и проходить по прямой линіи до бугра, подъ возваніемъ Михмудазъ-Никинъ-Кувтъ, где поставленъ курганъ; отсюда граница идеть по прямой линіи до начала хребта, называемаго Амненъ-Ягунъ-Сыртъ, где также поставленъ курганъ, отъ которого она проходить по этому хребту вплоть до слѣдующаго кургана, поставленаго на новышенности, паходащейся подъ лѣсистымъ ущеліемъ, подъ названіемъ Хазара-Камъ; отъ послѣдняго кургана восточная граница тянется хребтомъ, огибающимъ какъ названное, такъ и остальные ущелія, до соединенія съ пастищною горою Ярагъ-дагъ. Лѣсные участки, составляющіе эту дачу, расположены главнымъ образомъ, въ слѣдующихъ ущеліяхъ: Гартула-Камъ, Иргавъ-Камъ, Педерь-Камъ, Даркваци-Камъ, Хулинъ-Камъ, Цикуни-Камъ, Яранъ-Камъ, Ухвортиль-Камъ, Маканъ-Камъ, Хазари-Камъ, Шахнамазъ-вкаевъ-Камъ, Кунакъ-Камъ, Тонхъ-Камъ и Лама-Камъ. Въ пописованныхъ ущеліяхъ лѣсонасажденія находятся большую частью въ хорошемъ состояніи, такъ что мѣстами встрѣчается строевой лѣсъ крупныхъ размѣровъ, во, по мѣрѣ приближенія въ селенія, состояніе дачи замѣтно ухудшается: строевой лѣсъ замѣняется дровянымъ или же кустарвымъ, и кроме того встрѣчается въ большемъ количествѣ порубка прежнихъ временъ. Въ дачѣ произрастаютъ слѣдующія породы: букъ, дубъ, грабъ, береза, липа, ясень и много другихъ, въ возрастѣ 30—50—60—80—100 лѣтъ, во преобладаютъ букъ и дубъ, занимающіе приблизительно $\frac{1}{6}$ всей лѣсной площади и встрѣчаются мѣстами чистымъ насажденіемъ. Въ гравицахъ этой дачи расположено множество полянъ, образовавшихся отъ расчистокъ лѣса и занятыхъ пахотою и сѣнокосами, принадлежащими жителямъ разныхъ деревень въ преиму-

Такой способъ дѣйствія привелъ къ тому, что большія пространства земли, всегда бывшія въ общественномъ владѣніи носеленій Дагестана, перешли въ собственность казны, а жители, на нихъ живущіе, изъ вольныхъ узденей, подданныхъ хана, стали раятами казны.

Такихъ селеній, жители которыхъ состоять въ раятскихъ отношеніяхъ къ казнѣ, въ настоящее время въ Дагестанѣ имѣется 25 съ 13610 жителями об. пола.

По округамъ они распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Округа.	Число селеній.	Число жителей
Казикумухскій	9	7531
Кайтаго-Табасаранскій	8	4000
Юринскій	9	2079

Одни изъ этихъ селеній рядомъ съ государственнымъ подымнымъ или усиленнымъ земскимъ сборами несутъ, въ качествѣ раятскихъ, особую денежную повинность, другія—платятъ натуральными произведеніями, наконецъ третья—помимо вышеназванного, еще и работой.

Что касается самихъ сборовъ и повинностей, исполняемыхъ жителями, то они по своему характеру весьма разнообразны и потому могутъ быть перечислены только по каждому селенію въ отдѣльности.

щественно слѣдующихъ селеній, расположенныхъ въ самой дачѣ, а именно: Келе, Чиликъ, и Цицигъ; эти поляны въ общей сложности занимаютъ приблизительно $\frac{1}{5}$ общей лѣсной площади. Кроме того въ этихъ поляхъ произрастаетъ большое количество фруктовыхъ деревьевъ (въ томъ числѣ и греческій орехъ), принадлежащихъ жителямъ названныхъ трехъ селеній, которые вмѣстѣ съ тѣмъ заявили, что они всегда пользовались изъ этой дачи разными лѣсными материалами бесплатно. Независимо отъ этого вышеупомянутыми три общества добавили—Келинское: лѣсные участки—Яравъ-Ягъ и Кукулука-Ягъ—ихъ собственные, изъ нихъ последній участокъ находится въ совѣтственномъ пользованіи съ обществомъ сел. Чиликъ; Чилинское общество: лѣсные участки Куланъ-Рукадъ-Ланди (онъ же Веграль-Ланди), Велико-Ягъ и Доркуцъ-Ягъ—ихъ собственные, изъ которыхъ посѣдніе два находятся въ совѣтственномъ пользованіи сел. Цицигъ и Чиликъ, въ общество селенія Цицигъ: лѣсные участки Сарта-Багюкъ, Ягатыри-Яна, Салмана-Викинъ-Кекъ и Чехіе составляютъ ихъ собственность. На лѣсъ, произрастающій въ ущельяхъ: Хазари-Камъ и Шахзамазъ-Викинъ-Камъ общество селенія Иара Юринского округа заявило споръ о правѣ собственности. Равнымъ образомъ и жители селенія Штуль того же округа заявили такой же споръ на лѣсъ, произрастающій въ ущельяхъ: Кувакъ-Камъ, Шгиль-Камъ и Лама-Камъ.

Селенія.	Общее число жите- льных дворов по селу	Земли общественной изъ десятинныхъ.					Земли казенной, находящейся во вла- дении жителей, изъ десятинныхъ.				
		Пахотн.	Поросл.	Пасбищн.	Лесн.	На 1 жите.	Пахотн.	Поросл.	Пасбищн.	Лесн.	На 1 жите.
Назикумухское 1):											
Вачи.	827	94	89, ₅	92, ₄	2, ₅	0,34	—	—	—	—	—
Гоміахъ.	411	53, ₂	45, ₂	598	—	1, ₀	—	—	—	—	—
Сумбать	731	99	41	367	3	0, ₇	—	—	—	—	—
Сухи.	308	35	18	476	—	1, ₇	—	—	—	—	—
Хурхи	678	118, ₅	136, ₃	266	—	0, ₇₇	—	—	—	—	—
Циша.	564	87, ₅	63	168, ₆	—	0, ₅₈	—	—	—	—	—
Хосрекъ	1733	173	120	1817	1	1, ₂₂	—	—	—	—	—
Чирвхъ.	986	86	167	1588	3	1, ₆	—	—	—	—	—

Тухчаръ	293	26, ₅	20	236, ₅	—	0,97	—	—	—	—
Нижній Кайтагъ:										
Великентъ	975	388, ₁	220, ₈	—	—	0,62 ²⁾	—	—	—	—
Уллу-Терекеме	152	38, ₉	27, ₄	—	—	0,45 ³⁾	—	—	—	—
Берекей	850	964, ₃	80, ₈	30	5, ₉	1, ₃ ⁴⁾	—	—	—	—

¹⁾ Дагестанская область. Сводь статистич. данныхъ, извлеченныхъ изъ посемейныхъ казыя. Изд. Закавказс. стат. комитета, стр. 157 и 159.

Кромъ того, жители Кайтага и Табасарани арендуютъ у частныхъ лицъ и общес-

Пах. Пок. Площб. Лтс.

¹⁾ Великентъ 400 — — 200

²⁾ Уллу-Терекеме 70 30 100 4

³⁾ Берекей

Селенія.	Общее число жите- лъ въ поселкѣ	Земли общественной въ десятинахъ					Земли казенной, находящейся во вла- дѣніи жителей, въ десятинахъ					Разыѣръ податей и по- винностей.
		Пахотной.	Попсовой.	Пастбищ.	Лес.	На 1 житѣ.	Пахотной.	Попсовой.	Пастбищ.	Лес.	На 1 житѣ.	
Сѣверная Табасарань:												
Ерсъ	750	462,1	119,3	—	—	0,84)	—	—	—	—	—	
Нитюгъ	372	184	15,7	—	—	0,75)	—	—	—	—	—	
Хилипепджикъ	160	138,5	27,0	—	—	0,96)	—	—	—	—	—	
Циакъ	470	294,3	59,1	—	—	0,787)	—	—	—	—	—	
Меджъ	261	111,9	14	—	—	0,47)	—	—	—	—	—	
Улусский магалъ:												
Джалгаръ	272	—	—	—	—	—	202,4	250	50	1,	—	Жители с. Джалгаръ, какъ равны, вносятъ казнь, какъ равные Шамхалу: 1) $1\frac{1}{2}$ уро- жая всяческо хлѣба и 2) 60 руб. съ цѣлой деревни, вы- сто исполненіи патуральскихъ повинностей.
Азадъ оғамъ	42	—	—	—	—	—	361,1	375	15,0	—	—	Жители этихъ деревень, какъ равны, вносятъ казнь, какъ равные Шамхалу:
Анабинъ	140	—	—	—	—	—	361,1	375	15,0	—	—	—

Собаки в.	145	—	—	—	357 ₄₅	—	400 ²)	5,
-----------	-----	---	---	---	-------------------	---	--------------------	----

		Нах.	Пок.	Пастб.	Лъс.			
1)	Ерси	73,8	5,5	1500	1500			
2)	Нитюгъ.	15	0,1	800	400			
3)	Хилишениджикъ.	1,5	0,4	800	400			
4)	Цнакъ.	10	1,3	10	150			
5)	Меджа	10	—	80	290			
6)	Собирасмы зерновой хлѣбъ, въ качествѣ пдати, поступаетъ въ распоряженіе округа и продается послѣднимъ съ публичнаго торга въ пользу казны, какъ напр., въ пленъ въ 371 р. 75 к.							

7) Приведенные въ этой таблицѣ пастбищами и лѣсомъ жители не пользуются Министерство государственныхъ имуществъ.

Изъ приведенного обозрѣнія сборовъ и повинностей, исполняемыхъ въ пользу казны раятами Дагестанской области, видно, что ви по количеству (отъ 2—30 р.), ви по качеству они ничѣмъ не отличаются отъ частно-владѣльческихъ поборовъ, о которыхъ сказано раньше. Какъ тѣ, такъ и другія одинаково несовременны, несправедливы и ложатся тяжелымъ бременемъ на подлежащее имъ населеніе.

Но особенно тяжело положеніе казенныхъ раять Улусского магала. Экономическое состояніе послѣднихъ, судя по официальнымъ даннымъ, ухудшается съ каждымъ годомъ, причиною чего являются,—какъ свидѣтельствуютъ единогласно тѣ же данные,—непосильные подати и повинности, частая доставка подводъ для надобностей русскаго правительства и особенно притѣсненія со стороны лѣсного вѣдомства, которое, получивъ въ свое распоряженіе земли Улусского магала, превратило ихъ въ оброчные платежи и не позволяетъ пользоваться жителямъ принадлежащими имъ споконъ вѣковъ пастбищами и лѣсами. Послѣднее сдѣлало жизнь раять Улусского магала нестерпимой, и жители съ добрымъ чувствомъ вспоминаютъ времена Дербентскихъ хановъ и Шамхановъ Тарковскихъ, когда царствовалъ полный произволъ въ администраціи, во за то можно было свободно жить и пользоваться угодьями.

Глава III.

Попытка разрѣшенія раятскаго вопроса.

Представленный нами очеркъ раятской зависимости и тягостнаго быта крестьянъ въ Дагестанѣ показываетъ всю ненормальность положенія раять. Раятскій вопросъ требуетъ немедленнаго рѣшенія и долженъ быть поставленъ какъ можно болѣе рѣшительно. Невозможно въ угоду одному сословію бековъ приносить интересы всѣхъ остальныхъ... Раньше или позже—реформа должна быть произведена: и для владѣльцевъ, и для раять было бы лучше, если бы она была произведена въ настоящее время... Какъ тѣ, такъ и другія въ настоящее время одинаково стоять за уничтоженіе раятской зависимости. Постоянны раздоры и споры надѣли тѣмъ и другимъ. Мѣстная администрація и Народный Дагестанскій Судъ завалены дѣлами и своею властью ни-

чего не могутъ подѣлать. Всѣ ихъ мѣры палліативны и, распроспрашиваясь на единичные случаи, не предупреждаютъ возникновенія новыхъ недоразумѣній. Очевидно, что юстиція и администрація не могутъ развязать этого гордіева узла. Сила, которая его можетъ разрубить—законодательная власть. И сдѣлать это (прогосударственныхъ раять мы не говоримъ: это недоразумѣніе, объяснимое легко административной спичкой) вовсе не такъ трудно.

Намъ кажется, что общій вопросъ о прекращеніи ненормальныхъ отношеній раять къ владѣльцамъ распадается на два болѣе частныхъ вопроса: 1) на вопросъ о формированіи поземельныхъ отношеній населенія къ владѣльцамъ и 2) вопросъ о разнаго рода сборахъ, собираемыхъ владѣльцами въ свою пользу.

Первый вопросъ не представляетъ особыхъ затрудненій, такъ какъ даже по позднѣйшимъ официальнымъ давнимъ¹⁾ земля, за которую владѣльцы получаютъ сборы и повинности, признается собственностью казны. Въ виду этого, по нашему крайнему разумѣнію, правительство для опредѣленія поземельныхъ отношеній должно прежде всего проѣбрить документы, на основаніи которыхъ беки заявляютъ права собственности на земли раять. Только тѣ земли, на которыхъ будуть существовать данные русского правительства или подлинные фирманы персидскихъ шаховъ, должны быть признаны русскимъ правительствомъ собственностью бековъ, всѣ же остальные должны рассматриваться какъ общественная собственность живущаго на нихъ раятскаго населенія.

Но и относительно первыхъ вопросъ этимъ не можетъ быть исчерпанъ. Отношенія жителей къ этимъ землямъ должны быть выяснены. По нашему мнѣнію, это можетъ быть сдѣлано двумя способами: или посредствомъ изданія закона о вѣчной арендѣ, или путемъ выкупа раятскихъ земель этой категоріи въ собственность раять. Первый изъ этихъ способовъ не искореняетъ совершенно зла; вѣчная рента, какъ особый видъ неполной собственности,

¹⁾ Акты, т. XII ч. 1 стр. 667. Въ „запискѣ о поземельныхъ отношеніяхъ землевладѣльцевъ и поселанъ, на ихъ землѣ живущихъ, въ разныхъ частяхъ Закавказскаго края. I. О поземельныхъ отношеніяхъ хановъ, бековъ, меликовъ, агаларовъ и поселанъ, живущихъ въ Тифлисской и Бакинской губерніяхъ и южномъ Дагестанѣ“ читаемъ: „ханы и беки составляютъ высшее сословіе, но земля признается собственностью казны, хотя они получаютъ доходы съ неї за исполненіе полицейскихъ обязанностей“.

чужда нашему законодательству и въ экономическомъ отношеніи представила бы такія же невыгоды, какъ и настоящая раятская зависимость. Никакой билль, вродѣ Ирландскаго, не решить удовлетворительно вопроса. Единственный, такимъ образомъ, выходъ, котораго можно желать—это выкупъ, при материальномъ содѣйствіи правительства, раятскихъ участковъ земель названной категоріи посредствомъ капитализаціи поземельной ренты.

Что касается второго вопроса, т. е. разнообразныхъ сборовъ, взимаемыхъ съ населенія беками, то этотъ вопросъ, послѣ того какъ будутъ нормированы поземельные отношения, и окажется, что беки не имѣютъ никакихъ правъ на землю жителей, решается самъ собою.

Не являясь поземельной рентой, всѣ сборы и повинности населения въ пользу бековъ, значитъ,—ничто иное, какъ налоги, оставшіеся отъ прежняго времени, и, какъ таковые, должны быть безусловно уничтожены, и притомъ безъ всякаго вознагражденія владѣльцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, право взимать налоги составляетъ прерогативу государственной власти. Если въ бывшихъ ханствахъ эта regalia majora была предоставлена въ пользу частныхъ лицъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы подобный же порядокъ вѣщей сохранялся и при русскомъ владычествѣ. Русская власть несетъ здѣсь всѣ обязанности государственной власти—должны же ей принадлежать и всѣ ея права. Въ виду этого всякие сборы и повинности жителей Дагестана въ пользу владѣльцевъ на почвѣ бывшей административной зависимости населения должны быть уничтожены, повторяемъ мы, и безъ всякаго вознагражденія. Владѣльцы-беки должны довольствоваться уже тѣмъ, что они въ такъ въ теченіе многихъ лѣтъ получали громадные доходы совершенно неправильно.

П. Гидуляновъ.

Свадебные обычаи и обряды и брачное право ¹⁾ армянъ Шаруро-Даралагезского уѣзда Эриванской губернії.

Изъ всѣхъ отдельовъ обычного права армянъ наиболѣе интереснымъ для этнографа и историка—юриста является несомнѣнно семейное право. Въ самомъ дѣлѣ, нормы положительного права менѣе всего коснулись семейныхъ отношеній народа, вслѣдствіе чего эти отношенія сохранили почти всецѣло свою лѣвственную форму, доставляя, такимъ образомъ, богатый, нетронутый матеріаль для изученія древняго быта, обычаевъ, нравовъ и юридическихъ отношеній народа. Семейное право является интереснымъ еще и потому, что въ немъ скрещиваются почти всѣ отдельы обычного права, что является слѣдствіемъ родового быта у древнихъ армянъ, о чемъ напоминаютъ существующія и донынѣ „большія семьи.“

Вотъ это и побудило меня заняться собираниемъ матеріаловъ по семейному праву закавказскихъ армянъ вообще и въ частности пока брачными обычаями, гдѣ, варяду съ массой обрядовъ, мы сталкиваемся съ разбросанными повсюду обрывками наслѣдственнаго, обязательственнаго и даже веществаго права.

Обычное право армянъ—это сфера почти еще непочатая, и это сдѣлается намъ вполнѣ понятнымъ, если обратимся къ исторіи разселенія армянъ по Закавказью. Разновременные массовые переселенія армянъ изъ Персіи, Турціи, въ силу историческихъ условій, изъ одной армянской провинціи въ другую создали массу отдельныхъ типовъ—группъ армянъ. Каждая изъ этихъ группъ, находясь

1) Новыми армянами называются жители тѣхъ деревень, которые были основаны армянами, переселившимися въ Россію во время русско-персидской войны, въ 1828 году. Многое изъ свадебныхъ обычаевъ ими было переведено у коренныхъ жителей (старые армяне), за обычай которыхъ, въ свою очередь, повлияли новопришельцы.

въ различные периоды подъ различными влияниями, усвоила, на ряду съ существующими общими обычаями армянъ, и обычая господствующаго племени. Такимъ образомъ, огульное изученіе обычного права армянъ Закавказья, опѣнка его по одному масштабу можетъ привести къ печальнымъ результатамъ. До сихъ поръ если и собирались материалы по обычному праву—изученія не было,—то только нѣкоторыхъ отдельныхъ группъ, и то не въ этнографическомъ, а почти исключительно въ географическомъ отношеніи.

По моему крайнему разумѣнію, дѣло изученія обычного права надо вести слѣдующимъ образомъ: 1) надо рассматривать каждую группу отдельно въ этнографическомъ отношеніи; 2) надо собрать материалъ по какому нибудь одному отдельну праву во всѣхъ группахъ и затѣмъ только, по сопоставленіи, дѣлать выводы. Словомъ, изученіе должно быть историко-сравнительное. Итакъ, теперь дѣятельность нашихъ этнографовъ и юристовъ должна ограничиваться исключительно собираниемъ материаловъ, и прозорливость ихъ должна проявляться не въ выводахъ и обобщеніяхъ, а въ умѣніи подмѣщать настоящіи черты обычного права, что необходимо для цѣлесообразнаго собирания пригоднаго материала. Намъ пока необходимо только архивъ материаловъ по обычному праву армянъ.

Съ этой точки зреяня я смотрю я на материалъ, который сейчасъ изложу. Воздерживаясь отъ сопоставленій и выводовъ, я приложу все въ такомъ видѣ, въ какомъ или видѣ лично самъ, или выѣзжали рассказывали. Считаю нужнымъ прибавить, что материалъ собранъ и записанъ на мѣстѣ въ деревняхъ Шаруро-Даралагезскаго уѣзда Эриванской губерніи.

Въ брачномъ правѣ существуютъ условія, соблюденіе которыхъ необходимо для дѣйствительности брака. Они касаются: 1) *возрастъ*, съ которого наступаетъ половая зрѣлость (*pubertas*), 2) обоюдного *согласія брачущихся* (*consensus facit nuptias*), 3) *согласія родителей и словора* (*sponsalia*), 4) отсутствія близкаго *родства* (до известной степени *cognatio* и *affinitas*), 5) выполненія известныхъ *обрядовъ при обручении* и 6) при *совершении брака*. Вотъ эти элементы брачнаго союза и буду имѣть я въ виду при дальнѣйшемъ изложеніи.

Собираясь женить сына, достигшаго половой зрѣлости, родители съ весны уже начинаютъ дѣлать приготовленія къ свадьбѣ, которая обыкновенно происходитъ зимою: покупаютъ, если не имѣется дома,

убойный скотъ, сажаютъ капусту, осенью не продамъ винограда, а дѣлаютъ изъ него вино и изюмъ.

Бракъ совершаются по достижениіи брачущимися такого возраста, когда они способны къ брачной жизни. По мнѣнию крестьянъ, мужчина достигаетъ половой зрѣлости 15-ти лѣтъ, а женщина 12-ти¹⁾. Этого правила однако не всегда придерживаются, и мы встречаемъ браки между 13—14 л. мужчиной и 11—13 л. женщиной. Случается также, хотя и рѣдко, что маленькаго мальчика женятъ на взрослой дѣвицѣ, или мужчина уже въ лѣтахъ женится на дѣвочкѣ лѣтъ 12—15-ти.

Когда всѣ приготовленія сдѣланы, родители начинаютъ выбирать невѣсту, не спрашивая согласія жениха, нерѣдко и противъ его воли, несмотря на то, что армянская церковь не признаетъ въ бракѣ власти родителей и считаетъ необходимымъ согласіе брачущихся. Въ церковныхъ канонахъ прямо ставится требование спросить согласія жениха и невѣсты какъ при обрученіи, такъ и при вѣвченіи. При выборѣ невѣсты родители жениха останавливаются на той или другой дѣвушкѣ или вслѣдствіе того, что еще при рождении жениха или невѣсты (иногда даже до рожденія) родителями одной стороны было дано родителямъ другой стороны *калятвенное обѣщаніе* породниться съ ними, „башикертма“, или вслѣдствіе того, что женихъ и невѣста уже любятъ другъ друга, или же потому, что родители въ пьяномъ видѣ дали другъ другу слово. Но чаще всего родители жениха, выбирая невѣсту, руководствуются болѣе практическими соображеніями: отецъ старается найти въ своей или въ сосѣдней деревнѣ такую дѣвицу, родители которой или богаты или вліятельны, что въ жизни крестьянъ имѣть большое значеніе. Такіе родственники называются по-татарски „помощь“, „подмога“. Мать же жениха ищетъ дѣвицы умной, благоправной, трудолюбивой, словомъ такой, которая взяла бы на себя часть заботъ по домашнему хозяйству. Когда родители жениха уже выбрали дѣвушку, окольнымъ путемъ узнаютъ настроеніе ея родителей, и если оно оказывается благопріятнымъ, начинаются приготовленія къ обрученію. Определенного промежутка между обру-

1) Русское положительное законодательство устанавливаетъ для жителей Кавказского края: для жениховъ—15 л., а невѣсты—13 л. Этой статьей въ настоящее время руководствуется армянская церковь. (2 ст., ч. I, т. X св. законовъ).

чесніємъ и свадьбой не установлено. Случается, что обручение совершаются за нѣсколько лѣтъ до вѣнчанія, а свадьба черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вѣнчанія. Чаще же обрученіе совершаютъ весною, за нѣсколько мѣсяцевъ до брака, который совершается одновременно со свадьбой зимою. Процедура обрученія довольно сложна; она состоить изъ нѣсколькихъ обрядовъ, которые я и приведу въ послѣдовательномъ порядке. На первомъ мѣстѣ стоять

„Рѣзаніе хлѣба“.

(„Хацъ крел“— „хацъ ктрел“).

Въ день „рѣзанія хлѣба“ или отдачи „задатка“ („вех“), утромъ даютъ знать семье невѣсты, что вечеромъ придутъ туда „рѣзать хлѣбъ“. Семья невѣсты дѣлаетъ приготовленія къ приему гостей, и вотъ вечеромъ родители жениха, пригласивъ нѣкоторыхъ изъ самыхъ близкихъ родственниковъ и взявъ съ собою кувшинъ вина, отправляются въ домъ невѣсты. Женихъ остается у себя дома. За ужиномъ отецъ жениха дѣлаетъ предложевіе и, по получении согласія отъ отца невѣсты, беретъ 1—2 хлѣба—лошъ¹⁾, сворачиваетъ въ трубочку, даетъ одинъ конецъ держать отцу невѣсты, за другой берется самъ и разрѣзаетъ ножомъ пополамъ. Свою часть отецъ жениха дѣлить на мелкие кусочки и раздастъ съ нимъ пришедшими гостямъ. Эти послѣдніе прячутъ полученное въ платки и, по возвращеніи домой, раздаютъ своимъ роднымъ и сестрѣямъ. При этомъ, если получившій холость, говорятъ: „того же желаемъ и тебѣ: дай Богъ, чтобы рѣзали и твой хлѣбъ“, если же онъ женатъ, говорятъ: „того же желаемъ и твоимъ детямъ, и твоимъ холостымъ“ и т. д. По совершеніи обряда „рѣзанія хлѣба“ вызываютъ невѣstu, и мать жениха (или замѣняющая ее женщина) дарить ей серебряное кольцо или серебряный кредитный рубль, послѣ чего невѣста цѣлууетъ ея руку, а та ее въ лицо. Затѣмъ невѣста обходить по порядку всѣхъ гостей и кланяется имъ, при чемъ каждый изъ нихъ даритъ ей 10—20 коп. На этомъ обрядъ и кончается, и гости расходятся. Теперь ужъ отецъ невѣсты ни въ коемъ случаѣ не позволитъ жениху встрѣтиться и разговаривать съ невѣстой, хотя бываютъ и исключения. За этимъ обрядомъ слѣдуетъ обрядъ „колотьбы сахара“ („ганда

¹⁾ Лошъ или лавашъ—туземный, пшеничный хлѣбъ, очень тонкій и мягкий

корел¹ — „шакар котрел“), который и есть собственно обручение („вшандрек“).

„Колотьба сахару“.

(„Ганд корел“ — „шакар котрел“).

Утромъ отецъ жениха посыпаетъ въ домъ невѣсты кувшинъ — два вина, бутылки двѣ водки и фунтовъ 18 — 20 мяса. Къ обѣду же онъ приглашаетъ къ себѣ священника, мелика ²), родственниковъ, какъ находящихся въ его деревнѣ, такъ и въ другихъ, и сельскихъ ишхавовъ ³). Бываетъ иногда и зурна. Распорядительная часть принадлежить мелику. Когда гости въ сборѣ, меликъ приказываетъ накрыть на столъ. Когда накрываютъ скатерть, говорятъ: „Да будетъ благодать Божья“ (т. е. да благословить Богъ это обручевье.) Одинъ изъ близкихъ семьи жениха людей, держа въ одной руцѣ бутылку съ водкой, а въ другой тарелку съ двумя рюмками, подаетъ гостямъ водкой, при чемъ священнику подается первому, затѣмъ мелику и т. д. Когда всѣ выпили водки, садятся за столъ, и подается бозбашъ ⁴). Меликъ обращается къ священнику и проситъ благословить трапезу. Послѣ обычныхъ молитвъ священникъ говоритъ поздравительную фразу, и всѣ хоромъ повторяютъ то же самое и вачинаютъ ъсть. Тѣмъ же порядкомъ, какъ и водка, подается вино ⁵). Священникъ, взявъ стаканъ, говоритъ: „Да благословить Богъ, да будетъ Его благодать и благословенъ на это дѣло, да ниспадетъ на нихъ (жениха и невѣсту) благословеніе отецъ Авраама, да состарятся они вѣсты“ — и выпиваетъ вино. Нѣчто въ этомъ родѣ говорить и каждый изъ гостей, при чемъ, передъ тѣмъ какъ начать, обращается къ священнику, если даже онъ не слышитъ, со словами: „благослови, отецъ!“ По окончаніи обѣда начинаетъ играть зурна, и всѣ направляются въ домъ невѣсты. Впереди процессіи идутъ зурначи ⁶), за ними нескользко парней несутъ на головѣ хонча. Это — туземные мѣдные подносы, наполненные изюмомъ, орѣшками, пшан-

¹) Меликъ — помощникъ сельского старшины.

²) Ишхавъ — собственно князь; такъ называются у армянъ крестьяне, пользующіеся уважениемъ и влияниемъ въ деревнѣ.

³) Тувесный жаркий супъ.

⁴) Равносящіе водку и вино называются „сеги“ (персидск. слово) или „матрвагъ“ (армянское ед.), что означаетъ „виночечій“.

⁵) Зурначи — играющіе на зурнѣ музыканты.

томъ, самой простой карамелью, и накрытые платками. На одной изъ хонча несуть маленькую голову сахару, приблизительно въ 7 фунговъ, съ надѣтymъ на нее монистомъ изъ серебряныхъ (рѣдко изъ золотыхъ) монетъ, серебряный поясъ и шелковый платокъ. Эта хонча предназначается для невѣсты.

Когда приходятъ въ домъ невѣсты, хонча относять въ отведенное для женщинъ отдѣленье, а мужчины входятъ въ саклю, гдѣ на разостланныхъ на полу коврахъ сидятъ приглашенные отцомъ невѣсты гости. Тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ домѣ жениха, одинъ подчуетъ гостей водкой, а другой виномъ, послѣ чего накрываются на столъ, и всѣ садятся кушать. Послѣ ёды приносятъ всѣ хонча и показываютъ присутствующимъ, а хонча, на которой находится сахаръ, ставятъ предъ священникомъ, который, благословивъ, кладеть на нее „маштоцъ“ (требникъ), и желающіе подкодятъ, цѣляютъ его и кладутъ мелкую монету для священника. Подарки невѣсты переходятъ изъ рукъ въ руки и, по разсмотрѣніи всѣми, передаются отцу невѣсты, который и вручаетъ ихъ дочери. Оставшуюся на подносѣ головку сахару ставить предъ ктиторомъ, чтобы онъ раскололъ ее. Ктиторъ начинаетъ притворяться, что онъ не въ состояніи этого сдѣлать, такъ какъ-де—„можъ слишкомъ малъ, нѣть молотка, можъ можетъ забуриться“ и т. д. Когда же получаетъ отъ отца жениха одинъ рубль, начинаетъ колоть сахаръ. Огдѣливъ съ остраго ковца довольно большой кусокъ, онъ разбиваетъ остальное на мелкіе куски и, насыпавъ на блюдечко горсть изюму, кладеть сверху одинъ или два куска сахару. Кто-нибудь беретъ это блюдечко и подносить его священнику, который береть находящійся на блюдечкѣ изюмъ и сахаръ. Блюдечко снова наполняется, и такимъ образомъ обходять всѣхъ гостей, когда же очередь доходитъ до мелика, сверху изюма кладутъ большой кусокъ сахару, отдѣленный вначалѣ ктиторомъ. По окончаніи этой церемоніи меликъ обращается къ гостямъ и говоритъ: „друзья, слушайте: у насъ существуетъ обычай, обыкновеніе, порядокъ, по которому мы здѣсь должны дать нашей невѣстѣ „ирес тесналэ—ерес тесанкъ¹⁾. Пусть пожалуетъ, кто сколько хочетъ. Ну, не затягивайте, ночь уже на исходѣ,

¹⁾ Деньги, которые даются невѣстѣ гостями, пришедшими со стороны жениха, и родителями последняго за то, что она позволяетъ имъ посмотретьъ ее. „Ерес тесны“ буквально значить „видѣть лицо“.

кончайте!“ Всѣ гости, пришедши съ родителями жениха, не исключая и этихъ послѣднихъ, по-очереди подходятъ къ одному изъ присутствующихъ и даютъ ему деньги. Этотъ послѣдній, получая деньги, обыкновенно одинъ рубль, кладетъ ихъ на подносъ, находящійся передъ священникомъ. Тутъ же сидить и отецъ жениха. Бросая деньги на подносъ, собирающій каждый разъ говоритъ: „молодецъ такой-то: далъ нашей невѣстѣ „ерестесналь“ одинъ рубль. Да продлить ему Господь жизнь!“.

Присутствующіе повторяютъ: „дай Богъ ему здоровья“, а меликъ приказываетъ: „дать тому стаканъ вина“. Среди мужчинъ собирается такимъ образомъ 10—50 рублей. Въ женскомъ отдѣленіи происходитъ то же самое; тутъ собираются 1 — 5 р. Деньги эти остаются у отца невѣсты до свадьбы ¹⁾). Когда деньги собраны, всѣмъ гостямъ даются по стакану вина, послѣ чего зурна начинаетъ играть „паша-коешти“ „маршъ жениха“, и гости понимаютъ, что имъ пора расходиться. И вотъ всѣ, и мужчины, и женщины, въ двѣти высыпаютъ на улицу. Зурна начинаетъ играть плясовую, и эта смѣшная толпа, приплясывая, направляется къ дому жениха, гдѣ или расходится немедленно, или же остается веселиться еще некоторое время.

„Отрѣзать—сроить“.

(„кисим—бичим“).

Недѣли за двѣ до свадьбы отецъ жениха посыпаетъ въ домъ невѣсты водки, вина, мяса, а вечеромъ отправляется туда и самъ съ родственниками и близкими знакомыми. Отецъ невѣсты тоже приглашаетъ родныхъ и знакомыхъ. Когда гости въ сборѣ, къ нимъ выходить невѣста и по-очереди кланяется всѣмъ; при этомъ каждый изъ присутствующихъ платить ей отъ 20 коп. до 1 рубля, и она уходить. Затѣмъ садятся ужинать, послѣ чего отецъ жениха обращается къ отцу невѣсты со слѣдующими словами: „хвами“ ²⁾), мы пришли сюда совѣщаться съ тобой, чтобы послѣ между нами не было никакихъ недоразумѣній, не было недовольства; скажи прямо, при всѣхъ этихъ людяхъ, какъ о томъ, какіе у тебя будуть расходы, такъ и о томъ, сколько нужно твоей дочери платья, чтобы мы могли купить и прислать тебѣ“. Отецъ невѣсты сначала

¹⁾ На этомъ подробѣе остановлюсь въ концѣ.

²⁾ Сватъ, свойственникъ.

какъ бы не хотеть ничего требовать, говоря: „эхъ, хоть ничего не давай. Какие могутъ быть счеты между друзьями. Лишь бы ты былъ здоровъ, и безъ этого обойдемся“¹⁾. Но отецъ жениха начинаетъ настаивать: „милый хнами, вѣдь знаешь, что „закрытый торгъ уничтожаетъ дружбу“²⁾, вѣдь у насъ существуетъ такой обычай, долженъ же ты сказать, чтобы мы знали, что намъ дѣлать“³⁾. Наконецъ, послѣ неоднократныхъ отказовъ, онъ говоритъ: „съ самаго же начала я потребую 15 рублей, „судбанаси“⁴⁾, пять кувшиновъ вина, два пуда водки, два пуда хорошаго, жирнаго мяса или одного трехгодовалаго барана, 10 фунтовъ масла, 1 пудъ рису, что же касается платья невѣсты, это ужъ самъ знаешь, это твой товаръ, въ твой же домъ вернется“. Въ это время мать невѣсты, которая съ нетерпѣniемъ ждала рѣшенія мужа относительно одежды, сердито поднимается съ мѣста, подходитъ къ мужу и, толкнувъ его въ бокъ, говоритъ: „какое вамъ дѣло до одежды, свое кончили и достаточно, а одежда—это наше дѣло“. Мужъ не менѣе сердито отталкиваетъ ее. На этомъ и кончается споръ между мужемъ и женой, послѣ чего гости опредѣляютъ размѣръ требуемаго отдать невѣсты, при чемъ обыкновенно при-суждается нѣсколько меньше, чѣмъ требовалъ вначалѣ отецъ не-вѣсты. Этотъ послѣдній свое недовольство выражаетъ слѣдующими обращенными къ отцу жениха словами: „придешь хорошо (т. е. при-несешь много), и я хорошо угощу твоихъ гостей, а придешь съ недочетомъ (т. е. принесешь мало), то пусть ужъ совсѣмъ твоя будетъ тебѣ судьей“. Теперь остается еще открытымъ вопросъ о нарядахъ невѣсты. Тутъ ужъ приглашается ея мать, несмотря на то, что мужъ такъ грубо отвергъ ея вмѣшательство. Она требуетъ, чтобы платье было непремѣнно шелковое, пальто бархатное, изъ хорошаго бархата, а не такого сквернаго, какой былъ на невѣстѣ такого-то или такого-то. Шелковой матеріи нужно 15 аршинъ, бархату 7 аршинъ, на подкладку такой-то матеріи столько-то, 1 шелковый платокъ „леванди“⁵⁾, непремѣнно красный, одинъ платокъ „кляяги“⁶⁾, пару башмаковъ и разной мелочи. Опять

¹⁾ Татарская пословица.

²⁾ „Судбанаси“ (татарск.) или „катнаши“ (армянск.) значить „цѣна молока“, т. е. того молока, которымъ кормила невѣсту мать.

³⁾ Большие шелковые платки, изготавляемые въ Персіи.

⁴⁾ Такой же платокъ, только дешевле, для обыденного употребленія.

начинаются споры между договаривающимися сторонами и опять они улаживаются вмѣшательствомъ гостей. На слѣдующій день одинъ или двое со стороны невѣсты съ отцомъ жениха отправляются за покупкой указанныхъ вещей, при чёмъ часто образчикъ материіи дается матерью невѣсты.

„Кройка одежды“.

(„халав цевек“).

Когда все куплено, сторона жениха приглашаетъ всѣхъ родныхъ и близко знакомыхъ женщинъ, кладеть на подносъ, наполненный сушеными фруктами, материіи, и отправляются въ домъ невѣсты, где уже находятся женщины, приглашенныя этой стороной. Вызываютъ невѣсту, которая опять кланяется всѣмъ, и гости дарятъ ей по 20-ти коп., послѣ чего материа передается закройщицѣ. Эта послѣдняя, послѣ нѣсколькихъ бесплодныхъ движений ножницами, начинаетъ увѣрять, что ножницы очень тупы, и надо ихъ чѣмъ нибудь отточить. Тутъ ей даютъ 20 коп., ножницы сразу дѣлаются острѣе, и съ обычной поздравительной фразой ~~и~~ и ступаетъ къ кройкѣ, по окончаніи которой ~~и~~ соседки принимаются за шитье.

„Вѣнчаніе и свадьба“.

(„Пек-аранс“ – „пек-нарсанак“).

Обрядъ ~~вѣнчанія~~ и свадьба обыкновенно происходятъ одновременно, но ~~быть~~ и свадьба ~~вѣнчаніе~~ иногда задолгиваютъ и исключенія. Такъ, ~~вѣнчаніе~~ совершаются и такъ, что, даже за нѣсколько лѣтъ до свадьбы²⁾; бываетъ и то, послѣ Пасхи устраиваютъ свадьбу, невѣста ~~вѣнчаніе~~ совершаются послѣ Вознесенія. Это ~~въ~~ домъ жениха, а ~~вѣнчаніе~~ совершается послѣ ~~вѣнчанія~~ не можетъ быть совершенъ ~~въ~~ бываетъ, когда обрядъ ~~вѣнчанія~~ не слушаютъ праздниковъ.

Приступая къ приготовленіямъ для свадьбы, первымъ дѣломъ текутъ „свадебный хлѣбъ“. При этомъ приглашаются близкіе парни и девицы и съ пѣснями и плясками простираютъ муку, мѣсять тѣсто и текутъ хлѣбъ.

Въ среду вечеромъ отецъ жениха, который теперь называется „нарсанактер“, т. е. „хозяинъ свадьбы“, приглашаетъ къ себѣ нѣсколько друзей, съ которыми вмѣстѣ выбираетъ двухъ „азап“, –

²⁾ Такой случай былъ въ 1896 г., въ селѣ Улья-Норашенъ, Шар.-Дар. уѣзда.

т. е. молодыхъ, холостыхъ людейъ, на которыхъ съ этихъ поръ лежитъ обязанность всячески помогать „нарсанкатер'у“: они собираются въ деревнѣ посуду, приносить воду, зовутъ гостей и т. д. Тутъ же выбираются и „марнапет'а“ (что значитъ „кравчій“), которому поручается хлѣбъ, вино, водка, мясо и пр. Все это запирается въ отдельномъ помѣщеніи, ключъ отъ которого съ этого дня долженъ находиться у „марнапет'а“.

Въ четверть „нарсанкатер“ даетъ двумъ изъ своихъ родственниковъ по „хурджину“¹⁾, наполненному маленьками головками сахару, $\frac{1}{2}$ —1 фунта въ каждой, и нѣсколько головокъ по 7-и ф., и посыпаетъ ихъ въ сосѣднія деревни приглашать родныхъ и близкихъ знакомыхъ. Посланые, обходя этихъ послѣднихъ, передаютъ имъ приглашеніе, при чёмъ вездѣ оставляютъ по головкѣ сахара, наиболѣе же близкихъ и почетнымъ родственникамъ преподносятся большія головы. За этими же послѣдними, если они живутъ далеко, „нарсанкатер“, въ знакъ особаго уваженія, за нѣсколько дней посыпаетъ верховыхъ лошадей. Въ этотъ же день „азапы“ начинаютъ свою дѣятельность по собиранию посуды, мебели, а „марнапет“ почищенню въ порядокъ своего буфета. И „азапы“, и „марнапет“ остаются чочевать у „нарсанкатер'а“, при чёмъ „марнапет“ ночуетъ въ „маранѣ“, т. е. въ помѣщеніи, где сложены подвѣдомственные ему предметы. „Маран“ иначе называется „казна царя“²⁾.

Въ пятницу утромъ, еще до разсвѣта, „азапы“ обходятъ всю деревню и всюду повторяютъ одну и ту же фразу: „Сегодня свадьба такого-то, пожалуйте водку пить“. На дворѣ ставится „изенький столикъ“, на немъ тарелка съ двумя рюмками и сушеными фруктами и два хлѣба. У стола стоитъ одинъ изъ родственниковъ „нарсанкатер'а“, съ бутылкой водки въ рукахъ. Приглашенные подбираются, выпиваютъ рюмку водки, закусываютъ и уходятъ, послѣ чего приходитъ „тантки“³⁾ и начинаетъ варить „лоби чашъ“

1) Хурджин—переметная сумка.

2) Надо замѣтить, что во все продолженіе свадьбы женщины называются thagavor—„царь“, а юноши—thaguhi—„царица“.

3) „Тантки“—искаженное „тантаки“—хозяйка, которая завѣдуется во время свадьбы мужней. Въ каждой деревнѣ бываетъ 1—2 „тантки“.

4) „Лоби чашъ“—пюре изъ красныхъ фасолей. Пятница—постный день, поэтому готовятъ только постное.

Въ полдень зовутъ „зурначи“ и танцуютъ нѣкоторое время, послѣ чего „нарсанкатер“, взявъ бутылку водки и 7-и фунтовую голову сахару, вмѣстѣ съ зурной отправляется приглашать „кавор‘а“¹⁾. Тѣмъ же порядкомъ приглашаются и священникъ, и меликъ; послѣ чего одинъ изъ „азаповъ“ береть кувшинъ вина и стаканъ и съ зурной вачинаетъ ходить по домамъ. Войдя въ домъ, онъ подноситъ всѣмъ находящимся тамъ, по-очереди, по стакану вина, по чому тѣ узнаютъ, что ихъ приглашаютъ на свадьбу. Когда народъ начинаетъ собираться, одинъ „сағи“, стоя у дверей дома, съ бутылкой водки въ одвоя рукѣ и тарелкой съ сушеными фруктами²⁾ и рюмками въ другой, потчуетъ всѣхъ входящихъ водкой. Пьющіе пьютъ, непьющіе же произносятъ обычную поздравительную фразу, проходить и садятся на отведенныя имъ мѣста. Внутри дома другой „сағи“ угощаетъ виномъ, при чёмъ тутъ уже и сами гости просятъ, говоря: „послушай, дай же намъ вина: въ горлѣ совсѣмъ пересохло“. Когда всѣ собрались, меликъ волить накрыть на столъ. Надо замѣтить, что самые близкіе родственники „нарсанкатер‘а“ не садятся вмѣстѣ съ прочими за столъ, а прислуживаютъ. Они называются „воти врайп мард“, что означаетъ — „стоящіе на ногахъ люди“, т. е. прислуживающіе. Гости усаживаются слѣдующимъ образомъ: одинъ рядъ садится у стѣны, другой напротивъ, оставляя между собой и первымъ рядомъ разстояніе приблизительно въ 1 аршинъ. Это незанятое пространство между сидящими vis-a-vis двумя рядами называется у армянъ „майлис“, что есть ничто вное, какъ искаженное персидское слово „мѣджлис“, означающее заѣдавіе, собраніе. Люди, „стоящіе на ногахъ“, разстилаютъ скатерть ва „майлис“, при чёмъ говорятъ поздравительную фразу. Затѣмъ приносятъ хлѣбъ, посуду и кушанья. Когда подано кушанье, меликъ просить священника благословить трапезу. Послѣднюю молитву священникъ кончаетъ, и за нимъ всѣ повторяютъ послѣднія слова. За обѣдомъ „сағи“ начинаютъ потчивать гостей виномъ. Первый стаканъ подается священнику. Онъ береть стаканъ и начинаетъ „махтоғутюн“ — bla-

1) „Капор“ — исковерканное „капнѣйр“, значитъ „крестовый отецъ“. Такъ называется „посаженный отецъ“, т. к. онъ же обыкновенно крестить дѣтей тѣхъ, на свадьбы которыхъ онъ былъ посаженнымъ отцомъ. О его роли будетъ сказано на мѣстѣ.

2) Сушеные, фрукты называются тутъ „мазы“ — татарское слово, означающее приварка, закуска.

гопожеланія: „Да будетъ благословенъ Боже, поздравляю. Да со-старятся они (женихъ и невѣста) вмѣстѣ, да будетъ на нихъ благословенъ отца Авраама. Дай Богъ имъ и сыновей и дочерей. Да возрадуются всѣ доброжелатели. За здоровье thagovo'га и thaguhi¹. Нѣкоторые изъ гостей, слѣдя примѣру священника, поднимаютъ стаканы и, спросивъ благословенъ священника, говорятъ „рѣчи“, при чемъ почти цѣликомъ повторяютъ сказанное священникомъ, послѣ чего всѣ повторяютъ „аменъ“. Выпившій передаетъ стаканъ сосѣду, и „саї“ паливаетъ этому послѣднему вина. Священ-никъ обыкновенно играетъ роль „тамада“¹), но рѣдко кто обра-щаетъ вниманье на предлагаемые имъ тосты: каждый пьетъ за то, что ему нравится. По окончаніи обѣда оставшійся хлѣбъ заворачивается въ скатерть и кладется передъ священникомъ, который, прочитавъ молитву послѣ привятія пищи, кончаетъ словами по-здравленія, которыя повторяются хоромъ всѣми присутствующими. Послѣ этого „саї“ подносить всѣмъ еще по стакану вина, и зурна начиняютъ играть „паша кеошли“ (см. выше). Гости расходятся, и садятся обѣдать „прислуживавшіе“.

Въ это время зурна вачинаетъ играть на дворѣ. Собираются молодыя женщины и дѣвицы и начинаютъ плясать. Выводять быка, предназначенаго для свадебнаго обѣда. Нѣсколько парней свя-зываютъ его ноги веревками и сваливаютъ на землю.

Затѣмъ призываютъ „тагавор'а“, который карманнѣмъ ножемъ дѣлаетъ надрѣзъ на шеѣ животнаго такъ, чтобы ножъ обагрился кровью; вырвавъ изъ хвоста быка нѣсколько волосъ, онъ на-матываетъ ихъ на лезвіе и, закрывъ ножъ, кладеть его въ кар-манъ; ножъ остается въ такомъ видѣ въ карманѣ до конца свадьбы²). Затѣмъ мясникъ закалываетъ быка, и пока сдираютъ съ него кожу и потрошатъ, парни и дѣвицы непрестанно пляшутъ. „Азапы“, отвѣсивъ обѣщанное отцу невѣсты количество мяса и отмѣривъ пива водки, рису, масла, съ зурнаци и парнями и дѣвушками

1) „Тамада“ на Кавказѣ выбирается во время торжественныхъ обѣдовъ и кутежей. Его обязанность предлагать тосты и заставлять всѣхъ пить. Онь паче называется „подубаши“. Это — своего рода предсѣдатель. Всѣ, желая го-ворить, просятъ у него слова. Ср. греческ. „συμποσίαρχος“.

2) Обычай этотъ называется — „thlifsh“ (правск. слово ср. „талismanъ“) и означаетъ заговоръ. Тутъ — символъ мужской половой силы (см. В. Акимовъ, Свадебные обычны въ южно-каспийскихъ арmenъ. Этногр. Обозр. за 1889 г. № 1, стр. 77—92).

отправляются въ домъ невѣсты; тамъ они не снимаютъ ноши до тѣхъ поръ, пока не получать отъ отца невѣсты по 20—30 коп., послѣ чего съ зурной и плясками возвращаются въ домъ жениха.

Получивъ названныя вещи, отецъ невѣсты приглашаетъ родныхъ и знакомыхъ женщинъ, которыхъ начинаютъ дѣлать приготовленія къ „вѣнчальному обѣду“ ¹⁾.

Вернувшись домой, азаны и зурначи отправляются приглашать наиболѣе почетныхъ лицъ въ деревнѣ. По звуку зурны оставльные сосѣди догадываются сами, что уже время идти на свадьбу. Пока зурна ходить по деревнѣ, оставшіеся дома парни и дѣвицы собираются и начинаютъ танцевать „ялли“ ²⁾ подъ пѣніе. При этомъ во главѣ съ платкомъ въ рукѣ становится парень, который умѣеть хорошо пѣть. Онъ поетъ solo одинъ куплетъ, за нимъ повторяютъ тоже самое всѣ танцующіе. Пѣсни поются по большей части на татарскомъ, а иногда и на курдскомъ языкахъ. Привожу для примѣра одну изъ такихъ пѣсень на татарскомъязыкѣ.

1) Дам уста дыр дамымыз.

Припѣтъ. Ал-папах оглап банда гяль, банда гяль,

2) Гоша дыр харманымыз.

3) Санъ ордан чых, мян бурдан

4) Чатдасын душманымыз.

Надо замѣтить, что каждая строфа состоять изъ четырехъ строкъ, при чемъ первыя двѣ строки по смыслу не связаны съ послѣдними. Они присоединяются для риѳмы съ послѣдними двумя, въ которыхъ и заключается весь смыслъ. Каждая строфа носитъ характеръ отдѣльныхъ куплетовъ, и отдѣльные строфы не имѣютъ внутренней связи, такъ что перемѣщеніе или даже выпускъ строфъ не служить ущербомъ для пониманія содержанія пѣсни ³⁾.

Русский переводъ.

1) Наши дома смежны. Парень въ красной шапкѣ, приди къ плотинѣ, приди къ плотинѣ. Я пошла по воду, приди и ты, приди и ты.

2) Смежны и наши гумна. Парень въ красной шапкѣ и пр.

3) Ты выйди съ одной стороны, я съ другой, парень и пр.

1) Такъ называется обѣдъ, устраиваемый отцомъ невѣсты въ девъ вѣнчальня.

2) „Ялли“—круговой танецъ.

3) См. изслѣдованіе Хазароса Агаянъ, журн. „Тарази“ 1890 г. № 1.

4) Пусть треснет наш врагъ, парень и пр.

Такимъ образомъ, весь смыслъ пьесы состоять въ томъ, что дѣвица (или парень) предлагаетъ своему возлюбленному устроить свиданье (или, покрайней мѣрѣ, встрѣчу) на зло недоброжелателямъ.

Пѣвіе продолжается до возвращенія зурны, послѣ чего пляска происходитъ подъ зурну. Посреди круга, составленного кольцомъ пляшущихъ, разстилаютъ коверъ, ставятъ кувшинъ вина, и во танцующіе или уставшіе садятся и попиваются. Одинъ саги съ бутылкой и стаканомъ въ рукахъ обходитъ пляшущихъ и угощаетъ ихъ виномъ. По окончаніи „или“, который продолжается 3—4 часа, приблизительно до 11—12 ч. ночи, начинаютъ собираться къ невѣстѣ, чтобы заставить ее поплясать и чтобы выкрасить ея руки хиной. „Санамеръ“ (такъ называется жена „кавора“) разводить хину въ винѣ и предварительно предлагаетъ находящимся въ домѣ жениха мужчинамъ и женщинамъ. Желающіе, даютъ выкрасить руки, за что каждый платить ей 5—20 коп. Покончивъ съ этимъ, молодые женщины, дѣвушки и парни, съ зурной и плясками, отправляются къ невѣстѣ. Тутъ начинаютъ танцевать по-одиночкѣ, сначала парни, потомъ дѣвушки, наконецъ выступаетъ невѣста и начинаетъ очень медленный танецъ, во время которого зурна вдругъ перестаетъ играть. „Эй, зурначи, что-жъ ты замолчалъ? Дуй же“,—обращаются со всѣхъ сторонъ къ нему. „Зурна испортилась, нельзя больше играть“, отвѣчаетъ зурначи и только тогда начинаетъ играть, когда получаетъ 20 коп. Во время пляски невѣсты разстилаются на полу платокъ, и гости жениха кладутъ на него отъ 20 к. до 1 р. каждый „ерестеналэ“ По окончаніи пляски деньги сосчитываются и, завязавъ въ платкѣ, отдаютъ невѣстѣ, которая и уходитъ.

Затѣмъ „санамеръ“ идетъ къ невѣстѣ и, получивъ отъ нея 20 коп., красить ея руки хиной. То же самое она дѣлаетъ въ со всѣми тѣми, которые платятъ ей 10—20 к., послѣ чего съ зурной и плясками возвращается въ домъ жениха.

Въ субботу, съ раннаго утра, въ домѣ невѣсты начинаютъ готовить „вѣчальный обѣдъ“, въ домѣ же жениха зурначи поднимаются на крышу и начинаютъ играть „shari“ (персидск. сл. значитъ „утренняя мелодія“), приглашая этимъ сосѣдей пить водичку. Въ 8—9 часовъ всѣ отправляются съ музыкой и плясками къ невѣстѣ, чтобы одѣть ее и повести подъ вѣнецъ. Тутъ парни

остаются на дворѣ и плашутъ, а женщины входять къ невѣстѣ и начинаютъ одѣвать ее. Надѣваютъ на нее новое платье (только не то, которое купилъ отецъ жениха), а голову покрываютъ большими шелковыми платкомъ, который спускается до пояса. Затѣмъ приходитъ женихъ и, поцѣловавъ руку тестю и тещѣ, отправляется въ церковь. Невѣстѣ насыпаютъ въ башмаки проса, а въ карманъ кладутъ запертый замокъ безъ ключа¹⁾, послѣ чего она подходитъ и цѣлуя руку отцу и матери. Двѣ девушки, ваявъ ее за руку, медленнымъ шагомъ ведутъ ее въ церковь, при чемъ впереди съ музыкой и плясками идутъ родные и знакомые жениха.

При выходѣ изъ церкви пономарь загораживаетъ дверь молодымъ и пропускаетъ ихъ, получивъ 20 — 30 коп. Процессія съ плясками направляется къ дому невѣсты, при чемъ женихъ ведетъ молодую невѣсту, держа ее за руку; за другую руку держать девушки, рядомъ съ женихомъ идетъ „каворъ“. Всю дорогу стрѣляютъ изъ ружей и револьверовъ и кричатъ ура. Парни то и дѣло подносятъ стаканъ вина ко рту „такавора“, послѣ чего кричать: „такаворъ выпилъ, ура!“ и всѣ подхватываютъ „ура“. Въ дверяхъ каворъ обнажаетъ шашку и держитъ клинокъ и ножны крестообразно надъ головами молодыхъ²⁾. Затѣмъ садятся завтракать. Послѣ завтрака всѣ расходятся, невѣста остается у своихъ, а женихъ съ друзьями отправляется къ себѣ. Часа въ два гости приглашаются вышеописаннымъ способомъ на обѣдъ къ жениху. За обѣдомъ превозглашаются тосты, при чемъ они вертятся главнымъ образомъ вокругъ молодыхъ, которыхъ называютъ „два друга“ или „такавор и такуи“. Послѣ обѣда передъ священникомъ ставить подносы, рядомъ съ священникомъ садится отецъ невѣсты, и начинается такъ называемый „канчъ“, что означаетъ „зовъ“. Обычай этотъ состоить въ слѣдующемъ. Кто набудь изъ публики, обладающей даромъ слова, становится рядомъ съ священникомъ и громогласно заявляетъ: „Общество, слушай! Вотъ уже

¹⁾ У армянскихъ крестьянъ существуетъ понѣре, что если во время пѣнчанья кто-л. изъ подруговъ запретъ замокъ или сдѣлаетъ на виткѣ сень узловъ, то молодые супруги будутъ „заперты, сизаны“, т. е. будутъ лишены возможности совокупленія. Запертый замокъ въ гарнамъ невѣсты и проще служить, такъ сказать, притворомъ отъ подобныхъ злоній. Козни враговъ разсыпятся, молъ, такъ, какъ просо, когда невѣста будетъ снимать башмаки.

²⁾ Какъ некоторые объясняютъ, это дѣлается для того, чтобы нечистая сила не могла испортить молодыхъ.

нѣсколько дней мы разносимъ казну „такавора“, уничтожаемъ, грабимъ,—вѣдь надо же пополнить ее. Больше всѣхъ досталось такавору отъ родныхъ и друзей, вотъ потому пусть они выступятъ первыми. Ну, не медлите! Эй, ты (обращается къ кому-либо изъ публики) положи десять рублей въ карманъ и думаетъ этимъ вывернуться,—нѣть, пожалуй 25 р.“. Прежде всѣхъ даютъ деньги самые близкіе родственники, затѣмъ каворъ, наконецъ остальные. Жертвуютъ отъ 10 р. до 50 коп., въ исходящемъ относительно количества жертвуемыхъ денегъ порядкѣ. Получая деньги, дѣлающій „канчъ“ выкрикиваетъ имя давшаго и говоритъ: „молодецъ такой-то, пусть удостоить его Богъ этой же радости, пожертвовалъ нашему „такавору“ десять рублей кредитными билетами“. Деньги вручаются священнику, который кладетъ ихъ на подносы. По окончавіи „канча“ священникъ сосчитываетъ деньги, объявляетъ дѣлающему „канчъ“ о количествѣ собранного и вручаетъ деньги отцу жениха. Глашатай же громогласно произносить: „Да здравствуетъ общество, да удостоить Богъ всѣхъ холостыхъ того же. Пожертвовано нашему „такавору“ столько то“. Обыкновенно собирается отъ 100 до 500 р., смотря по состоянію и общественному положенію жениха. Жертвуютъ всѣ безъ исключенія: и священникъ, и меликъ, и даже глашатай. Почти весь расходъ, произведенный женихомъ на свадьбу, покрывается подобными денежными взносами. По окончаніи „канча“ зурна играетъ „паша кеочти“, и публика расходится. Остаются священникъ, парни и дѣвицы.

На подносы приносять одежду невѣсты, шашку, кинжалъ и большой, красныйшелковый платокъ и ставятъ передъ священникомъ. Этотъ послѣдній обнажаетъ шашку и кинжалъ, кладетъ ихъ на одежду и затѣмъ благословляетъ ее, послѣ чего кинжалъ отдаетъ жениху, который надѣваетъ его на себя, шашку „кавору“, а платокъ беретъ дѣвица, которая отдаетъ священнику коп. 20--50, закручиваетъ его жгутомъ, накидываетъ на шею жениха, а концы крестообразно прикрѣпляетъ на груди. Правую же руку жениха выше локти подвязываютъ зеленымъ платкомъ, который остается до конца свадьбы. По окончаніи этой церемоніи, зурна начинаетъ играть на дворѣ, а парни и дѣвицы пляшутъ. По звуку зурны публика узнаетъ, что уже время отправляться за невѣстой. Приготовивъ „хончу“ (см. выше) съ одеждой невѣсты, даютъ одному изъ парней, который, держа ее на головѣ и приплясывая, идетъ

сь зурной впереди, а за ними женихъ, каворъ и всѣ остальные. Парни и дѣвицы всю дорогу пляшутъ. Хончу относять въ домъ, а публика остается на дворѣ, гдѣ продолжаются пляски. Жениха сажаютъ на табуретку посреди двора, а если тепло — на крыщѣ. Приходитъ цирульникъ и стрижетъ ему голову; затѣмъ смачиваетъ лицо виномъ и, намыливъ, начинаетъ брить. Сбривъ одву половину, онъ перестаетъ, говоря, что бритва притупилась. Присутствующіе кладутъ ва зеркало цирульника, которое держать въ рукахъ женихъ, отъ 1 до 10 коп., и цирульникъ оканчиваетъ свое дѣло. Внутри же дома въ это время одѣваютъ невѣсту. Когда она уже одѣта, приглашаютъ отца жениха, чтобы онъ надѣлъ на нее поясъ. Ваявъ за концы пояса, онъ произносить: „дай Богъ тебѣ здоровьяя, счастья, мальчиковъ и дѣвочекъ“, и надѣваетъ на нее поясъ. Въ это время начинаютъ играть „тарсъ ханелу“, т. е. „на выводь невѣсты“ изъ отцовскаго дома. Это медленная, грустная мелодія. Невѣста сначала цѣлуетъ край домашняго очага („то-ниръ“), затѣмъ руку отца и матери, эти же послѣдніе цѣлуютъ ее въ лицо, и тутъ начинается громкій плачъ. Хотя многіе изъ присутствующихъ смеются надъ этимъ, но картина получается поистинѣ трогательная. Женихъ береть невѣсту за руку, и они, окруженные „каворомъ“ и дѣвицами, направляются въ дому жениха. За ними шествуетъ публика, при чемъ всю дорогу стрѣляютъ изъ ружей и револьверовъ. Брать невѣсты старается туть поцѣлововать сестру жениха. Иногда изъ-за этого возникаютъ скоры и даже драки. Часто невѣсту изъ дома отца привозятъ къ жениху верхомъ на лошади, и это считается особымъ шикомъ.

Мать невѣсты приготовляетъ „хончу“ изъ разныхъ печений, фруктовъ и вареной курицы. Курицу варять цѣликомъ, не снявъ головы и ножекъ, во внутрь кладутъ лицо и сухихъ фруктовъ, на шею подѣваютъ ожерелье изъ изюма и сажаютъ на тарелку, высоко поднявъ голову. Тарелку съ курицей, съ остальными принадлежностями „хончи“ помѣщаютъ на подносѣ, накрываютъ платкомъ и несутъ впереди процессіи. Хонча эта называется „цаѣ“. По дорогѣ у многихъ домовъ процессію останавливаютъ и дарятъ что-нибудь невѣстѣ или угощаютъ публику виномъ. Одинъ изъ парней схватываетъ съ головы отца жениха шапку и бѣжитъ къ его дому, остальные парни стараются отнять ее у него, такъ какъ кто принесетъ эту шапку въ домъ жениха, получить въ награду пла-

токъ. Когда процессія приходитъ въ домъ жениха, навстрѣчу ей выходить мать послѣдняго съ близкими родственниками, приплясывая подходить къ жениху и невѣстѣ и цѣлуютъ ихъ. На порогѣ ставятъ двѣ глиняныя миски, которыя женихъ и невѣста при входѣ разбиваются ногой. Какъ объясняетъ г. Акимовъ въ своей статьѣ въ „Этног. Обозр.“, женихъ этимъ какъ бы „освобождается отъ грѣховъ безпутной холостой жизни“. Но чѣмъ же объяснить то, что разбить тарелку должна и невѣста, непорочность которой не должна подлежать ни малѣшему сомнѣнью? Какъ миѣ это объясняли сами крестьяне, этимъ, если перевести буквально, „лопается зло“, т. е. оно уничтожается.

Невѣстѣ предлагаютъ войти въ особое отдѣленіе и сѣсть тамъ на подушку. Но невѣста не входить, давая этимъ понять, что ей надо заплатить „входную плату“. Отецъ или мать жениха говорить ей: „невѣстка, милая, тебѣ же принадлежитъ весь нашъ домъ, ву возьми хоть нашего такого-то ¹⁾ буйвола“.

Если невѣста не предупреждена, соглашается и входить, въ противномъ же случаѣ она отказывается и входить только послѣ того, какъ ей заплатить золотую монету или серебряный рубль. Подушка, на которую должна сѣсть невѣста, занята мальчикомъ, которому приходится заплатить коп. 20—40, чтобы онъ всталъ. Подойдя къ подушкѣ, невѣста отказывается сѣсть. Слѣдуетъ то же обѣщаніе отца жениха, тотъ же отказъ, та же серебряная или золотая монета. Сѣть на подушку, невѣста достаетъ мѣшочекъ съ сурьмой и костянную палочку, и дѣвушки подводятъ ей глаза. Въ этотъ вечеръ всѣ родственники и близкія знакомыя присылаютъ „хончи“. Затѣмъ собираются гости, и начинаются пѣсни, музыка и пляски. Въ круговомъ танцѣ „ялли“ привимаетъ участіе и невѣста, передъ которой пляшутъ дѣвушки съ зажжеными свѣчами въ рукахъ. Послѣ „ялли“ публика расходится, и остается только молодежь. Парни въ этотъ вечеръ должны разбить „цаг“ Они съ „такаворомъ“ и „каворомъ“ садятся ужинать, послѣ чего имъ подаютъ „хончу“ съ курицей, приготовленную матерью невѣсты. Выбирается „хазнадар“ (кассиръ), который и предлагаетъ взять „цаг“ съ торга. Торгъ начинается съ рубля и доходитъ до 5-ти рублей. Предложившій платить кассиру означенную сумму, беретъ

¹⁾ Каждое животное въ деревнѣ имѣеть кличку.

курицу, произносить поздравительную фразу, отрывать ножку курицы, заворачивать въ хлѣбъ и кладеть въ карманъ, другую ножку отдаетъ „такавору“, остальное дѣлить на мелкие кусочки, кладеть на тарелку и предлагаетъ всѣмъ по-очереди. Кому попадеть дужка, обязанъ угостить „такавора“ со всей его свитой. Раздавъ мясо, разбившій „даг“, съ тарелкой въ руки, обходить всѣхъ и собираетъ деньги. Каждый платить 15—25 коп. Собирается въ среднемъ до 5 рублей, которые, вмѣстѣ съ прежними 5 рублями, хранятся у кассира. Послѣ раздачи „дага“ всѣ расходятся.

Въ воскресеніе утромъ „азапы“ вышеописаннымъ способомъ приглашаютъ гостей на завтракъ, послѣ чего кассиръ „азаповъ“, предлагая всѣмъ кусочки куринаго мяса, собираетъ деньги въ пользу „азаповъ“. Послѣ завтрака начинаются игры. Парни рядятся, выбираютъ такавора своимъ судьей и начинаютъ приносить ему жалобы. Жалуются, напр., на то, что такой-то вотъ ужъ въ сколько дней грабить безнаказанно казну „такавора“. Такаворъ приказываетъ привести его и послѣ непродолжительного суда велить привязать его къ столбу и бить до тѣхъ поръ, пока онъ не заплатить „20 тумановъ“¹⁾ штрафа. Приказание немедленно исполняется, и виновнаго отпускаютъ только по полученіи съ него 20 коп. Деньги, полученные такимъ образомъ, поручаются „кассиру“ и идутъ въ пользу „азаповъ“. Въ этотъ же день родственницы невѣсты привозятъ ей сундукъ съ ея приданымъ, при чёмъ каждая изъ нихъ дарить невѣстѣ что-нибудь съ своей стороны; ихъ тутъ угощаютъ обѣдомъ. Послѣ обѣда начинаются пляски подъ зурунъ.

Всѣ вещи изъ сундука вынимаются и выставляются на показъ. Кроме вещей невѣсты тутъ бываютъ подарки, сдѣланные рукой невѣсты всѣмъ членамъ семьи жениха: носки, платки и пр. Вечеромъ устраивается чай съ ужиномъ, на который приглашается священникъ: онъ долженъ „развязать вѣнецъ“, „снять нарот“²⁾. Молодые становятся на колѣни передъ священникомъ, „кавор“ же держитъ надъ ихъ головами крестообразно обнаженную шашку съ ножнами. Прочитавъ подобающія молитвы, священникъ развяз-

1) „Туман“—10 рублей.

2) „Нарот“ есть читки изъ зеленаго и краснаго шелка, которыхъ священникъ во время вѣнчанья нѣзвѣаетъ на шею и руки жениха и невѣсты и концы закрѣпляетъ воскомъ, придавливая крестомъ. Пока „нарот“ не снятъ, новобрачные не имаютъ права всходить на брачное ложе.

зываєтъ „нарот“, находящійся на рукахъ и шеяхъ молодыхъ, послѣ чего только они могутъ взойти на брачное ложе.

Мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ о тѣхъ юридическихъ обычаяхъ, которые связаны съ бракомъ. О возрастѣ брачущихся мною сказано уже выше, скажу о степеняхъ родства между брачущимися, о разводѣ и о приданомъ невѣсты.

Въ вопросѣ о степеняхъ родства армянская церковь руководствуется постановленіями древнихъ церковныхъ соборовъ и, главнымъ образомъ, указаніями требника и „Канонагирка“, т. е. „книги каноновъ“. Что-же касается взгляда народа на этотъ предметъ, то надо замѣтить, что онъ вообще не терпитъ браковъ между родственниками, считая ихъ грѣхомъ. Порицаются даже браки между „кавором“ и дѣтьми супруговъ, у которыхъ онъ былъ „кавором“. Однако нерѣдко мы сталкиваемся съ отступленіями отъ общепринятыхъ правилъ и встрѣчаемъ браки между родственниками.

Что касается развода, то народъ не только не одобряетъ, но даже не признаетъ его, и мужъ скорѣе убеть виновную жену, чѣмъ согласится просьбой о разводѣ сдѣлаться „притчей во языцѣхъ“. Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ разводовъ не случается не потому, что нѣть къ этому поводовъ, а вслѣдствіе отсутствія у народа убѣжденія въ возможности развода. Въ вопросѣ о разводѣ церковь руководствуется, на ряду съ существующими законами, церковными канонами.

Приданое. Въ строгомъ смыслѣ слова приданаго у народа не существуетъ, никогда отецъ не даетъ за дочерью ни денегъ, ни имѣній. Родители, соотвѣтственно со своимъ материальнымъ положеніемъ и выкупной платой, даютъ ей платья и вещи, которыя дѣвица съ малолѣтства носила па себѣ, или заготовляла сама для себя или для подарка семьѣ жениха, и сундукъ для этихъ вещей. Все это, вмѣстѣ съ деньгами и предметами, которые она получила до и во время свадьбы („касим-бичим“, „ерестеснелз“ и пр.), составляютъ ся полную собственность. Вещи, полученные отъ жениха и его родителей, называются „арнегин“, что значитъ „пѣна крови“, т. е. возмездіе за лишеніе дѣвственности ¹⁾.

Липаритъ Назарьянцъ.

¹⁾ См. Земскій, С. Народно-юридические обычаи у армянъ закавказского края.

СМѢСЬ.

Нѣкоторые обряды, примѣты и повѣрья крестьянъ Еремѣй-
цевской волости Рыбинскаго уѣзда, Ярославской губерніи.

I.

Во время родовъ считается нужнымъ засвѣтить лампаду передъ ико-
ной, иначе ребенокъ будетъ постоянно хворать; про больного ребенка
часто спрашиваютъ: «вѣрно у васъ родился младенецъ безъ огня?». При
трудныхъ родахъ зажигаютъ вѣчальная свѣчи, занавѣшиваютъ окна,
чтобы никто не сглазилъ, просить священника отворить царскія врата и т. д.

Послѣ родовъ кто-нибудь изъ старшихъ въ семье тошнитъ баню, и туда отправляются роженица съ ребенкомъ и повитуха. Въ банию онѣ идутъ
задворками, во избѣжаніе сглаза. Да и раньше повитуху тоже ведутъ въ
роженицѣ задворками, а то если увидятъ бабку, идущую на роды, ро-
ды будутъ трудные. Въ банию повитуха моетъ роженицу и ребенка, ра-
стираетъ ей животъ деревяннымъ масломъ, моется сама, а потомъ про-
исходитъ размываніе. Родильница и бабка садятся на пологъ или на
лавку, лицомъ другъ къ другу и противу ноги. Родильница береть
непочатый кусокъ мыла и кладетъ между ногами, бабка его поднимаетъ
и намыливаетъ ими кисти рукъ у родильницы, или всю руку положить,
иногда при этомъ она дѣлаетъ какіе то наговоры. Потомъ родильница
намыливаетъ руки повитухѣ, и все это повторяется до трехъ разъ. Да-
лѣе обѣ женщины поливаютъ другъ другу по три раза руки, и этимъ
все кончается. Мыло, употреблявшееся при этомъ, поступаетъ въ пользу
бабки. Многія бабки говоритьъ, что онѣ ни за что не пойдутъ въ пови-
тухи къ другой роженицѣ, пока не размоются съ первой. Размываніе
дѣлается съ тою цѣлью, чтобы кто-либо не сдѣмалъ зла бабкѣ или ро-
дильницѣ, а если зло и сдѣлано, то при размываніи оно сывается. Мѣст-
ное населеніе считаетъ этотъ обрядъ очень старинымъ и указываетъ при
этомъ на икону, изображающую Рождество Пресвятой Богородицы, гдѣ,
между прочимъ, изображено лицо, льющее на руки воду изъ кувшина.

Для того, чтобы отбить жениха у чужой невѣсты, обираютъ его сѣль-
въ то время, когда онѣ идетъ на смотрѣніе, или въ какой-нибудь дру-
гой моментъ, т. е. срываютъ траву, по которой онѣ ступасть, или со-

бирают землю. Слѣдь этотъ бросаютъ въ печь или въ навозъ на дворѣ въ надеждѣ, что парни теперь уже пути не будетъ и что онъ не достигнетъ, чего желалъ. Дѣвушка для того, чтобы приворожить въ себѣ какого нибудь парня такъ, чтобы онъ никогда не оставлялъ и не забывалъ ея, старается незамѣтно напоить его своею менструаціонною кровью.

При сватовствѣ сваха, или по-мѣстному «ходатиха», отправляясь въ первый разъ съ женихомъ смотрѣть на невѣсту, должна помочиться у нея на порогѣ, чтобы дѣло было сдѣлано. Въ день сворога у невѣсты утромъ топятъ баню, и невѣста отправляется туда съ подругами. Любопытно, что именно въ этомъ моментѣ пріурочивается благословеніе отцомъ дочери, причемъ послѣдняя обращается къ нему съ тавимъ причетомъ:

«Ты благослови-во меня, кормилецъ тятенька,
«Во послѣдніи, во останніи,
«Во чужую, дальную сторонушку,
«Ко чужому отцу съ катерію».

Отецъ и мать благословляютъ невѣсту иконами, но въ ноги она вмѣ не кланяется. Отецъ провожаетъ съ иконой дочь въ сѣни и съ иконой же встрѣчаетъ ее на крыльца по возвращеніи изъ бани, иначе она не войдетъ въ избу.

По окончаніи свороки, когда гости уже разѣхались и остались только подруги да близкіе родные, невѣста, передъ заплетаніемъ косы, подноситъ свою алую ленту отцу, матери, женатому¹⁾ брату, крестному отцу, дядѣ, теткѣ и вообще всѣмъ близкимъ родственникамъ. Голова у невѣсты при этомъ покрыта платвой, нахлобученнымъ на лобъ, и, поднося ленту на тарелѣ, дѣвушка причитаетъ:

«Ты вормилецъ, ты мой тятенька,
«Ты привѣ-во отъ меня во послѣдніи, во останніи,
«Изъ русы носы алу ленточку.
«Нагуляться-то я не нагулялася,
«А растеряться-то я растерялася:
«Потеряла я свою дѣвичью красоту».

Отецъ обнимаетъ дочь, беретъ ленту и, подержавъ ее немного въ рукахъ, пладеть обратно на тарелку вмѣсть съ вѣсельными серебряными монетами, поступающими въ пользу невѣсты.

Гостины, которые приносятъ женихъ невѣстѣ, приходя въ нея въ «побывашки», она не должна юсть сама до свадьбы, иначе мужъ впослѣдствіи не будетъ любить ее. Поэтому невѣста обыкновенно раздаетъ гостины подругамъ.

Ночь на налажунѣ свадьбы невѣста недолжна спать; утромъ она будить начевавшихъ у нея подругъ тавимъ причетомъ:

¹⁾ Изложеніе г. Костоловскаго не отличается точностью, и потому трудно судить, случайно ли онъ упомянулъ именно про женатаго брата, или же холостые братья и на сакомъ дѣлѣ не принимаютъ участія въ данномъ обрядѣ.

«Вы подружевъки голубушки,
 «Спалася-ли вамъ тонианъ иоченька?
 «Коротались-ли часы-то долгіе
 «На радости-ли и на весельицѣ?
 «Вы иена-то сбываете
 «И просторъ себѣ панинаете.
 «Ужъ вы сбыть-то иена сбудете,
 «А по вѣкѣ не забудете.
 «Вы забудете,—вспоминете,
 «Вспоминете и ве воротите.
 «А виѣ-то-ли младенческой

«Не спалася иочька темная
 «И не лежались часы то долгіе.
 Всю я иоченьку я проходила,
 Всѣ я думушки я передумала.
 На зарѣ-то я пріенула,
 На восходѣ краснаго солнышка;
 Некоротай сонъ пригрезился:
 Будто я, младенческа, заблудилася,
 Въ холодной росѣ обмочилася.
 Обмочилася я во чужихъ людяхъ,
 Обмочилася я въ горючихъ слезахъ.

До вѣнчанія какъ сами женихъ и невѣста, такъ и ихъ родители соблюдаются строгой чистотой. Къ вѣнцу жениха обуваетъ дѣвочка-подростокъ, а невѣсту — мальчикъ; дѣти должны быть изъ замкнутыхъ семей¹⁾), а не сироты. Жениху кладутъ въ правый сапогъ ласточкино гнѣздо, въ лѣвый — серебряныхъ денегъ; то же, кажется, дѣлаютъ и съ невѣстой. Молодые, отправляясь въ церковь, захватываютъ съ собой секретно змѣиную чешую, найденную въ лѣсу и засушеннную; она должна предохранять отъ всякой порчи. По приѣздѣ молодыхъ изъ церкви, въ нѣкоторыхъ деревняхъ ихъ ведутъ въ избу не черезъ крыльцо, выходящее на улицу, а черезъ дворъ, чтобы они жили богато. Когда новобрачныхъ отведутъ спать, молодая раздѣвается сперва сама, разуваетъ мужа, беретъ себѣ положенные въ сапогъ деньги и затѣмъ кланяется мужу въ ноги и просить у него позволенія лечь съ виномъ въ постель; онъ ей разрѣшаетъ это словами: «ну, ложись къ стѣнѣ». До дня «отводинъ» молодые, отправляясь спать, каждый разъ кланяются въ ноги отцу съ матерью.

Особый видъ порчи, которую напускаютъ на молодыхъ — *нестоиха*, или неспособность молодого къ супружескому сожительству. Женихъ не можетъ найти у невѣсты дѣтородныхъ частей, а вместо того ему кажется, что она ощупываетъ бутылку или вѣнокъ. Лечать нестовиху знахари, «отчерькалки» и другія лица, а для предупрежденія ей молодые привзываютъ къ кресту «пчелиное маточное място изъ улья».

II.

Выгонъ скота на поле на лѣтнєе пастбище всегда пріурочивается къ Егорьеву дню, т.-е. къ 23 апрѣля. Утромъ въ этотъ день хозяйка варить яйцо, затѣмъ кто нибудь беретъ свареное яйцо и катаетъ имъ по хребту каждой скотинѣ, начиная съ лошади и кончая овцей. Батаютъ отъ головы къ хвосту и потомъ самое яйцо пускаютъ по назову. Смысль обряда тотъ, чтобы скотъ отгулялся лѣтомъ такъ же кругло, какъ яйцо, и лошади, кромѣ того, бѣгали такъ же быстро, какъ быстро

1) Г. Костоловскій, нѣсколько разъ упоминающій про этотъ обрядъ, пріурочиваетъ его то къ Рыбинскому у., то къ Мышкинскому.

покатилось яйцо по наузы. Яйцо въ заключеніе съѣдается тѣмъ, кто продѣлывалъ данную церемонію, а для прочихъ членовъ семьи варятся другія яйца.

Если у кого корова убѣгаетъ на прежнее мѣсто, откуда она куплена, то, чтобы отучить ее отъ этого, хозяйка обмываетъ квашню, въ которой творится хлѣбъ, и этою водою поить корову; прежняя же хозяйка должна проговорить ее огь себя помеломъ; послѣ этого корова уже не будетъ больше убѣгать. Пѣтухъ въ подобныхъ случаяхъ обмываютъ водою ноги и поять его этою же водою. Купивъ лошадь или корову и выведя ихъ изъ прежней деревни, вырываютъ съ корнемъ первый попавшійся кустикъ, стегаютъ имъ животное и затѣмъ бросаютъ назадъ по дорогѣ. Эта обрядъ тоже имѣетъ назначеніе отучить новокупленную скотину отъ возвращенія на прежнее мѣсто.

Ведя корову продавать на ярмарку, останавливаются на самомъ перекрестьѣ, доятъ корову и затѣмъ полученнымъ молокомъ обмываютъ ейкопыты и дѣлаютъ врестъ на крестцѣ. Дѣлаютъ это въ виду того, что на ярмаркѣ бываетъ всякий народъ, и корову могутъ сглазить, а теперь врестъ на крестцѣ предохраняетъ ее отъ этого.

Когда купать корову, а скотъ уже выгнали въ поле, многіе хозяева берутъ кусокъ хлѣба, даютъ его обнюхать всѣмъ коровамъ въ стадѣ, а затѣмъ скармливаютъ его своей коровѣ. Послѣ этого корова будетъ хорошо доиться вѣдьто, и настой сметаны на молокѣ будетъ больше обыкновеннаго, такъ сказать, перейдеть отъ коровъ, обнюхивавшихъ хлѣбъ. Другое средство увеличить «сѣюлокъ» сметаны въ крынкахъ,—ставить ихъ, когда онѣ пусты, непокрытыми, а то хозяинъ, или домовой не любятъ покрытыхъ крынокъ.

Чтобы кобыла не жеребилась, хозяинъ запрягаетъ ее въ косулю ранней весной, когда только что сошель снѣгъ, и скотъ еще не выгнали въ поле, выѣзжаетъ на свою полосу, останавливается тамъ и обсѣваетъ лошадь кругомъ, начиная съ морды, овсомъ. Если продѣлать это съ лошадью, которая уже жереба, она непремѣнно скинетъ; обыкновенно же это дѣляется надъ порожними лошадьми. Другое средство съ этой цѣлью состоять въ томъ, что относить борону на гумно или на огородъ и тамъ внутри ея сѣять овесъ. Овесъ этотъ еще зеленымъ скармливаютъ кобылѣ, и до тѣхъ поръ борону нельзя принять съ мѣста. Сверхъ того вѣбы кормятъ соледомъ, ольховыми орѣшками и красной мѣдью, которую соскальзываютъ съ стариннаго пятака и даютъ въ хлѣбъ. Всѣ эти средства противъ того, чтобы лошадь ожеребилась, примѣняются только ранней весной, пока кобыла еще не гуляла въ полѣ съ жерѣбцами, а нето она «принесетъ борону», т.-е., какъ говорятъ крестьяне, сбранить все брюхо, разъ она уже жереба.

При переходѣ въ новый домъ, первымъ во дворъ пускается пѣтухъ, а въ избу кошка. Безъ пѣтуха на дворѣ и скотъ вестись не будетъ, а если и будутъ дойныя коровы, то молоко и масло отъ нихъ получится безвкуснымъ, совершенно «пустымъ». Кошка же первой встрѣтить свое-го хозяина на томъ свѣтѣ.

Съ другой стороны, при переходѣ въ новый домъ ссыплють во дворъ прямо на землю овса или льняного сѣмени, застилаютъ его соломой и потомъ уже ставить ясли. Подъ ясли вкладутъ ломоть чернаго хлѣба съ солью и ставить стаканъ водки; при этомъ произносятъ слова: «Хозяинъ, батюшка, приходи ко мнѣ въ гости хлѣба-соли кушать и мою скотинушку вѣжить». Вино черезъ ночь должно быть выпито, а хлѣбъ съѣдѣнъ домовыимъ. Если послѣдній любить скотину и заплетаетъ у лошадей гриву, ему осенью въ благодарность ставятъ еще вина подъ ясли.

Изъ полевыхъ обрядовъ наиболѣе интереса представляеть *пережинъ поля*, къ сожалѣвію, описаный г. Бестоловскимъ довольно неясно. Происходить онъ въ ночь наканунѣ 24 или 26 июня и совершается надъ озимой рожью. «Лицо, занимающееся пережиномъ, въ 12 ч. ночи должно пережать три поля сосѣднихъ деревень. Для этого пережинчикъ становится у крайняго овна деревни и начинаетъ «пережинать» поле, тонко ведя серпомъ полосу выжига, т.-е. идти и подсѣкаетъ рожь. Путь при этомъ держать наискось, начиная съ крайняго овна, и выходить за край овна другой деревни. Пережиномъ занимаются большою частью тѣ люди, которые сливутъ въ народѣ колдунами, знахарями и т. п.; будто бы, колдунъ или звахарь ничего не можетъ сдѣлать, если онъ не пережинетъ три поля у своихъ сосѣдей. Еще этотъ обычай дѣлается для того, чтобы у сосѣда было меньше ржи, а у того, который пережиналъ поле, болѣе, такъ какъ вся пережатая рожь перейдетъ къ пережинчику. Вѣсто пережинчиковъ сторожащіе крестыяве видѣть иногда большого звѣра или человѣка съ огненными глазами, но въ общемъ за пережинчивами опасаются слѣдить, такъ какъ они могутъ сдѣлать очень много зла. Мельники всегда узнаѣтъ рожь пережинчика, такъ какъ у веязерно съ кончика обкусано или обломано. Данный обычай пользуется очень широкими распространеніемъ, и рѣдкое поле остается не пережатымъ.

Такъ какъ предполагается, что къ пережинчику перейдетъ весь хлѣбъ, сжатый въ первый день, то, во избѣженіе этого, въ каждой деревнѣ нѣсколько дворовъ вакавувѣ условленнаго двя для начала житѣя выходятъ въ поле и тамъ за дальгей полосъ сжинаютъ по 3 споно. День, когда начинаютъ жать, называется «зажиномъ», а послѣдній день житѣя «дожиномъ». Въ дожинѣ угощаются виномъ, чаемъ и кренделями, поздравляютъ другъ друга съ окончаніемъ работы, а послѣдній спонъ есуть въ взбу, ставить въ переднемъ углу за прилавошникъ и сохранять до Покрова. Тогда его раздаютъ понекисту всей скотинѣ, что называется «закармливаніе скота съ осени».

Когда доживаются вровое поле, то оставляютъ небольшую полоску несжатой. Съ нея особо сжинаютъ сдѣль споны, причемъ жница все время приговариваетъ: «два поля дожинши, третье запахавши, отдай да положь». Сжатый овесъ кладется грудками, а послѣдняя кучка колосьевъ прямо вырывается изъ земли и вѣдется за спиву со словами: «живо, мое живо, я тебя жаля, силу теряла, вотъ тебѣ живые, а мнѣ отдай мою силу». Послѣ этого жницы кувыркаются внизъ головой по полю, выражая этимъ радость по случаю окончанія полевыхъ работъ. Сжатый

грудки овса пересчитываются и ври этомъ приговаривается «четъ» и «нечетъ»; если на послѣднюю грудку придется нечетъ, это означаетъ, что кто нибудь въ семье умретъ или выйдетъ замужъ.

Послѣдний день молотьбы называетъ «замолотки» и его тоже празднуютъ угощениемъ, какъ въ дожинъ.

По материаламъ И. В. Костоловскаго.

Толки народа объ урожаѣ, войнѣ и чумѣ.

— Правда ли, что скоро явится антихристъ, что наступаютъ посѣднія времена? — Съ такимъ вопросомъ обратилась ко мнѣ въ началѣ марта и. г. одна изъ знакомыхъ крестьянокъ. — Это кто вамъ сказала? — спросилъ я. — Это говорилъ солдатъ. Онъ читалъ въ газетахъ, что одинъ ученый написалъ объ этомъ даже книжку. А разъ въ вашей газетѣ не было о видѣніи?

— Ничего не было. О какомъ видѣніи вы говорите? — Да о пѣтухѣ, о томъ, что въ настоящемъ году уродить хлѣбъ, а ѿстъ его будеть некому. — Расскажите.

— Въ одной изъ слободъ Курской губерніи, въ полночь, сторожа стали замѣтать въ церкви огонь. Взгнули въ окно, — видѣть, свѣчи въ ставняхъ предъ алтаремъ горятъ, царскія врата растворены, и изъ алтаря выходить одинъ за другимъ три пѣтуха: бѣлый, красный и черный; вышли и стали кричать. Прокричали три раза бѣлый пѣтухъ, за нимъ красный и, наконецъ, черный. Прокричали и ушли въ алтарь, вмѣстѣ съ тѣмы свѣчи потухли, и въ церкви стало темно. Испуганные этимъ видѣніемъ сторожа побѣжали къ священнику и рассказали ему о видѣніи. На другой день явленіе повторилось. Такъ какъ ни священникъ и никто изъ прихожанъ не рѣшался остаться на ночь въ церкви, то обратились въ ближайшій монастырь къ скимнику, который и остался провести ночь въ церкви. Вотъ этому то скимнику, когда пропившіе пѣтухи скрылись въ алтарѣ, вышедший оттуда старикъ (самъ Богъ), объяснилъ значеніе видѣнія, а именно: бѣлый пѣтухъ означаетъ хороший урожай хлѣбовъ, красный — кровопролитную войну съ китаевцами, — приведутъ китайцы, жителей повѣрѣютъ, города и селенія погнутъ. А тѣ изъ русскихъ, которые успѣютъ спастись отъ китайцевъ, помрутъ отъ чумы — это возвѣщаетъ черный пѣтухъ».

П. Ивановъ.

Изъ народныхъ сувѣрій, примѣтъ и обычаевъ Еремѣйцевской волости, Рыбинскаго уѣзда.

Метеніе избы. Народъ нашей мѣстности ни за что не станетъ испытывать вѣрить въ избѣ послѣ заката солнца, хотя бы было много сдру, такъ какъ вѣрить, будто послѣ заката солнца замести можно счастье или привыкъ дона.

Печь. Наши крестьяне съ большими вниманіемъ и уваженіемъ относятся къ своей печкѣ въ домѣ. На печкѣ они отдыхаютъ, грѣются, лѣчатся; старики, собираясь умирать, лѣзутъ на печь и ожидаютъ тамъ конца своей земной жизни. «Задорожка» и та имѣеть значеніе въ обычайной жизни. «Задорожка» это планка, прибитая къ печкѣ съ боковой наружной стороны, однимъ концомъ вѣдѣнная въ стѣну, а другимъ—къ столбу, на которомъ утвѣрждаются полати. Задорожка служить для того, чтобы удобнѣе было взлѣзть на печку или не упасть съ печки. Чтобы не бояться покойниковъ, за задорожку держатся и, подержавшись, плюютъ на верхъ печки. Весьма многіе для этого открываютъ еще заслонъ отъ устья печи, въ открытую печь поглядываютъ недолго и плюнутъ.

Христосовальное яйцо, какъ средство отъ пожара. Первое пасхальное христосовальное яйцо многіе хранятъ на случай пожара. Если поднялся пожаръ, то тѣ, у кого есть такое яйцо, прибѣгаютъ съ нимъ и бросаютъ въ огонь. Вѣрить, что отъ этого перво-христосовального яйца пламень утихасть. Обычай распространенный.

Закладка дома. При закладкѣ дома на углы бревенъ первого ряда кладутъ нѣсколько кусочковъ церковнаго ладану и серебряные монеты: ладанъ—чтобы домовой не шутилъ, а монеты—чтобы богато жить.

Пріобрѣтеніе кошки. Кошка и та въ глазахъ народа служить необходимымъ сотрудникомъ человѣческой семьи. Чтобы завести хорошую кошку, поступаютъ такъ: прежде всего уговорять кого-ниб. продать кошку, но плата за кошку идетъ самая малая, а именно одно куриное яйцо. Даромъ ее никто не возьметъ: иначе кошка, говорить, не будетъ вестись. Когда принесутъ кошку въ домъ въ первый разъ, то поставить ее на печной столѣ, который всегда строится рядомъ съ дымовой трубой въ избѣ.

Если переселяются въ новый домъ, то въ него первая впускается кошка,—это для того, чтобы не умеръ человѣкъ, если бы онъ первымъ вошелъ въ домъ, чтобы, выѣсто человѣка, первая умерла кошка.

Кошку никто не станетъ убивать, такъ какъ вѣрять, что и на томъ свѣтѣ она первая встрѣтить хозяина.

Разводъ куръ. Для развода куръ, особенно хорошей породы, крестьянины никогда не дастъсосѣду яицъ для высиживанія цыплятъ. Иначе, какъ говорить, переведутся всѣ куры. Для развода покупаютъ насѣдку, такъ называемую у насъ «клуху» и сажаютъ ее. О «переводѣ» выражаются, напр., такъ: «Нѣукосе, я дала Оксинѣ яицъ подъ клуху, а она у меня и отвела».

Несение яицъ. У крестьянъ куры часто несутъ яйца по чужими дворы. Такиъ кураны, чтобы они неслись у себя, отригаютъ въ хвостъ нѣсколько перьевъ и перья кладутъ въ ся гнѣздѣ.

Племенная овца. Нашъ крестьянинъ никогда не станетъ покупать себѣ овцу «на племя» у сосѣда, но непремѣнно купить ее у мясника изъ-подъ ножа, т.-е. такую, которую мясникъ долженъ быть зарѣзать. Крестьянинъ при этомъ заранѣе просить мясника пріискать овцу получше, за что платить ему дороже копеекъ на 50 и болѣе. При всемъ этомъ едѣлка сохраняется въ глубокомъ секрѣтѣ какъ со стороны мясника, такъ и со стороны покупателя. Если владѣлецъ овцы узнаетъ, что мясникъ овцу покупаетъ для кого-ниб. на племя, то ни за что не продастъ: продавши ее, онъ продастъ весь «водь» своихъ овецъ.

Если у какого-нибудь хозяина не ведутся овцы, то прибѣгаютъ еще къ другому средству, а именно, покупаютъ у мясника овцу за такъ называемые «овсяные деньги», т.-е. на деньги, вырученныя отъ продажи овса послѣдняго урожая.

Кромѣ того, существуетъ общая примѣта при покупкѣ скота: неважно для хозяина-продавца покупатель старается, уводя вновь-пріобрѣтенню скотину со двора, прихватить небольшую часть навоза, вѣря, что вмѣстѣ съ навозомъ онъ уносить весь «водь» скота у хозяина-продавца.

О приплодѣ у лошадей. Если у крестьянина лошадка «берѣжа» (жерѣба) и ему надо узнать, что принесетъ она—жеребчика или вобыльку, то замѣчаютъ: если во вторую половину беременности она опускаеть брюхо книзу, то принесетъ жеребчика, а если подымаетъ брюхо кверху, то—кобылку. Когда лошадь «скынуетъ» и если будетъ больше правая сторона вымени, то принесетъ жеребчика, а если лѣвая, то—кобылку.

Приводъ скотинъ-новокупки. При покупкѣ скота держатся слѣдующаго обычая.

Когда корову подведутъ къ дому нового хозяина, то послѣдній долженъ встрѣтить новокупку изъ открытаго окна своей избы хлѣбомъ съ солью и скормить его новокупкѣ. Послѣдня называется еще «новолитва» отъ обычая «пить новые литки». Далѣе: когда новокупленную скотину вводятъ во дворъ, то хозяинъ долженъ у подворотни постлать свой поясъ, который самъ всегда носить. Кладется еще и замокъ, которымъ запирается домъ. Новокупка должна черезъ замокъ (или черезъ жѣлѣзо) и поясъ перешагнуть. Замку, и вообще жѣлѣзу, придаютъ волшебную силу: скотину, перешагнувшую черезъ нихъ, никто не уведетъ со двора.

Сломанный коровий рогъ. Если у кого-либо корова сломаетъ рогъ, то непремѣнно надо рогъ найти въ опустить въ свой колодецъ. Это связано съ повѣрьемъ, будто бы отъ сломанного рога убавляется удой скота.

Повѣрья въ разныхъ шишкахъ. Шишко или шишокъ есть нечистая сила. Если забудился кто въ лѣсу, ушелъ надолго изъ дома, то говорить: «Ну, запропастился, вѣроно его шишокъ увелъ». Лѣсовой шишокъ, говорить, принимаетъ на себя видъ сосѣда, товарища, подруги, знакомаго, является въ этомъ видѣ къ человѣку въ лѣсу и заводить его.

Чтобы избавиться отъ шишкы, если онъ завелъ кого въ лѣсъ, дѣлаютъ слѣдующее: выворачиваютъ шубу, которая надѣта на заблудившагося человѣка, еще выворачиваютъ голову, т.-е. рукавицу,—въ такомъ одѣяніи выходить будто бы изъ заклнаго мѣста. Слыхается, что заблудится цѣлая партія въ лѣсу, тогда всѣ должны выворачивать верхнія одѣянія, а бабы выворачиваютъ платья наизнанку. Здѣсь же читаются и молитвы, какія кто знаетъ. Тѣ мѣста, на которыхъ заводить шишко, называются: «нечисто мѣсто». Есть также и свои названія каждому: «Чортово болото», «Кобылья лужа», «Нечистый бочагъ» и т. п.

Близъ г. Углича говорятъ, что лѣсовой, когда станетъ въ лѣсу уходить отъ человѣка, то станетъ расти и выростетъ съ большой соснѣ; здѣсь и догадываются, что это домовой.

Подобно лѣсовому шишку народъ представляетъ себѣ и шишку водяного. Его роль замѣтна больше всего въ семеніяхъ, расположенныхъ по рѣкамъ. Многіе представляютъ его себѣ въ видѣ длинноволосой женщины, которая моется въ большихъ бочагахъ. Многіе, когда ёдутъ вѣнчаться, опоясываютъ себя по голому тѣлу неведомъ, чтобы избавиться отъ шишкы водяного. Если вытащить утопленника, покрытаго синяками, то это значитъ, какъ думаютъ здѣсь, что водяной шишко утопилъ человѣка. Пищей водяного считаютъ рыбу «салимъ».

Въ банѣ тоже есть свой шишокъ, котораго зовутъ «банный шишко». Овъ будто бы живеть въ банѣ подъ полкомъ,—и баня у народа считается нечистой; въ ней даже и святыхъ иконъ не вѣшаютъ.

Есть шишокъ и въ домѣ. Его называютъ еще хозяиномъ домовыхъ; онъ живеть во дворѣ подъ яслими. Во дворѣ онъ даетъ кормъ скоту или гладить скотъ. Онъ всегда имѣть человѣческий видъ хозяина дома, б. ч. уже умершаго, или старшаго въ семье: дѣда, бабушки и т. д. Если кто увидитъ домового хозяина въ образѣ уже умершаго члена семьи, то это—къ благополучию; если же онъ представится въ видѣ живущаго члена семьи, то это призвѣть неблагопріятный: человѣкъ, въ образѣ котораго явился домовой, умреть въ этомъ году. Самое явленіе это, говорятъ, съ того уже свѣта. Хорошее дѣйствіе въ домѣ приписывается жалѣзу. Не говоря уже о подковѣ у дверей, весьма многіе вообще имѣютъ себѣ жалѣзо, какъ противодѣйствіе худому.

Дорога домового. Дорога домового, по понятію народа, существуетъ во всякомъ мѣстѣ, гдѣ бы онъ ни находился: въ избѣ, въ амбарѣ, въ банѣ и т. д. Въ избѣ, напр., никто не ложеть ва пути въ дверяхъ, какъ бы ни тѣсно было въ избѣ; не ложеть и посреди избы, суетѣрно опасаясь загородить дорогу домовому, хозяину, который по ночамъ осматриваетъ хозяйство. Вѣрять, что домовой можетъ напустить хворь на человѣка, который ложеть ему на пути. «Нуко, кормилица», говорила одна крестьянка другой: «ономий я ночевала у свахи да и легла на дорогѣ, а домовой ночью хворь несъ да на мнѣ и оставилъ,—вотъ все и хворю». Спать ложатся всегда головами къ передней стѣнѣ, гдѣ иконы, никогда никто не станетъ ложиться къ переднему углу ногами. Говорятъ, что только покойниковъ ставить ногами впередъ и то въ церкви. «Въ

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНІЕ.

избѣ умершихъ кладутъ къ переднему углу, къ образамъ головами; вывесить ногами впередь.

Синяки „Намноемъ“. «Намноемъ» зовется у насъ нечистая сила, которая приходитъ къ человѣку, когда тотъ спитъ. Намной дѣлаетъ человѣку во время его сна синяки на тѣлѣ; если синяки эти будутъ болѣть, то значить—къ худу; если—нѣть, то все пройдетъ благополучно. Въ Угличскомъ уѣзда говорить прямо: «ночью меня домовой (а не намной) исципаль».

Наваливаніе „стѣни.“ Подъ «стѣнію» народъ разумѣеть нечистую силу и ея боится. Когда человѣкъ спитъ и на него навалится стѣнь, станетъ давить спящаго, то послѣдній долженъ непремѣнно спросить у стѣни: «къ добру или къ худу?». —Стѣнь будто бы дастъ отвѣтъ человѣку: «къ добру» или «къ худу».

Вѣтеръ-крышешникъ. Вѣтеръ, вихрь, особенно весною, поднимается съ такою силою, что срываетъ все по пути, даже крыши зданій: амбаровъ, избѣ и т. д. Крышъ много изъ соломы. Этотъ вѣтеръ называется «вѣтеръ-крышешникъ». Вѣрять, что въ этомъ вихрѣ переносится нечистая сила съ мѣста на мѣсто; поэтому всѣ крестятся во время вихря, а нечистаго въ немъ зовутъ еще «дѣдушка безрукой»; «дѣдушка безрукой» пошелъ, говорить, ломать крыши».

Предельники весны. Когда наканунѣ весны снѣгъ еще лежитъ и не показались проталины, но уже прилетѣть жаворонки и запоютъ сверху, то это самый вѣрный признакъ, что скоро откроется весна; на трети сутки будетъ водополь.

Весенний ледоходъ. Жители береговыхъ приволжскихъ деревень утверждаютъ, будто ледь на Волгѣ всегда проходитъ въ концѣ того времени, когда долгота дня равна 14 часамъ, а долгота ночи 10 часамъ, а также при наступлении 15-го часа долготы дня. Счетъ часовъ ведутъ по псалтыри, гдѣ подъ седьмымъ числомъ мѣсяца апрѣля говорится, что «день имать часовъ 14, а ночь 10».

Жители береговыхъ селеній говорить также: «ледь не пойдетъ, если на рѣкѣ не утонетъ весною 12 человѣкъ». Повѣrie это далеко протянулось вдоль Волги: около Калинина, Углича, Мышикина, Мологи, Рыбинска и Ярославля.

Сюда же относится и народная поговорка: «Родившъ—ледоломъ, а Аистиша—водополь».

Весенняя примѣта о грибахъ. Когда стаетъ на поляхъ снѣгъ и въ западинкахъ, гдѣ лежатъ снѣгъ, образуется пысень, то это признаютъ за вѣрный признакъ большого урожая грибовъ лѣтомъ.

Примѣта о первомъ громѣ. Заквакливаніе лягушекъ весною признается за вѣрный признакъ, что уже былъ весною громъ, хотя бы его и не слыхали никто: безъ грома онъ, говорить, не заквакиваютъ весною.

О хорошей погодѣ. Стѣлющіяся по землѣ тенета (паутина), говорятъ, вѣрный признакъ къ хорошей погодѣ, къ теплой и продолжительной.

Къ литературѣ „Сна Богородицы“.

Ив. Вас. Костоловскимъ изъ Рыбинскаго уѣзда присланъ въ Этнографический Отдѣлъ рукописный «Сонъ Богородицы»; при этомъ г. Костоловский указываетъ, что съ этимъ «Сномъ» въ ихъ мѣстности всѣ вѣняются, всѣ въ него вѣруютъ, читаютъ его у постели умирающихъ.

Критика и библіографія.

Къ отолѣтнему юбилею присоединенія Грузіи къ Россії. (Библіографическая замѣтка).

Ровно сто лѣтъ тому назадъ, въ 1801-мъ году, Грузія была присоединена къ Россіи. Трудно себѣ представить жизнь болѣе печальную и болѣе богатую кровавыми событиями, чѣмъ жизнь небольшой гористой грузинской народъ, на долю которого всегда выпадали первые, наиболѣе сильные удары дикихъ, суровыхъ племенъ Азіи, не признававшихъ въ борьбѣ съ противникомъ никакихъ границъ своей жестокости; трудно себѣ представить условія исторического развитія болѣе неблагопріятныя, чѣмъ тѣ условія, въ какія была поставлена Грузія: она нѣсколько разъ теряла свою политическую свободу и всю жизнь бородась за вѣру; цѣлые годы у ней часто уходили на то, чтобы возстановить свои развалины и изъ груды пепла снова создать на тѣхъ же мѣстахъ города и деревни,— и все таки въ этихъ трудахъ и условіяхъ жизни она до послѣднихъ дней не утратила своего національного типа, не лишилась своей культурной своеобразности. Въ настоящее время Грузія продолжаетъ свое развитіе въ томъ же направлѣніи, въ какомъ она шла и сто лѣтъ тому назадъ. Мѣняются только воздействиющіе культурные факторы, рамки же ихъ воздействиія, основы, такъ сказать, культурного развитія народа, осложняясь по мѣрѣ общаго хода развитія въ качественномъ отношеніи, сообразно съ силой и характеромъ воздействиющаго фактора, и теперь остаются тѣми же. Грузія при византійской влияніи и Грузія при совершившемъ новомъ по своему характеру западно-европейской влияніи, черезъ посредство Россіи, въ основахъ своего развитія остается все же Грузіей, прикрывая свою физіономію различной вуалью, то византійскаго, то западно-европейскаго издѣлія. Воздѣйствующій въ извѣстный моментъ историческаго развитія варода культурный факторъ оставляется на немъ свой осадокъ, а идущій ему на смѣну другой вѣздѣль, такъ или иначе воспринявшись въ себя то, что было сдѣлано его предшественникомъ, къ прежней суммѣ прибавляется и кое-что свое новое. Такимъ образомъ, осложняясь въ качественномъ отношеніи, основа развитія народа—его физический и нравственный типъ, созданный условіями историческаго развитія въ данной

мѣстности,—превращается въ культурно-исторический типъ, который со-
ставляется изъ основы развитія народа плюсъ извѣстная надъ нею над-
стройка, созданная временемъ исторической жизни народа. Раскрыть про-
цессъ взаимодѣйствія различныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ
культурного типа въ связи съ общимъ ходомъ событий исторической
жизни народа—это интереснейшая задача, рѣшеніе которой представ-
ляется историку Грузіи. Въ исторіи Грузіи намѣченные нами элементы
развитія выступаютъ, кажется, особенно рѣзко, опредѣленно и законченно,
и это обстоятельство еще болѣе увеличиваетъ ея интересъ для читателя.

Какъ о Грузіи, такъ о ея исторіи, о народѣ грузинскомъ русское
общество вѣдѣть очень мало свѣдѣній. Примѣтесѣйшая исторія по-
литического и общественного развитія Грузіи—это, какъ мы сказали,
упорная борьба ся за свою политическую и религіозную свободу съ на-
родами сосѣдней Азіи, богатѣйшіе памятники древней письменности и
искусства, современная литература и языки — все это въ большинствѣ
случаевъ остается почти невѣдѣмымъ для русского читателя, не говоря
уже о томъ, что мы, русскіе читатели, почти ничего не знаемъ даже о
такомъ изслѣдователѣ исторіи и языка Грузіи, какъ, напр., нашъ
академикъ Марій Броссе, приглашенній въ Россію изъ Парижа въ 1837 г.
и въ теченіе болѣе сорока лѣтъ поработавшій надъ изданіемъ, коменти-
рованіемъ и переводами грузинскихъ историко-географическихъ и лите-
ратурныхъ памятниковъ.

Чѣмъ объясняется такое невниманіе? Дальностью ли разстоянія, отсут-
ствиемъ ли свѣдѣющихъ явъ, недостаткомъ ли энергіи и исторической
любознательности въ туземномъ населеніи, которое, казалось, всячески
должно было бы содѣйствовать наиболѣе широкому распространенію въ
русскомъ обществѣ знаній о своей родинѣ?

Съ 1900 года при Московскому университѣтѣ открыта кафедра гру-
зинского языка. Раньше у насъ такая уже существовала на факультетѣ
восточныхъ языковъ въ С.-Петербургскомъ унив. и въ Москвѣ въ Лазарев-
скомъ институтѣ восточныхъ языковъ. Вѣдѣть съ открытиемъ новаго
курса грузинологіи въ Московскому университѣтѣ, можно надѣяться, зна-
чительно расширяется и наши свѣдѣнія по исторіи Грузіи, а вѣдѣть съ
тѣмъ откроется возможность и болѣе широкому кругу общества знакомиться
съ тѣми вопросами по изученію языка, исторіи и этнографіи, которые
до сихъ поръ, будучи тѣсно связанны съ исторіей Грузіи, составляли
предметъ изученія только небольшого круга любителей и специалистовъ.

Въ самое послѣднее время ознакомленію болѣе широкихъ круговъ
русского общества съ исторіей и литературой Грузіи въ значительной
мерѣ содѣйствовалъ своимъ работамъ проф. Лазаревскаго института и
прив.-юц. Московскаго универс. А. С. Хахановъ. По случаю столѣтія
со дня присоединенія Грузіи къ Россіи онъ помѣстилъ въ различныхъ
периодическихъ изданіяхъ цѣлый рядъ весьма интересныхъ статей по
исторіи, языку, отчасти и литературѣ Грузіи. Такъ, напр., въ журнальѣ
«Кавказск. Вѣст.» за 1901 г., № 2, была напечатана его вступительная
лекція, читанная имъ въ Московскому унив. 16-го сент. 1900 г., —

«Грузинология среди предметов историко-филологич. факультета», въ которой авторъ въ общихъ чертахъ знакомить читателя съ исторіей изученія грузинскаго языка на Западѣ и въ Россіи, затрагиваетъ вопросъ о мѣстѣ грузинскаго языка среди другихъ языковъ, остановившись на миѳніахъ по этому поводу Боппа, Броссе, Макса Мюллера, вѣнскаго проф. Фридриха Мюллера, проф. университета въ Грацѣ Гуго Шухардта, говорить о грузинской азбукѣ и приходитъ гипотезу краковскаго профессора Абихта о заимствованіи ея. Кирилломъ буки славянской азбуки изъ грузинского алфавита черезъ посредство грузинъ-илюковъ аеонскихъ обителей; здесь же авторъ даетъ, наконецъ, общую характеристику культурнаго и историко-литературнаго развитія Грузіи и связы съ краткимъ обзоромъ различныхъ вліяній, которыхъ переживалъ грузинский народъ въ различные эпохи своей исторіи.

Въ Юбилейномъ Сборнике, изданномъ въ честь Всев. Ф. Миллера еще въ 1900 г., тотъ же авторъ помѣстилъ статью — «Нѣкоторыя черты строя и культуры древней Грузіи по даннымъ археологии и этнографіи». Въ этой статьѣ проф. Хахановъ говоритъ о древнѣйшемъ мѣстѣ родины грузинъ, о заселеніи ими канказской территории, о родовомъ складѣ общественной жизни, родовыхъ отношеніяхъ у древнихъ грузинъ по даннымъ грузинской лѣтописи «Картлисъ-Цховреба» и по Страбону. о родоначальникахъ — Картлосѣ Мцхетосѣ и Упльбѣ, о почитавшемъ душъ умершихъ предковъ, о разселеніи древнихъ грузинъ и ихъ торговыхъ отношеніяхъ.

Въ первой кн. «Русск. Мысли» за 1901 годъ тѣмъ же авторомъ напечатана статья — «Къ столѣтію присоединенія Грузіи къ Россіи» (Юридические акты), въ которой онъ опять затрагиваетъ вопросъ о предкахъ древнѣйшихъ грузинъ и извѣстіяхъ о нихъ и ихъ странѣ у библейскихъ пророковъ Моисея и Іезекіиля, у римлянъ и грековъ, говорить о роли древней Грузіи въ торговомъ отношеніи среди различныхъ народовъ Востока, о главныхъ моментахъ исторіи объединенія Грузіи и развитія ея политического могущества, начиная со временемъ Фарнаваза (въ III и. до Р. Хр.) и кончая эпохой Ираклія II (род. въ 1721 г.), и въ связи съ развитіемъ дипломатическихъ сношеній между русскимъ правительствомъ и грузинскими царями. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ приводить весьма интересные трактаты 24-го июля 1783 г. и 23 ноября 1799 г. а также и иѣкоторые другие юридические акты, касающіеся послѣдніхъ дней жизни Грузинского царства, и говорить о ихъ вліяніи на общественную и политическую жизнь грузинского народа.

Въ первой же книжѣ «Вѣстника Европы» за 1901 г. имъ помѣщена статья: «Столѣтнія годовщина присоединенія Грузіи къ Россіи». Эта статья отличается наибольшей полнотой, и въ ней даны указания на литературу по исторіи Грузіи.

Интересную замѣтку о Грузіи по тому же поводу А. С. Хахановъ помѣстилъ и въ «Русскихъ Вѣд.» (январь 1901 г.). Наконецъ, въ журналѣ «Вѣстникъ всемірной исторіи» за 1901 г. № 2 напечатана имъ статья — «Прошлое Грузіи», представляющая краткій очеркъ исторіи Грузіи и по характеру своего изложенія очень близко подходящая къ болѣе

полной его же работѣ, изданной отдельною книгою на французскомъ языке—«*Histoire de Géorgie, publiée sous la direction de M. Raphaël Isarloff. Aperçu géographique et abrégé de l' Histoire et de la Litterature géorgiennes*». Раг М. А. Khakhanoff. Paris—Tiflis 1900 г.

Напомнимъ читателю аналогичную работу проф. А. Цагарели въ «Энциклопедии Брокгауза и Ефрона». т. IX-а, стр. 795—«Грузія», а также вступительную статью къ изданию—«*Georgische Dichter. Uebersetzt von Arthur Leist* Dresden. u Leipzig 1900 г.

«*Histoire de Géorgie*» какъ читаемъ въ предисловіи, была издана для болѣе близкаго ознакомленія посвѣтителей кавказскаго отряда на Парижской Всем. выставкѣ 1900 г. не только съ географическими положеніемъ Грузіи и ея естественными богатствами, но также и съ ея исторіей, болѣгой событиями геройскаго патріотизма и замѣчательными фактами культурынаго развитія. Издание снабжено цѣлымъ рядомъ снимковъ съ различныхъ видовъ Грузіи, съ портретовъ извѣстныхъ дѣятелей грузинской исторіи и литературы, а также снимками съ памятниковъ древне-грузинской церковной архитектуры и скульптуры «съ цѣлью дать читателю наглядное представление о декоративномъ искусстве и древнемъ орнаментѣ въ Грузіи». Въ составъ содержанія книги входитъ слѣдующія отдельныя части: 1. Географический очеркъ Грузіи (7—10 стр.); 2. Начало грузинского царства и первые его цари (13—15); 3. Введение Христіанства и первые его успѣхи въ Грузіи (16—24); 4. Очеркъ исторіи Грузіи съ IV-го до конца VI-го вѣка (25—33); 5. Грузія подъ арабскійъ владычествомъ и династія Багратидовъ (34—37); 6. Очеркъ исторіи Грузіи съ IX-го по XII ст. Давидъ Возобновитель (38—46); 7. Вѣкъ Тамары (1184—1212). (47—53); 8. Очеркъ исторіи Грузіи въ эпоху ея раздробленія на нѣсколько независимыхъ государствъ (54—65); 9. Царь Вахтангъ VI (66—74); 10. Очеркъ сношений Грузіи съ Россіей. XVI—XVIII стол. (77—84); 11. Грузинская литература (85—112).

Полный обзоръ исторіи грузинской литературы данъ А. С. Хахановымъ въ его капитальномъ трудѣ: «*Очерки по исторіи грузинской словесности*. Выпуски I. II. III (въ общемъ—болѣе 1000 стр.). Москва 1895, 1897, 1901 г.

Не смотря на конспективность изложенія, «Исторія Грузіи» проф. А. Хаханова, останавливая вниманіе читателя на политическомъ состояніи и условіяхъ культурнаго развитія народа въ отдельные эпохи его историческаго существованія, въ общемъ своемъ изложеніи даетъ ясную картину исторіи Грузіи, начиная съ древнѣйшихъ временъ ея существованія и кончая обзоромъ ея ближайшихъ къ намъ современныхъ литературныхъ дѣятелей. Исторія Грузіи, говорить проф. Хахановъ, «это рядъ превратностей, которые пришлось пережить народу. Огонь и мечъ сдѣлались самыми обыкновенными, вполнѣ нормальными явленіемъ въ его жизни. Можно только удивляться тому, какъ эта горсть людей среди раздоровъ и беспорядковъ, среди набѣговъ различныхъ народовъ сохранила не только свою национальную индивидуальность, но и свою вѣру, свою литературу и свѣтлый языкъ. Послѣ столькихъ тяжкихъ потрясений, отъ которыхъ пер-

жаль могущественных наций древняго міра. Съ весьма оригинальнымъ образомъ своего правлениі въ своеобразной феодальной организацией, безъ какой бы то ни было поддержки и содѣйствія, съ рѣдкими проблемами славы и могущества овь дожилъ до начала XIX ст. и на порогѣ его сломилъ свое оружіе предъ единовѣрными государствомъ, вручивъ его великодушію своимъ судьбамъ для того, чтобы, обеспеченный возможностью преуспѣвать въ мирномъ благоденствіи для своего интеллектуального развитія, онъ могъ стать причастнымъ европейской цивилизациі».

Интересные вопросы, связанные съ исторіей Грузіи, любопытные факты и события культурно-исторического развитія ея народа, общедоступное изложеніе, легкость языка — все это дѣлаетъ «Исторію Грузіи» проф. Хаханова весьма полезною и вполнѣ подходящую книгою для общаго ознакомленія съ географіей, исторіей, языкомъ и литературой Грузіи.

Н. Державинъ.

И. Стешенко. Пoэзия И. П. Котляревского. (Къ столътнemu юбилею его Энейды). 1. Котляревский и Осиповъ. 2. Котляревский въ свѣтѣ критики. Киевъ. 1898. Стр. 1—232.

Произведенія т. и. творца новой малорусской литературы И. П. Котляревского имѣютъ такое важное этнографическое значеніе, что вполнѣ умѣстно поговорить на страницахъ «Этнографическаго Обозрѣнія» о книгѣ г. Стешенка. Общая мысль первой части труда г. Стешенка, иссяющей заглавіе: «Котляревский и Осиповъ», вкратцѣ заключается вотъ въ чёмъ. Форма переведованной малорусской Энейды Котляревского вполнѣ склонна съ формою переведованной русской Энейды Осипова какъ по стихотворному размѣру, такъ и по построению строфъ; по содержанию же ивоги строфы обѣихъ Энейдъ, малорусской и русской, совпадаютъ довольно близко, а иные — почти буквально; но такъ какъ Энейда Осипова вышла въ 1791 году, а Энейда Котляревского ужъ въ 1798 году, то надо заключить, что подражалъ Котляревский Осипову, а не Осиповъ Котляревскому. Справедливость этого заключенія подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ обѣихъ Энейдахъ есть мѣста, вполнѣ склонны съ болѣе ранней пародической Энейдой Блумаузера (1784), написанной на нѣмецкомъ языке, котораго Котляревский, по свидѣтельству бiографовъ, не зналъ; совпаденія Котляревского съ Блумаузеромъ могутъ объясняться, значитъ, только тѣмъ, что Блумаузеромъ пользовался Осиповъ, а Осиповымъ Котляревский. Достаточно было бы страницъ даже четырехъ, чтобы вполнѣ научно мотивировать эти положенія; но г. Стешенко счѣлъ нужнымъ произвести это на 82 страницахъ довольно мелкой печати. Такой большой объемъ происходитъ не столько отъ обстоятельности въ дѣлѣ изслѣдованія, сколько отъ vagromожденія ненужныхъ сырыхъ материаловъ, отъ частыхъ повтореній одной и той же мысли и отъ наклонности опровергать такія догадки, которыхъ сдавали могли кому-нибудь прійти въ голову. Взглянемъ для образца на стр. 34—37, гдѣ у г. Стешенка приведены параллельные выписки изъ Энейды Котляревского и Энейды Осипова и гдѣ въ числѣ параллелей есть, впринѣръ, такія:

Котляр.:

А потім смерть до артикулу
Ім oddala косою честь,
На перед стоя калавуру,
Який у її мосці есть.

Предсказанія Сивиллы:

Котляр.:

Борщів як три не подевикуш,
На моторошні засердчить.
І зараз тяглом закишикуш,
І в буркоті закенідощить.
Коли ж що вапхом з'язикаш
І в тереб добре зжинотаеш,
То ва веселі запутрить.

Осиповъ:

Потомъ иль смерть косой своюю
Отбрякауда по свойски честь,
Ведя толпами за собою
Все, что у ней въ командѣ есть.

Осиповъ:

Какъ їдки трои не посущишь,
Такъ на тошнѣ вживотить.
На всемъ нытьѣ ты пожелудчишь
И на ворчалѣ забрюшитъ.
А если позубить жевало,
Не засердчитъ ужъ тосковало,
И все уйдило прочь спрутить.

Описание благородной женской красоты:

Котляр.:

Таке дівча—кусочок ласкій:
Заславниши, як глянеш раз...
Що ваші греческіи ковбаси!
Що наші первак грушевий квас!
Завійниця од неї вхопить,
На голову насаде клоціт,
А може тьохне і не там:
Поставити рогом ясні очі,
Що ве доспіши Петрівської ночі,—
Те по собі я знаю сам.

Осиповъ:

На лакомый такой кусочекъ
И нехотя разинешь ротъ:
Зачешется, небось, усочекъ,
И мигомъ подведеть животъ...
Развѣшишь отъ зѣванья юноши,
Покинутся на губѣ слюни,
И поневолѣ дромъ пройметъ;
Заекаетъ, какъ отъ испуга,
Сердичшко, будто отъ матуга.
Ничто на умъ ужъ не пойдетъ!

Окончивши вту послѣднюю порнографическую выписку, г. Стешенко говоритъ: «Прежде всего напрашивается обычный въ такихъ случаяхъ вопросъ: не является ли близость между обѣими передѣлками именно потому, что авторы одинаково пользовались общимъ первоисточникомъ—Энейдой *Вергилия?* Но небольшая доза сообразительности (даже очень небольшая! А. К.) и, кроме того, самое сравненіе общихъ мѣстъ славянскихъ передѣлокъ съ римскими ихъ оригиналами даетъ на упомянутый вопросъ чисто отрицательный отвѣтъ» (стр. 34). Высказавши свою увѣренность, чѣмъ небольшая доза сообразительности избавить читателя отъ мысли искать у Вергилия военныхъ артикуловъ смерти, шутовского языка Сивиллы и скабрезныхъ описаній дѣственной красоты, г. Стешенко все-таки посвящаетъ затѣмъ стр. 34—37 доказательствамъ, что серіозный характеръ Вергилиевой национальной поэмы не допускаетъ сатирическаго, насмѣшиліаго отношенія къ национальнымъ богамъ и героямъ, и что Вергилий не могъ же писать самъ на себя пародію. Для какихъ дикарей-читателей предназначено это обстоятельное разясненіе, не понятно. Во всякомъ случаѣ, оно совершенно напрасно занимаетъ не мало мѣста въ книжѣ Стешенка, который, занявши сличеніемъ чисто вицѣнной стороны разныхъ Энейдъ, упустилъ изъ виду сличеніе ихъ внутренняго родства или неродства, т.-е. выясненіе самостоятельности

Котляревского. Правда, г. Стешенко много разъ повторяетъ, что малорусская Энейда Котляревского, несмотря на свою подражательность русской Энейдѣ Осипова, есть произведение вполнѣ самостоятельное, потому что отличается талантомъ и юморомъ, котораго нѣтъ у Осипова. Но *за чѣмъ же, собственно, видѣть металантъ Осипова и самостоятельный талантъ Котляревскаго?* Отъ литературного изслѣдованія, озаглавленнаго «Котляревский и Осиповъ» и трактующаго о независимости новой малорусской литературы, мы вправѣ ждать отвѣта прежде всего на *этотъ* вопросъ. Въ трудахъ П. И. Жицкаго «Энейда Котляревскаго» (вышедшемъ уже послѣ появления въ свѣтѣ книги г. Стешенка) показано фактически, осознательно и обстоятельно, какимъ образомъ Котляревский влагалъ юморъ и талантъ въ передѣлку бездарного сочиненія Осипова. У г. Стешенка этотъ самый существенный пунктъ совершенно не выясненъ, хотя въ то же время изслѣдователь, какъ видимъ, считалъ нужнымъ удѣлить время излишнему и несущественному опроверженію мнѣній тѣхъ воображаемыхъ читателей, которые вздумаютъ искать Сивиллу-шутовку у Вергилия.

Совершенно иначе написана г. Стешенкомъ первая часть второго отдѣла его книги, озаглавленнаго: «Котляревский въ свѣтѣ критики». Изслѣдователь тщательно ознакомился со всѣмъ, что когда-либо писано было о Котляревскомъ съ 1816-го года, не исключая даже самыхъ мелкихъ замѣтокъ и случайныхъ, попутныхъ упоминаний въ одну-две строки. Хронологическому обзорѣнію и подробному изложенію всѣхъ свѣдѣній и отзывовъ о Котляревскомъ посвящены стр. 83—151 его книги, т.-е. болѣе трети. Помнится, гдѣ-то въ печати было недавно указано, что г. Стешенко долженъ былъ употребить на свой трудъ болѣе года, и этому повѣрить можно, такъ-какъ ему приходилось усердно рыться во всякихъ старинныхъ изданіяхъ, рѣдкихъ и малодоступныхъ,—напримѣръ, въ провинциальныхъ газетахъ. Тѣ отзывы и мнѣнія о Котляревскомъ, которые носятъ характеръ, благопріятный для него, г. Стешенко только излагаетъ, а неблагопріятные сопровождаются небольшими полемическими замѣчаніями. Такимъ образомъ, кропотливый трудъ его совершенно ясно показываетъ эволюцію взглядовъ общества (и обыкновенной читающей публики, и ученыхъ историковъ литературы) на дѣятельность Котляревского.

Сдѣлавши обзоръ чужихъ воззрѣній, г. Стешенко старается подвести имъ резюме и, ужъ отъ себя, окончательно опредѣлить историческое значеніе литературной дѣятельности Котляревскаго и эстетическая достоинства его произведеній: «Перелицьованої Энейды», «Оды до князя Куракина», «Наташки-Полтавки» и «Мосваля-Чарівника». Этотъ отдѣлъ (стр. 151—200)—самая слабая часть въ изслѣдованіи г. Стешенка. Требуется, напримѣръ, прежде всего рѣшить вопросъ, была ли пародированная Энейда Котляревскаго, панегирическая «Ода до князя Куракина» и прочія его произведенія достойны, национальны проявленіемъ малорусского духа, или же, какъ утверждалъ Кулишъ, это была антинациональная балаганщина, пред назначенная для потѣхи обрусьныхъ пановъ, насчетъ простого народа, и крайне обидная для малорусского національнаго самосознанія.

Единственнымъ способомъ решить этотъ вопросъ фактически, а не априорно, было бы научное сличеніе произведеній Котляревскаго съ цѣлымъ рядомъ произведеній малорусской литературы XVIII вѣка. Такое сличеніе (теперь уже произведеніе П. И. Жиццева¹⁾) выяснило бы тѣсную, органическую, генетическую связь Котляревскаго съ прежней малорусской литературой, показало бы, что перелицованныя Энейды является больше всего прямымъ продолженіемъ литературы «даків-пиворізів», а драматическая произведенія Котляревскаго, въ частности,—преемственныемъ продолженіемъ малорусскихъ интерлюдій, что, однимъ словомъ, по выражению Жиццева—«корни Энейды лежать въ ее прошломъ». Разъ это выяснено, то ужъ излишнимъ дѣлается самыи вопросъ, патріотомъ ли былъ Котляревскій или венатріотомъ. Необходимость такихъ историческихъ изслѣдований сознаетъ самъ г. Стешенко, и въ заключительномъ отданіи своей книги овь настойчиво утверждается, что сочиненія Котляревскаго—преемственное продолженіе малорусской литературы XVIII столѣтія, во какъ и въ чёмъ видна эта преемственность—этотъ вопросъ г. Стешенкомъ не выясняется; научныхъ изслѣдований и сличеній въ области старинной малорусской литературы г. Стешевко не предпринимается, и такимъ образомъ для доказательства национальной серіозности перелицованный Энейды у него остаются преимущественно априорные соображенія о малорусскомъ патріотизмѣ Котляревскаго, которыхъ, конечно, всегда есть возможность оспаривать. Приведу наиболѣе характерныи мѣста изъ стр. 152—154: «У Осипова, автора русской перелицованный Энейды, было цѣлью дать карикатурное изображеніе приключеній Энея, способное потешить публику¹⁾ насчетъ представителей классического міра. Для достижения своей цѣли Осиповъ поставилъ послѣдній въ великорусскую обстановку. Прочитавъ русскую Энейду, Котляревскій, въ противоположность ей, закотѣлъ создать Энейду украинскую, захотѣлъ облечь боговъ и героевъ ея въ народно-национальныи одѣжды. Чему же приписать появление национальной²⁾ формы послѣдней? Котляревскимъ въ данномъ случаѣ руководила народная гордость». Даѣтъ г. Стешенко сообщество, что у многихъ малоруссовъ конца прошлаго вѣка действительно была национальная гордость. Но вѣдь отсюда еще не слѣдуетъ обязательно, что она поэтому должна быть и у творца потѣшной «Энейды», а все предыдущее априорное разсужденіе г. Стешенка прямо-таки несостоитъ. Въ самомъ дѣлѣ: кто, подобно Кудашу, будетъ утверждать, что Котляревскимъ руководило только антинациональное желаніе помѣщаться вадь простымъ малорусскимъ народомъ, тотъ всегда можетъ возразить, что примененіе Котляревскимъ малорусского языка и малорусской обстановки для цѣлей смѣхоторвыхъ, перенесеніе боговъ и героевъ въ малорусскія хаты въ вложenie въ вѣхъ уста мужицкаго языка малорусского въ качествѣ высшей комической ненормальности, способной вызвать сугубый смѣхъ, служить самымъ сильнымъ доказательствомъ варочитаго презрѣнія къ

¹⁾ Курсивъ мой.

²⁾ Т.-е. малорусской.

этому языку. Только историческое изучение малорусской литературы XVIII в. может снять съ Котляревского укоры въ его антинародности, во, какъ я уже съ сожалѣніемъ отмѣтилъ, такого-то изученія у г. Стешевка почти къ вѣтъ.

Нежеланіе осматриваться на старинную малорусскую литературу вредно отразилось у г. Стешевка иногда даже въ области чисто-литературного пониманія произведеній Котляревского. Такъ, по поводу пѣсни Вознаго: «От юныхъ лѣтъ» г. Стешенко замѣчаетъ, что она написана по-русски (стр. 188). Но г. Стешенко не высказалъ бы такого мнѣнія, если бы обратилъ вниманіе на другую пѣсню, вложенную въ уста того же Вознаго: «Всякому городу свой нравъ и права». Пѣсня эта (какъ г. Стешенко несомнѣнно знаетъ) — сочиненіе не Котляревского, а вароднаго украинскаго философа — Сквороды. Рѣчь ея — книжное семинарско-малорусское языкіе; вотъ такъ же и пѣсня «Отъ юныхъ лѣтъ не знать и любовь» (читается «Отъ юныхъ лѣтъ не зналъ и любовь») составлена не на русскомъ языкѣ, а на томъ же языкѣ, характерномъ для круга полтавцевъ Сквороды. Въ другихъ отношеніяхъ литературная критика г. Стешевка обыкновенно бываетъ справедлива, хотя страдаетъ по временамъ чрезиѣрной дисцирбичностью. «Энейда» Котляревского, говорить онъ, напоминаетъ намъ больше всего «Мертвыхъ Душъ» Гоголя, съ которыми наша пародія иѣть много общаго, именно въ изображеніи типовъ: произведенія обоихъ украинцевъ представляютъ дѣйствительныя эпопеи украинской вѣціи; только наша поэма далеко шире русской и по замыслу, и по исполненію» (стр. 160). Оставляя въ сторонѣ вопросъ, почему великорусский «Мертвые Души» должны быть эпопеей именно украинской націи, отмѣтиль только чудовищное преувеличеніе послѣднихъ словъ, напечатанныхъ у насъ курсивомъ. «Мертвые Души» Гоголя можно перечитывать каждый годъ, — и каждый годъ съ новымъ увлекательнымъ интересомъ: начавши читать «Мертвые Души», не хочешь оторваться отъ многократно читанной книги, пока не дочитаешь ея до конца; между тѣмъ, для чтенія Энейды Котляревского во второй разъ, а особенно для чтенія подъ-рядъ — требуется извѣстная доза храбрости: первыи пѣсни еще читаются съ интересомъ, но чѣмъ дальше — тѣмъ интересъ ослабѣваетъ, однообразіе начинаетъ прѣдаться, грубый шаржъ отталкиваетъ отъ себя, и чтеніе (если оно вызвано не какими-нибудь специальными научными цѣлями) дѣлается прямо утомительнымъ. Не даромъ поэтому и Минскій (вообще, отнесшійся къ Котляревскому сочувственно) печатно заявилъ, что вторая половина Перелицованной Энейды — менѣе талантлива, чѣмъ первая¹), а Данилевскій, въ своей статьѣ о Квиткѣ, высказалъ еще болѣе откровенное мнѣніе, что «въ Энейдѣ заключается поридочная частица сноторности и воды»²). А ужъ если сопоставлять у автора «Перелицованной Энейды» и автора «Мертвыхъ Душъ» смѣю ихъ юморъ, то не лучше напоминать тоже извѣстный г. Стешенку (стр. 101) слова проф. А. Котляревскаго, несомнѣмъ-

¹⁾ Новъ, 1884, № 4.

²⁾ Въ своемъ сборнике: Українська Старина, 1886, стр. 198.

шаго малорусса-патріота: «Малороссіянинъ и теперь не безъ удовольствія прочтеть Эненду Котляревскаго и посмѣхся вдоволь, да не тѣмъ смѣхомъ, которымъ смысли мы при чтеніи свѣжихъ произведеній Гоголя». — Пусть даже считаются всякия такія мнѣнія субъективными, — г. Стешенко ничѣмъ ихъ не опровергъ и противопоставляетъ имъ только свое субъективное же мнѣніе, что по таланту Котляревскій выше Гоголя. Меньшее, но все-таки еще звачательное преувеличеніе является у г. Стешенка въ его напрасныхъ стараніяхъ доказать художественность посредственного водевиля: «Москаль-Чарівникъ». Кулишъ (нашедшій въ этои пункѣ множество послѣдователей для своего мнѣнія) совершилъ справедливо и притомъ доказательно, въ томъ числѣ путемъ сопоставленій съ «Простакомъ» Гоголя-отца, отмѣтилъ неестественность и натянутость типовъ и положений въ названномъ водевилѣ Котляревскаго. Г. Стешенко не соглашается съ Кулишомъ, но ничѣмъ опровергнуть его не можетъ, и всѣ опроверженія его сводятся въ сущности къ простому отрицанію воззрѣй Кулиша: по заявлѣніямъ г. Стешенка, типы водевиля «Москаль-Чарівникъ» жизненны и естественны. Правда, «кѣлькото рую ненатуральность» признаетъ за нихъ въ концѣ-концовъ и самъ г. Стешенко (стр. 198), но это ему не мѣшаетъ осгаться при убѣжденіи, что «Москаль-Чарівникъ» есть произведеніе художественное. Вѣдь это кажется преувеличеніемъ, особенно потому, что и стилизовано данное кѣсто (стр. 189—198) не совсѣмъ удачно. Изъ дальнѣйшей заключительной главы изслѣдованія г. Стешенка (стр. 202) вполнѣ ясно видно, что г. Стешенко иѣть въ виду художественность только относительную, — литературные достоинства въ «Москаль-Чарівнику», онъ усматриваетъ едва ли не исключительно потому, что это былъ первый чисто малорусскій водевиль; появившись «Москаль-Чарівникъ», теперь, въ влоху полнаго расцвѣта малорусской драматической литературы, г. Стешенко, очевидно, счѣлъ бы такой водевиль за очень посредственное или даже вовсе неудачное произведеніе. Къ со-жалѣнію, въ надлежащемъ мѣстѣ, при самомъ разборѣ «Москаля-Чарівника», эта точка зреїнія не выставлена ясно, и потому восхваленіе «художественности» «Москаля-Чарівника» прямо кажется гиперболическимъ.

Въ послѣдней главѣ (стр. 201—232) г. Стешенко отиѣзаетъ тѣ усмо-жія, при какихъ создалась поэзія Котляревскаго, и указываетъ на ея огромное влияніе и значеніе въ новой малорусской литературѣ. Много здѣсь затронутого пунктовъ спорныхъ, но въ концѣ-концовъ для уясненія исторіи малорусской литературы эта глава изслѣдованія г. Стешенка иѣть несомнѣнную важность. Да и вообще о всей книгѣ г. Стешенка мы должны сказать, что, несмотря на ея иѣкоторыхъ слабыхъ сторонахъ, отиѣченныхъ нами, она является чрезвычайно полезнымъ трудомъ, съ ко-торымъ серіозно придется считаться всячому историку малорусской ли-тературы.

A. Крымский.

Dr. Fritz Schultze. Psychologie der Naturvölker. Entwicklungs-psychologische Charakteristik der Naturmenschen in intellektueller, ästhetischer, ethischer und religiöser Beziehung. Eine natürliche Schöpfungsgeschichte menschlichen Vorstellens, Wollens und Glaubens. Lpz. 1900.

Настоящая книга д-ра Шульце, профессора философии въ Дрезденской высшей технической школѣ, какъ оказывается, составляетъ только часть другого, многотомного труда «Vergleichende Seelenkunde», остальная части которого уже вышли въ сіѣть раньше подъ заглавиями: «Netzengesystem und Seele» (1892 г.) и «Die Psychologie der Tiere und Pflanzen» (1897 г.). Не знаю, какъ выполнены авторомъ эти работы, но настоящая книга имѣть очень мало научной цѣнности и прежде всего потому, что въ основу ея положенъ совершенно ложный планъ. Др. Шульце совершенно не специалистъ по истории первобытной культуры и по этнографіи и всю фактическую основу своего труда беретъ готовой взъ вторыхъ и третьихъ рукъ, т. е. у Бастиана, Вайца, Клемма, Леббока, Ратцеля, Тайлора и т. п. авторовъ. Онъ високо не скрываетъ этого обстоятельства, а наоборотъ, постоянно подчеркиваетъ его и заявляетъ, что всю фактическую сторону вопроса онъ считаетъ уже установленной и что пригодимы имъ факты имѣть значеніе только иллюстрацій, а отнюдь не доказательствъ. Опирая надъ этимъ готовымъ материаломъ, авторъ только хочетъ искрыть психологическую основу интересующихъ его явлений и освѣтить ихъ съ болѣе философской точки зреінія. «Der Schwerpunkt dieses Werkes, говорить онъ, liegt in der neuen psychologischen Bearbeitung des alten Materials» (p. V), и вотъ тутъ-то и заключается основная ошибка Шульце.

Для того чтобы подвергнуть старый этнографический материалъ новой психологической обработкѣ, необходимо имѣть два данныхъ, а именно, во первыхъ, необходимо, чтобы материалъ былъ уже готовъ, чтобы вся фактическая сторона вопроса была выяснена съ достаточной целнотой и точностью, чтобы сами факты не вызывали сколько нибудь серьезныхъ разногласій, а во вторыхъ, необходимо, чтобы уже была выработанная система психологіи, съ точки зреінія которой можно было бы освѣтить готовый материалъ. На самомъ дѣлѣ на то ни другое изъ этихъ условій въ настоящее время не осуществимы. Психологія, конечно, сдѣлала громадные шаги впередъ за послѣднія десятилѣтія, но она еще далека отъ того, чтобы выльиться въ стройную и опредѣленную систему. Главная же бѣда даже не въ этомъ, а въ томъ, что современная психологія пока изучаетъ и анализируетъ преимущественно отдельные, обособленные проявленія душевной дѣятельности и очень мало имѣть дѣла съ живымъ, цѣлостнымъ человѣкомъ, одновременно и въ разныхъ направленіяхъ мыслящимъ, чувствующимъ и желающимъ. Психологія такого цѣлостнаго человѣка, или, какъ ее иногда называютъ, психологія характера, дѣло будущаго и, можетъ быть, даже отдаленного будущаго, а та психологія, которая пока имѣется, очень мало можетъ помочь изученію, напр., первобытной семьи и религіи, пошедшихъ изъ круга вопросовъ, охваченныхъ

нашимъ авторомъ. Тутъ въ настоящее время не психология можетъ помочь народовѣдцю, а наоборотъ, народовѣдціе—психологіи; тутъ возможна не психологическая обработка этнографического материала, или его систематизация подъ руководствомъ психологіи, а напротивъ того, выведение самихъ психологическихъ законовъ изъ этнографическихъ данныхъ. Эта работа, конечно, въ высшей степени интересна, но она прежде всего требуетъ солидной фактической основы. Пусть бы Шульце попробовалъ воспользоваться хотя бы тѣми данными, которые собраны его предшественниками, пусть бы онъ постарался проанализировать эти факты и выяснить присущую имъ закономѣрность. Можетъ быть, эта работа и оказалась бы неудовлетворительной, но известный смыслъ она имѣла бы, и съ принципиальной точки зренія противъ нея ничего бы нельзя было возразить.

Шульце ничего подобного не сдѣлалъ и его книга не даетъ дажеко-
рошой сводки старого материала, вѣ говоря уже про обработку; все это онъ замѣнилъ чисто догматическимъ изложениемъ апріорныхъ положеній, въ большинствѣ случаевъ мало оригинальныхъ и всегда бездоказательныхъ. Авторъ стоитъ на эволюціонной точкѣ зренія и исходить изъ того положенія, что духовные способности современного цивилизованнаго человѣка, если и не отсутствовали у дикаря, то находились, по крайней мѣре, въ зачаточной степени, были мало развиты. Руководствуясь этимъ принципомъ, Шульце очень просто реконструируетъ духовную жизнь дикаря, присыпывая ему самую низшую форму духовныхъ способностей цивилизованнаго человѣка. Таково основное положеніе разбираемой нами книги, и въ извѣстной степени его можно признать правильнымъ, но только въ извѣстной степени; безъ всякихъ оговорокъ оно приложимо только къ развитию мыслительныхъ способностей. Здѣсь действительно можно допустить прямолинейное и непрерывное развитие отъ дикости до цивилизации, и здѣсь, кроме того, мы имѣемъ болѣе или менѣе беспорочные критеріи для оценки степени достигнутаго развития. Но, разумѣется, духовная жизнь человѣка не ограничивается способностью къ мышленію, да и самъ нашъ авторъ не ограничиваетъ ею одинкою своей книги. Развитіе же другихъ сторонъ духовной дѣятельности шло, можетъ быть, и не tanto прямолинейно, какъ представляется Шульце. Нѣкоторыя указанія на это есть и съ ними сговаривало бы считаться.

Приведу нѣсколько приѣровъ. Особенно точными показателемъ вы-
соты достигнутаго нравственнаго развитія авторъ считаетъ отношеніе
мужчинъ къ женщинамъ и довольно подробно останавливается на этомъ
вопросѣ. Первобытныя отношенія между половами и положеніе женщины въ
частной и общественной жизни онъ рисуетъ самыми черными красками.
Брака въ смыслѣ скольконибудь постоянныхъ и правильныхъ отношеній
между опредѣленными мужчинами и женщинами, по мнѣнію Шульце, не
существовало, и онъ почему-то находить «излишнимъ» приводить «много-
численныя подтвержденія первобытнаго безбрачного состоянія непосред-
ственнымъ наблюденіемъ» (р. 198). Но если бы авторъ повнимательнѣй
отнесся къ фактамъ, онъ тогда бы счѣлъ нужнымъ обратить вниманіе и
на то обстоятельство, что гипотеза безпериодичнаго смены половъ, при-

ната въ началѣ очень сочувствено многими учеными, потому стала вызывать противъ себя солидныя возраженія. Во всякомъ случаѣ, не можетъ быть и рѣчи о подтверждении этой гипотезы непосредственнымъ наблюдениемъ соответственного положенія вещей. Это окончательно доказалъ Вестермаркъ, обстоятельно разбравшій всѣ приводимыя другими авторами указанія на беспорядочное смѣщеніе половъ у отдельныхъ народовъ; въ результатѣ оказалось, что всѣ эти указанія построены или на ошибочныхъ сообщеніяхъ, или на неправильномъ истолкованіи фактовъ, ничего общаго не имѣющіхъ съ беспорядочнымъ смѣщеніемъ половъ, или агаміей, по терминологии Шульце. Если Шульце находить критику Вестермарка несправедливой, ему слѣдовало бы доказать это или, по крайней мѣрѣ, заявить сбъ этомъ, но обходить молчаніемъ подобный фактъ можно лишь въ томъ случаѣ, если собственныя априорныя положенія для автора имѣть несравненно большую цѣну, чмъ какія-нибудь фактическія доказательства. Шульце называетъ только два народа, у которыхъ будто бы существуетъ агамія, андаманцевъ и апачей, но если бы авторъ внимательнѣе прочелъ Вестермарка или хотя бы и Леббока, изъ которого онъ, вѣроятно, заимствовалъ свою свѣдѣнія объ андаманцахъ, тогда бы онъ зналъ, что указаніе одного старинного автора на коммунальный бракъ у андаманцевъ оказалось совершенно невѣрнымъ. Что же касается до апачей, то ихъ Шульце, вѣроятно, упомянулъ по недоразумѣнію; ииѣ, по крайней мѣрѣ, неизвѣстно никакихъ основаній утверждать обѣ отсутствія у нихъ брака, и до сихъ поръ, кажется, никто не приписывалъ имъ беспорядочного смѣщенія половъ. Впрочемъ, отдельныхъ ошибокъ у Шульце очень много. Такъ, напримѣръ, онъ заявляетъ (р. 199), что алеуты не видятъ ничего предосудительнаго въ бракахъ между братьями и сестрами, но на самомъ дѣлѣ подобные браки считались тамъ великими грѣхомъ и, по мнѣнію алеутовъ, непремѣнно винили за собой гибель божества и соотвѣтственное наказаніе (И. Веніаминовъ. Зап. обѣ остр. Уналашкинск. отд. II. стр. 76, 141; III. стр. 8 и 9). Шульце могъ познакомиться съ отношеніемъ алеутовъ къ кровосмѣщенію у Westermarck'a, History of hum. inst., 2 ed., p. 352). У алеутовъ, правда, были позволительны браки между двоюродными братьями и сестрами, но такихъ браковъ не боятся и современная западная Европа.

Нечего и говорить, что вопросъ о предполагаемыхъ переживаніяхъ агаміи (материнское право, кровосмѣщеніе и т. д.) далеко не такъ простъ, какъ кажется Шульце, и тутъ онъ обнаруживаетъ очень малое знакомство съ предметомъ, хотя къ приводить въ числѣ своихъ источниковъ книгу Вестермарка, изъ которой могъ бы познакомиться до извѣстной степени съ положеніемъ въ наукѣ этихъ вопросовъ. Между прочимъ, Шульце игнорируетъ тотъ подчеркиваемый противниками матріархальной теоріи фактъ, что у большинства наиболѣе первобытныхъ племенъ мы встречаемся съ довольно прочной матріархальной семьей. Я лично не признаю рѣшающаго значенія за этимъ фактомъ, но Шульце долженъ быть бы отнести къ нему виначе. Соотвѣтственные народы (веддовъ, бушменовъ, негритосовъ, андаманцевъ и т. д.) Шульце относить къ самой

нижней стадии развития, къ низшемъ дикарямъ, и, кромъ того, онъ утверждаетъ, что «съ ростомъ культурного развитія равнотрѣно повышаются всѣ свойства и состоянія (Zustände) человѣка» (р. 193). Для Шульце, съдовательно, данный фактъ имѣть очень серьезное значеніе, но онъ или не знакомъ съ нимъ или, можетъ быть, и знакомъ, во предполагаетъ умолчать о немъ. Съ другой стороны, защитники матріархальной теоріи въ довольно свѣтлыхъ краскахъ рисуютъ положеніе женщины у первобытныхъ народовъ, указываютъ на ея сравнительную самостоятельность и на почетное положеніе въ семье и обществѣ. Нѣкоторыя фактическія указанія на это, дѣйствительно, имѣются, во многое говорить за противоположный порядокъ вещей. Въ чемъ истинна, можетъ показать только изслѣдование самихъ фактъ, но Шульце такого изслѣдованія не проводить, умалчиваетъ про развообразіе относящихъ сюда фактъ и про обусловленное этимъ разнообразіе менѣй среди ученыхъ, а просто заявляетъ безъ всякихъ оговорокъ, что положеніе женщины на равныхъ ступеняхъ развитія было очень низко и что къ ней относились, какъ къ животному. Такой приемъ, можетъ быть, и удобенъ для автора, но читателю онъ врядъ ли понравится.

Я взялъ на удачу вѣсколько примѣровъ, относящихъ къ вопросамъ о семье и отношеніяхъ между полами, но и другіе отдельны обработаны совершенно такъ же. Такъ, говоря о слабомъ развитіи искусства у дикарей, Шульце приводитъ довольно сомнительный, хотя и общепрѣзентный рассказъ Ольденъльда объ австралійцахъ, которые не могли разобрать на картинахъ человѣка и принимали его — кто за корабль, кто за кенгуру, по при этомъ нашъ авторъ не обратилъ вниманія на не менѣе общепрѣзентные, и въ то же время вполнѣ достовѣрные разсказы о живописи австраліцевъ и бушменовъ на скалахъ. Упускаетъ овь изъ виду и общепрѣзентный фактъ музыкальности бушменовъ, такъ рѣзко расходящійся съ его утверждениемъ о неэстетичности дикарей. Вообще, всѣ факты, противорѣчащіе априорнымъ положеніямъ автора, совершенно игнорируются имъ. Можетъ быть, эти факты ничего не могутъ доказывать по своей исключительности, можетъ быть, ихъ можно какъ-нибудь согласовать съ положеніями Шульце, все это, можетъ быть, и возможно, но надо было показать эту возможность, а не замалчивать противорѣчащіе факты. Кстати стѣнчу здѣсь еще одно положеніе автора, по обыкновенію, очень мало мотивированное имъ: «чисто духовный, а также эстетический интересъ въ его настоящемъ и истинномъ значеніи образовался и развился только въ связи съ удивленіемъ и связаннымъ съ этимъ удивленіемъ почитаніемъ звѣздного неба».

Къ числу слабыхъ сторонъ книги Шульце надо отнести также и нѣкоторую односторонность ея. Авторъ больше всего интересуется мыслью дикаря, а чувству и волѣ его овь удѣляетъ непропорционально мало вниманія; эти вопросы онъ затрагиваетъ совсѣмъ кратко, какъ будто, только по необходимости. Въ связи съ этой особенностью стоитъ толькъ фактъ, что Шульце видѣть въ религіи только міровоззрѣніе или философию дикарей и совершенно игнорируетъ тутъ элементы чувства. Я остановился

такъ подробно на этой книгѣ потому, что посвящена она слишкомъ интереснымъ вопросамъ, и потому, что у автора слишкомъ большія притязанія. Предвария отзывы критики, онъ самъ даетъ такую оценку своей работѣ: «in jeder der drei grossen Abteilungen der psychologischen Bearbeitung des geistigen Zustandes der Naturmenschen, nãmlich seines intellektuellen (einschliesslich ästhetischen), moralischen und religiösen Seelenlebens glaube ich ganz neue Gesichtspunkte gegeben, ganz neue Kriterien der Beurteilung aufgestellt, ganz neue Perspektiven eröffnet zu haben» (р. V, курсивъ Шульце).

A. Максимовъ.

Альб. Герм. Постъ. Зачатки государственныхъ и правовыхъ отношений. Очерки по всеобщей сравнительной истории государства и права. Переводъ Н. В. Теплова, съ предислов. проб. М. М. Козалевского. М. 1901 г. (Научно-образовательная библиотека).

Постъ былъ очень трудолюбивыи и добросовѣстныи ученыи, но онъ не былъ самостоятельный мыслитель и потому не оставилъ послѣ себя крупнаго слѣда въ наукѣ. Выводы, къ которымъ онъ приходилъ на основаніи своихъ изслѣдованій, въ большинствѣ случаевъ мало оригинальны, а еще меньшѣ оригинальности мы найдемъ у Поста въ методологическомъ отношеніи. При всей своей широкой эрудиціи онъ не умѣлъ пользоваться имѣвшимъ у него матеріаломъ и систематизировать его чисто виѣшнимъ образомъ, распредѣляя факты по заранѣе составленнымъ рубрикамъ и не взвѣшивая предварительно ихъ внутренней цѣности. Въ болѣе раннихъ сочиненіяхъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и настоящая книжка, Постъ слишкомъ руководствовался предвзятыми мнѣніями и потому очень односторонне подбиралъ только факты, подтверждающіе то или другое уже готовое положеніе. Но мѣрѣ расширенія своего фактическаго матеріала онъ постепенно переставалъ закрывать глаза на противорѣчащіе факты и отказался отъ книгъ своихъ прежніхъ теорій, но замѣнить ихъ чѣмъ-нибудь новымъ не умѣлъ и потому зачастую представлялъ самому читателю дѣлать какіе-угодно выводы изъ представленного ему авторомъ матеріала. Поэтому въ наукѣ обыкновенно считаются съ собранными Постомъ фактами, но не съ его теоріями.

Для начинающаго заниматься общей культурой настоящая книжка можетъ, однако, дать довольно много, и, по моему мнѣнію, ее смыло можно рекомендовать для предварительного, такъ сказать, знакомства съ первобытными правами. Выводами она бѣдна, да и тѣ, которые есть, во многихъ случаяхъ ошибочны, во зато она въ сжатой и систематической формѣ знакомить съ фактической стороной вопроса и даетъ общее представление о томъ, въ какія разнообразныи формы выливается право вѣковѣтурныхъ народовъ. Особенво полезна книжка Поста можетъ быть тому, кто самъ занимается сбираніемъ свѣдѣній о правѣ каког-нибудь народа; тутъ она послужить прекрасной программой.

Переводъ въ общемъ сдѣланъ удовлетворительно.

A. Максимовъ.

Собрание малоазийскихъ надписей. (Библиографическая замѣтка). Вѣнскія академія наукъ начала издавать, на средства князя I. фонъ-Лихтенштейва собравіе малоазійскихъ надписей.

«Hufvudstadbladet» сообщаетъ, что недавно вышелъ первый томъ издавія, заключающій либійскія надписи, подъ редакціей Э. Колинки (а?). Замѣчательная, какъ съ виѣшней стороны, такъ въ со стороны ея значенія, работа содержитъ въ себѣ немаловажный остатокъ языка, который даже теперь, несмотря на величайшія усилия знаменитыхъ ученыхъ, лишь отчасти понятенъ. Нѣкогда на либійскомъ языку говорили въ небольшой странѣ, Лиції. Лиційскій народъ стоялъ на высокой степени развитія. Онь оставилъ много памятниковъ языка, какъ-то: надписи, которыя, однако, только въ началѣ XIX вѣка стали известны въ Европѣ; вслѣдствіи, благодаря открытію австрійскими учеными (1880—1890), оны стали доступны для изслѣдованій. Большая часть надписей сохранилась на камняхъ; нѣкоторые изъ нихъ двухъязычны (на либійскомъ и греческомъ яз.). Среди нихъ важное мѣсто занимаетъ большая историческая надпись, съ о-ва Ксантоса, начертанная на четырехъ сторонахъ столба (отелѣ); на одной сторонѣ находится также греческая эпиграмма, относящаяся, какъ можно заключить изъ формы буквъ, къ V стол. до Р. Хр. Къ тому же вѣку принадлежитъ и большая часть либійскихъ надписей. Буквы либійского алфавита, вообще, сохранили древне-греческую (дорическую) форму; нѣкоторые буквы были отмѣнены; было внесено также нѣсколько новыхъ зваковъ, среди нихъ два для гласныхъ звуковъ, которые совсѣмъ недавно были точно определены. Большинство нѣмецкихъ ученыхъ думали, что либійский языкъ не входить въ составъ семи индо-европейскихъ языковъ. Но недавно знаменитые языковѣды скандинавского сѣвера: норвежецъ С. Бугге (S. Bugge) и датчанинъ В. Томсенъ (Thomsen) подвергли либійскій языкъ глубокому изученію и доказали, что этотъ языкъ привадлежитъ къ группѣ индо-европейскихъ языковъ. Къ такому же выводу пришли проф. А. Торпъ (Alf. Torp) и докторъ Г. Педерсенъ (Pedersen).

Работа Вѣнской академіи украшена богатыми рисунками, воспроизведенными башнеобразными могилами, на которыхъ были надписи. Надписи очень отчетливо переданы фототипіей.

В. Г.

Sveriges land och folk. Historisk-statistisk handbok, pâ offentlig uppdrag utgifven af Gustav Sundbärg.

(Швеція, страна и народъ. Историко-статистическое руководство, изданное по официальному порученію Г. Сундбергомъ).

Только что названная работа возникла такимъ путемъ. Въ 1898 г. проф. Г. Карлсонъ возбудилъ въ риксдагѣ вопросъ объ ассигнованіи 30.000 кронъ за изданіе (на шведскомъ, англійскомъ и французскомъ языкахъ) статистического очерка культуры и промышленности въ Швеціи. Во время печатанія работы явилась мысль придать изданію болѣе красивую, чѣмъ предполагалось раньше, виѣшность, такъ какъ изданія на англійскомъ и французскомъ языкахъ были предназначены для всемир-

ной выставки въ Парижѣ. Тогда неизвѣстное лицо предоставило въ распоряженіе редакціи 10.000 франц. на иллюстраціи.

Работа распадается на двѣ части. Между тѣмъ, какъ первая обнимаетъ себою духовную культуру (природа, какъ факторъ, создающій народный характеръ, исторія шведскаго народа, государственное устройство и управление, образование, общественная жизнь), вторая часть посвящена обзору ремеселъ и промышленности въ Швеціи, торговыѣ, мореходству, путемъ сообщенія, развлечными банковскими учрежденіями и законодательству о промыслахъ и рабочихъ.

Уже изъ этого сухого обзора язвствуетъ, какъ всесторонне изобразили ученые специалисты культурную и экономическую жизнь въ Швеціи. Матеріалъ, сообщаемый въ работѣ, крайне богатъ и поучителенъ; мы почерпнемъ изъ него нѣкоторыя свѣдѣнія.

Говоря о смертности населения, редакція выдвигаетъ, что число умершихъ въ Швеціи доходитъ только до 16,₄₉ на тысячу. Эта цифра—самая низкая во всей Европѣ. Въ Америкѣ и Австралии обнародовались еще низшія цифры, но они не виншаютъ двѣйрія. Для Финляндіи средняя цифра немного выше 20; для Россіи—около 35. Вообще, европейскія государства въ отношеніи количества смертей идутъ въ такомъ порядкѣ: Россія, Венгрия, Италия, Германія, Франція, Финляндія, Швейцарія, Бельгія, Голландія, Шотландія, Англія, Данія, Норвегія и Швеція.

Грамотность является въ Швеціи наслѣдіемъ уже нѣсколькихъ помо-
жній. (Обязательность ея введена съ 1842 года). Такимъ образомъ, въ граeѣ грамотныхъ, среди людей, подлежащихъ воинской повинности, противъ Швеціи стоитъ «100%»—цифра, съ которой сравнялась одна Германія. (Порядокъ европ. государствъ таковъ: Швеція, Германія, Данія, Швейцарія, Голландія, Финляндія, Франція, Бельгія, Австрія, Венгрия, Италия, Россія и Сербія).

Сравнительная таблица потребляемой водки очень утѣшительна для Финляндіи, гдѣ на душу приходится алкоголя (въ 50%) немного больше 2 литровъ, въ Швеціи—около 7 литр. въ Даніи—14 литровъ.

Среди различныхъ промысловъ особеннаго развитія достигла обработка жѣльзной руды. Вывозъ жѣльзной руды съ изумительной быстротой возросъ отъ 174.000 тоннъ (тонна=60 пуд.), въ 1891 году до 1,6 милл. тоннъ въ 1899 году. Выработка жѣльза еще болѣе увеличится, когда на рынокъ будетъ выпущено жѣльзо изъ недавно открытыхъ рудниковъ.

Говоря о государственномъ устройствѣ, авторъ замѣчаетъ: «наряду съ Англіей только въ Швеціи и есть такое государственное устройство, которое вышло изъ самобытнаго національного развитія. Это устройство ясно свидѣтельствуетъ о политической зрѣлости шведскаго народа».

Статья *O. H.*, напечатанная въ финляндской газетѣ «Hufvudstads-bladet», обращена, конечно, къ финляндцамъ. Однако, мы вынуждены были заимствовать изъ нея большую часть свѣдѣній, представляющихъ нѣкоторый интересъ и для русскаго читателя, такъ какъ у насъ подъ руки нѣть этой любопытной, глубоко-поучительной книги.

ЖУРНАЛЫ и ГАЗЕТЫ.

Архангельскія Епархиальные Вѣдомости. 1900. 2—4. *И. Общемперинскій.* Слѣды изычества и апокрифической литературы въ религиозной міровоззрѣніи древне-русского народа. 2—6. Распространеніе христіанства среди русскихъ земляцій (Исторический очеркъ). 3, 5. *Д. Молчановъ.* Материалы для истории раскола въ Архангельской епархіи. 4. Объявленіе объ изданіи въ г. Самарѣ „Сборника статей по просвѣщенію ивородцевъ Россіи“. Профѣль присыпать материалы и статьи въ г. Самарѣ, преподавателю семинарии К. Казанску. 7. *П. Н. Пасха* въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ (Изъ „Церковн. Вѣсти“).

Витебскія Губ. Вѣд. 1900. 2. Корресп. изъ Лепельского у. о супружіи среди населенія. 5. Разныя извѣстія. Празднованіе Нового года у китайцевъ. 7—8, 13, 21, 23, 27, 38, 50, 56, 61. *Д. Пиц-ло.* Пилипово веселье (продолженіе). Описаніе свадьбы. Приводится пѣсни. 9. Русская женщина въ старинныхъ пословицахъ и поговоркахъ (Библиографическая замѣтка о книгѣ П. Симоны „Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и пр.“). 12. Общая хроника. О систематическомъ изданіи произведеній русской словесности до Петровской эпохи, предпринимаемомъ Отдѣленіемъ русск. яз. и слов. Имп. Ак. Н. 15. Общая хроника. О найденныхъ ак. Пыпинъ ненайденныхъ до сихъ поръ литературныхъ произведеніяхъ Имп. Екатерины II. 17. Смѣсь. Какой разъ обладаетъ лучшую памятью? 19. 1899-й годъ въ дѣлѣ народного образования въ Вит. губ. 20. *А. Г-чъ.* Переселенцы (Корр. изъ Томска). 29. *П. Я. Н. Вас.* Ник. Тяпинскій—переводчикъ Евангелія на бѣлорусское наречіе съ изда-
тель (во книгѣ М. В. Довнаръ-Запольскаго). 31. Корр. изъ с. Долоски. Се-
бежскаго у. Приводятся заговоры. 32—34. Съ береговъ Западной Двины
(о сплавщикахъ леса; экономической условіи ихъ жизни). 32. О чествованіи проф. Вс. Ф. Миллера по случаю исполнившагося тридцатилѣтія его научной
дѣятельности. 34. Среди газетъ и журналовъ. Объ эксплоатации фаб.—русск.
и вородцевъ (Изъ „С.-П. Вѣд“). 44. Корр. изъ с. Трехалева. (Отношеніе
крестьянъ къ медицинской помощи). 57. *С. А. С.-К.* Мірскій бюджетъ кре-
стьянъ Лепельского у. въ 1898 г. Среди газ. и журн. Отзывы посвѣтительны
народныхъ театровъ, собранные по особой программѣ (Изъ „Сына Отеч.“).
61. Ср. газ. и журн. О безграмотности въ казацкихъ станицахъ Забайкалья
(Изъ „Приам. Вѣд“). 62. Собрание академиковъ (отчѣтъ о 1-мъ соединенномъ
засѣданіи Отд. русск. яз. и слов. и разряда изящн. слов. Имп. Ак. Н. („Нѣ
Пр. В.“)). 66. Домицій Петра Вел. въ Коныси Могилевск. г. (Изъ „Мог. Губ.
Вѣд“). Разн. изв. Объ отношеніи населенія Бѣлзецкаго у. Тверск. г. къ
событию 1 марта 1881 года. (Изъ „Русск. Стар.“). 67. Смѣсь. Продажа дѣво-
чекъ у гняековъ, живущихъ на Сахалинѣ. 68. *М. Б.* О дуэлихъ (Нѣсъ.
историч. данныхъ о д. на Руси. Изъ „С.-П. Вѣд“). 69. *Н. Тихомироў.*
Преосвящ. Маркелъ, какъ главн. двітѣль по возсоедившему съ привнесеніемъ
церковью холмскихъ уніатъ (по поводу 50-лѣтія его священства). 80. Некро-
логъ Л. Н. Майкова. (Изъ „Пр. В.“). 86. Смѣсь. Иудейская легенда о первыхъ
людяхъ. (Изъ „С.-П. Вѣд“). 88. Смѣсь. Преданіе о паукахъ-крестовикахъ.

92. Разв. изв. Дѣвичы башни (изъ бакинскихъ легендъ). Семейный бытъ трансваальскихъ буровъ. 93. Разв. изв. Киргизскій Народный судъ. (Изъ „Сиб. Вѣстн.“). Свѣдѣнія о писанкахъ (перепечатка изъ „Харьк. Г. В.“). Просьба проф. Н. Ф. Сумцова присыпать ему свѣдѣнія о писанкахъ по выработанной имъ программѣ. 97. Разв. изв. О культе бѣлого слона въ Сіамѣ. 98. Библиографія. О выходѣ въ светъ I вып. всеславянского органа „Славянский Вѣкъ“, изданаеаго въ Венѣ (редакція: Wien, VIII, Венногasse, 22).

Владимірскій Губ. Вѣд. 1900. 1, 4, 13. Николай Сперанский. Крестьянскій бракъ (въ с. Баглачевъ, Подольской волости; приводятся цвѣти).

Волынскій Епархиальный Вѣдомости. 1900. 1—12. Историко-статистическое описание церквей и приходовъ Волынской епархіи. Описываются обряды, приводятся цвѣти. 5—7. О. Фотинский. Очеркъ истории мелкаго дворянства. Овручско-Житомирскаго въ эпоху польского режима (XII—XVIII вв.).

Живописная Россия (еженедѣльно) 1901. 21. Ушаковъ П., Квастунская область (съ 1 картой).—21, 23, 24, 25, 26, 27 и 28 Чашинскій, В. Куриные очерки. 21. Ольхинъ П. М. Промышленность туземцевъ въ Туркестанѣ по Ф. Шварцу (съ рис. Продолжение). (Оконч. въ №№ 22 и 23).—Рисунки: Крестьянская изба въ селе Игнатовѣ близъ Звенигорода.—22. Пашенко, С., Звѣздное небо и небесные явленія въ представлѣніи русскаго народа.—22 и 23. Павловъ, Б., Къ 700-летию существованія Риги (съ рис.).—24. Максимовъ, С. В., Недовѣскоѣ къ „крылатымъ словамъ“. II. Щелкунъ. III. Далеко кухину.—Субботинъ, А., Хассиды и ихъ значеніе среди русскихъ евреевъ (съ рис.).—Отд. рис.: Типы интелигенціи и мѣщанъ Подольской губ.—25. Максимовъ, С. В., Недовѣскоѣ и т. д. (прод.). IV и V. Подкузьмить и объегорить. VI. Худая трава.—Басильевъ, П., Ивановъ день.—28. Лукинъ, Пр., Древніе русскіе изразцы (съ 11 рис.). Отд. рис.: Глинян. кувшинъ въ Бѣл. Падать въ Ростовѣ, два рукомойника въ Новгородскомъ музѣѣ.—29. Кочетовъ, Ф. И., Святотроицкій Александровскій монастырь (съ 9 рис.).—Отд. рис.: Кокошникъ, шитый жемчугомъ, шелковые четки и серги въ музѣѣ Бѣлой Палаты въ Ростовѣ Яросл. губ.—30. Муравьевъ, А. З. ир., Нарев и ея достопримѣчательности.—Отд. рис.: Старинные серги и другія украшенія въ Бѣл. Палатѣ. Типъ крестьянки Подольск. губ.—31. Корсаковъ, Н., Средневѣковый вѣмецкій городъ на русской землѣ. Ревель въ его прошломъ и настоящемъ (съ 10 рис.).—Ушаковъ П., Иасльдователи русской земли: П. И. Семеновъ (съ портретомъ).—Отд. рис.: Новобрачные въ Подольской губ.—32. Рисунокъ: Финская крестьянская усадьба близъ Куоккала.—33. Барановскій, И. Ф., Среди терскихъ казаковъ. Очеркъ.—Ушаковъ П., Народныи гаданья.—Отд. рисунки: Группа малороссійской Екатериносл. губ., Уборка хлѣба, Гимб. губ.—34, 35, 36 и 37. Корсаковъ, Н., Первый русскій областной съездъ наследниковъ старины. (Ростово-Сузdalльская область).—34. Отд. рис.: костюмъ боярши Нижегородской области XVIII в., образцы древней русской орнаментики.—35. Рукавишниковъ, Г., Караваевцы. Этнографической очеркъ. (съ 7 рис.). Страна, происхожденіе, исторія, религія, занятія, численность, милица и поселенія, управление. Авторъ отмѣчаетъ усилившуюся вѣдность племени и естественное стремленіе къ пропагандѣ.—Баловъ, А., Овинные именини. Авторъ, пользуясь печатной литературой, описываетъ обычай проводить ночь наканунѣ первой молотбы возле овиновъ въ пинѣ, играхъ, при зажженныхъ кострахъ и т. п.; въ эту ночь все овины—именинники; обряды совершаются и въ честь „овинника“ (духа-покровителя овиновъ). 36, 37, 38, 39 (не ок.). Сулима М., по Сибирской магистрали, по Якутскому тракту и по рекѣ Левѣ, (съ рис.).—Рис.: Старинныи малороссійскіи вышивки изъ музея г. Тарновскаго. Образцы древне-русской орнаментики—подоконникъ. Старинные поисы изъ музея г. Тарновскаго.—37 и 38. Рукавишниковъ, Г., Городъ Муромъ (съ 5 рис.).—37. Рис.: старинный деревянный венецъ, Страшный судъ на паперти церкви Иоанна Предтечи въ Ярославль.—38. Головные уборы древнихъ русскихъ воиновъ (13 рис.).—Рисунки: Село Каракарово, родина богатыря Ильи Муромца.—Старинныи постройки на Руси (башня Борисоглѣбск. мон. близъ Ростова Яросл.).

Извѣстія по Казанской епархї 1900. 6. Членъ — сотрудник Общества Арх., Ист. и Этн. Н. Аммаринъ. Программа для составленія чувашского словаря. (Просьба присыпать рукописные материалы для предполагаемаго словаря).

Олонецкія Губ. Вѣд. 1900. 45, 49. Укко. Очерки. Повѣнѣцкаго уѣзда. 47. Городъ Каргополь и его окрестности въ 1612—1615 гг.

Полтавскія Епархиальные Вѣдомости. 1900. 3. Извѣстія и замѣтки. Нѣсколько словъ о народной нравственности. 5, 6. Иванъ Самойловичъ. Лѣтопись с. Рязаневки, Гадицкаго уѣзда, Полтавской губерніи. (Быть крестьянъ, сообщаютъ повѣрья). — 10. Св. Андрей Критскій по церковному преданию и народному легендерному сказанию. Извѣстія и замѣтки: Христианское богослуженіе въ Абиссиніи (Изъ „Душ. Чт.“). Нѣсколько словъ о музыке и ея значеніи въ дѣлѣ воспитанія народа.

Сѣверный Край 1901. 4. А. О. К., Кола. Корреспонденцій о заселеніяхъ изѣстыхъ жителей ранней весной; рыбная ловля, лесные работы, промышленники. — 13. Палеонтологическая раскопка проф. В. Ш. Амалицкаго. (По статьѣ А. Чехова (А. Садого) въ „Нов. Врем.“). На Св. Дианѣ вблизи ст. Котласъ. — 19. А. Л. М., Архангельскъ. Съ лѣтнаго берега. Звѣрьный промыселъ продолжается до Сретенія, а при обилии сайки и до Власіи (11 февр.). Эти выжданія съ надеждой на богатый уловъ сложныя поговорки: „Морская коронушка вѣ всегда довѣть, а всегда быть велить“. — 20. Александровскъ за Мурманъ (корр.). Описывается тяжелая условія жизни мурманскихъ колоній. — 25. Съ р. Печоры. Рождественская ярмарка на Печорѣ у зырянъ (шкура, штаны, рыба). — 28. Елка въ зырянской школѣ за Печорѣ. Вся обставовка и литературные произведения, исполненные учениками, свидѣтельствуютъ объ успѣхѣ культурного обрусенія на далекой окраинѣ. — 33, 36 и 37. Дружининъ, Н. Въ волостнонѣ судѣ и за сельской скобѣ. (По поводу пересмотра положенія о крестьянахъ авторъ рисуетъ Большенесельскій Угличекаго уѣзда волостной судъ и скобѣ). — 38. Алексинскѣй, Григорій, Н. Ф. Сѣльушкинъ (къ 75-лѣтию его литературной изѣстности). „Досуги сельского жителя“, „Похороны жены поселянина“, „Четыре времена года“, „Новые досуги сельского жителя“, „Рассказъ даты отца, бывшаго въ расколѣ перекрещенцевъ“, „Изба“, „Утро“, „Пашня“, „Санокость“, „Жата“, „Уборка льна“, „Продажа пшеницы“, „Женитьба поселянина“, „Дѣвишникъ“, „Садьба“, „Крестьяне“, „Похороны жены поселянина“, „Возвращение воина въ домъ“, „Мирская скобѣ“, „Троицынъ день“, „Праздникъ“ (встрѣча Пасхи), „Парь“, „Посидѣлки“, „Святочный гаданіе“, „Сельская масленица“ и другія стихотворенія этого поэта, крестьянинъ изъ Ярославской губ., а также биографический свѣдѣнія о немъ имѣютъ не мало этнографического интереса. — 41. Судебная хроника: Колдуны. Встрѣчи съ ней боятся. Если ишаи къ вѣй бежитъ — это нечистый. Началось дѣло отъ богомольцевъ, останавливавшихся у подсудимой (Мареи); среди богомольцевъ были „порчевые“; потою такія же завелись и на сель. Обвиняютъ ее, Мареу. — 47. Экспедиція на Печору. Содержавіе доклада мичи. Новосильцева въ Ипп. Русс. Географич. Обѣвъ — о р. Печорѣ и Печорскому краю. — 61. Шенкурскай у. Арх. губ. На берегу р. Ваги стоятъ деревушки Городище. Ходить крестьянскія преданія, что здесь былъ городъ и жила „чудь блоглазая“, ограбившая новгородскихъ купцовъ, щедшихъ на сѣверъ. Разрушенъ городъ новгородской вольницей. Сейчасъ сохранился круглый ровъ и насыпь. Желательны раскопки. — 71. Кемь. Условія сдачи сѣнокосныхъ участковъ отъ городского управлѣнія. Кулаки заѣдаютъ. — 76. А. М. Л., Какъ промышляютъ морскаго звѣра зимою въ Бѣломъ морѣ лѣтнесторони (промышленники съ лѣтнаго берега). Когда приготовленія кончатся, устраиваются проводы: блины, угощенье; бабы причитаются; старики даютъ наставленія, запрещаютъ тайво отъ товарищей есть хлѣбъ — отъ этого происходитъ всѣ неудачи промысла. — 77. Засѣданія Общества для изслѣдованія Ярославской губ. въ естественно-историческомъ отношеніи.

Е. А. Блажевичъ, О дикорастущихъ лекарственныхъ растеніяхъ Яросл. губ. и др. доклады).—84. *Александровъ, Л.*, Очерки охотничей жизни (въ рыбинскомъ уѣзда Яросл. губ.). Топографія; дичь; промышленники-крестьяне.—146. Калининъ. (корр): Странствованіе русскихъ богомольцевъ по монастырямъ въ посвященіе калязинскаго монастыря.—150. Письмо изъ Костромы. Въ дер. Глазковъ воръ приговорены къ 50 земельнымъ поклонамъ передъ вѣймъ народомъ.—161. *Ѳ. Отъ Архангельска до Норвегіи.* (Путевые очерки за бытовые мотивы).—42, 178 и 222. *Христослагоевъ Ассакумъ*, Письмо изъ деревни (описаніе быта въ міроновіаніи народа).—28 и 190. *Юлианъ Н. Изъ Ветлужскихъ краевъ.* Крестьянское самоуправление.—210 и 213. *Алексинскій, Г. А..* Ростово-Судальская область и ея историческое значение.—211, 212, 213, 214, 215, 216, 217. Областной съездъ изслѣдователей истории въ древностяхъ Ростово-Судальской области.—228. *Нажицкій, Ив.* Въ родныхъ краяхъ. VI. Живучая пѣсня (Частушка).—230. *А. М. Л.*, Труженики моря. (Бѣломорские промышленники и различные случаи изъ ихъ промысловой жизни).

Тульскія Губ. Вѣд. 1900. 3. Смѣсь. Турецкий театръ. Употребленіе посолного платка во Франціи. 8. Въ Бухарѣ (Изъ „Русск. Вѣд.“). 10. Смѣсь. Новый годъ въ Японіи. Описывается обрядъ изгнанія чорта. 11. Смѣсь. Изъ жизни буронъ („Изъ K鰎nische Zeitung“). 13. Смѣсь. Новый годъ у китайцевъ. 16. Какъ относятся нашъ простой народъ къ церковному пѣнію и проповѣди? 84. Смѣсь. Предавіе о паукахъ крестовикахъ. 86. Смѣсь. Свадьба мертвѣцовъ въ Китаѣ. („Изъ Н. Messager“).

Ураль. 1901. 1212. *Зотовъ, А. Е.,* (учитель), Черемисский Сабантуй. (Праздникъ передъ посвѣщениемъ въ Красноуфим. у.).—1216. *Единокореніе, Епісковъ у единовѣрцевъ.*—1220. *Н-съ, Тройца въ старину.*—1222. Главный торжественный кустарничество на Уралѣ (притесненія кустаря, какъ конкурента заводовъ).—1226. *Секта Подгорного* (изъ „Извѣсній. Обозр.“)—1227. *Жукъ И., Челябинскъ.* Чудодѣйственное озеро. Близъ пос. Бѣлоусовского цѣлебное озеро Шантровое (600 дес. и глубокое) пользуется славой среди местныхъ жителей.

Холмско-Варшавский Епарх. Вѣстникъ 1900. 14. Проф. И. Варшавского училища. *Ис. Филевичъ.* Программа для собираний съѣздъній по етиологіи Холмской Руси.

Новости этнографической литературы.

- Аленторовъ, А. Е. Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей въ мѣсткѣ о киргизахъ. Казань. 1900. Ц. 6 р. 15 к.
- Алмазовъ, А. И. Апокрифическая молитвы, заклянія и заговоры. Одесса. 1901. Ц. 65 к.
- Богдановичъ, К. И. Очерки Чукотского полуострова, (Съ картой, 2 планами, 2 таблицами автотипій и рисунками въ текстѣ). Спб. 1901. Ц. 3 р.
- Богоразъ. В. Г. Материалы по изученію чукотскаго языка и фольклора, собранные въ Колымскомъ округѣ. Часть 1-я. Образцы народной словесности чукочъ. (Тексты съ переводомъ и пересказы). Спб. 1900. 8⁰ X+XXXVI+417 стр. 371, вкв. Ц. 3. 60 к.
- Богородицкій, В. А. Изслѣдованіе говора деревни Бѣлой (Казанской губ.). К. 1900. 8⁰, 40 стр. и 1 таблица. 200 экз. Ц. 50.
- Богородицкій, В. А. Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Пособіе. Казань. 1901. Ц. 2 р.
- Бонъ, В. Г. Материалы по археологии христіанского Египта. Посмертное изданіе. Текстъ и таблицы. Спб. 1901. Ц. 7 р.
- Бржескій, Н. Очерки юридического быта крестьянъ. Спб. 1901. Ц. 2 р.
- Будиловичъ, И. Историческая замѣтка о русскомъ Юрьевѣ старого времени въ связи съ житіемъ св. Исидора и 72 юрьевскихъ мучениковъ. Юрьевъ. 1901. Ц. 1 р.
- Бурцовъ, А. Е. Обстоятельное библиографическое описание рѣдкихъ и замѣчательныхъ книгъ, брошюръ, художественныхъ изданій, старыхъ и новыхъ рукописей, гравюръ, грамотъ, портретовъ, лубочныхъ картинокъ, указовъ и различныхъ летучихъ листовъ, съ пояснительными замѣчаніями и полными перепечатками болѣе рѣдкихъ книгъ и др. библиографическихъ материаловъ. Томъ II. Спб. 1901. 8⁰. Стр. съ 307 по 644 стр.; 150 экз.
- Вакуловскій, Н. Н. Памятіи П. В. Шейна. („Филол. Зап.“ 1900. IV—V).
- Введенскій, А., проф. О закономѣрности въ исторіи естественныхъ религій. Сергіевъ посадъ. 1901. Ц. 40.
- Верещагинъ, В. В. Художникъ. Духоборцы и молокане въ Закавказье. Штаты въ Карабахѣ. Батчи и опіумъ въ средней Азіи. Оберь-амерграу въ горахъ Беверіи. Рассказы съ рисунками. Москва. 1900. 8⁰, 90 стр., 1.200 экз. Ц. 60 к.
- Веселовская, Е. Д. Б. Амурский край и наши переселенцы. М. 1901. Ц. 10 к.
- Веселовская, Н. Б. Буряты. М. 1901. Ц. 10 к.
- Вилимскій, С. Г. Сказаше черноризца Храбраго письменахъ славянскихъ. Одесса. 1901. Ц. 25 к.
- Вольпинъ-Смоленская, Г. Еврейская женщина, ее роль и положеніе въ исторіи еврейского народа. Вильва. 1900. 8⁰, 40 стр., 1.500 экз. Ц. 25 к.
- Вольтеръ, Э. А. Списки населенныхъ мѣстъ Сувалкской губерніи, какъ материалы для историко-этнографической географіи края. Спб. 1901. Ц. 3 р.
- Гагаринъ, Г. Г., кн. Собрание византійск., грузинск., и древне-русскихъ орнаментовъ и памятниковъ архитектуры, 2 серія. Спб. 2⁰, 2 стр. и 29 таблицъ чертежей. 1.000 экз.

Гейлеръ, М. И. Путеводитель по Туркестану. Съ 2 картами и 1 портретомъ. Ташк. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Германъ, И. Маточныя колыца въ народной медицинѣ. („Вѣсти. общ. гигіиен., судебн. и патолого. медицинъ“. 1900. № 10).

Голубинскій, Е. Исторія русской церкви. Т. I Полутомъ I. М. 1901. Ц. 5 р.

Гопчевичъ, Спиридонъ. Старая Сербія и Македонія. Историко-этнографическое изслѣдованіе. Издано съ 38 орнам. рисунками и 2 планами въ текстѣ. Переведено съ итальянскаго М. Г. Петровичъ. Спб. 1899. 8°, XV + 364 + XII стр. 1.000 вкзмп.

Де-ла-Грассери, Р. Психологія религій. Пер. съ франц. В. И. Писаревой. Спб. Изд. Д. Павленкова. Стр. 330. Ц. 1 р. 25 к.

Грузинскій, А. Е. П. В. Шнейеръ. Некрологъ. („Журн. Мин. Нар. Пром.“. 1900. XII).

Гюнтеръ, Р. Исторія культуры. Пер. съ нѣм. Изд. Суворина. Спб. 1901. 8 д., 352 стр. 2.000 вкз. Ц. 1 р.

Джизелеговъ, А. Н. Городская община въ средніе вѣка. Нѣкоторыя новыя теоріи о происхождении средневѣковыхъ городовъ. Изд. магаз. „Книжное дѣло“. Москва. 1901. 8°, 84 стр., 1.200 вкз. Ц. 50 к.

Денисій, іером. Идеалы православнаго русскаго инородческаго миссионерства. Казань. 1901. Ц. 1 р. 25 к.

Докучаевъ-Басмай, К. А. Церковно-приходская жизнь въ городе Каргопольѣ въ XVI—XIX вѣкахъ. Изд. Ипп. общ. ист. и древн.-росс. (печ. подъ наблюд. С. А. Былокурова). М. 1900. 8°, 43 стр. 360 вкз.

Дурніко, Н. Описание говора деревни Паренокъ, Рузского уѣз., Московской губ. („Русс. Фил. Вѣст.“ 1900. III—IV).

Исполатовъ, Е. Страна кареловъ, ея природа и жители. („Ест. и Геогр.“. 1900. X).

Карауловъ, М. Говоръ калагъ Жиздринскаго уѣзда, Калужской губерніи. („Р. Ф. В.“ 1900. I—II).

Караульевъ, М. Говоръ станицы бывшаго Моздокскаго полка Терскаго казачьаго войска. Докладъ, прочитан. на 32-мъ засѣд. Лингвистическ. отдѣл. Неоэпіиологическ. Об-ва при С.-Петербургск. университѣтѣ 23 февр. 1900 г. („Русс. Филол. Вѣст.“ 1900. III—IV).

Каримъ, „Дикари“ (Изъ жизни обитателей Одесского порта), съ иллюстраціями. Одесса. 1901. Ц. 35 к.

Каталогъ 2-й Ковенской выставки изящныхъ искусствъ, древностей и рѣдкостей. Ковна. 1900. 50 стр.

Кирилл Даниловъ, Сборникъ. Изд. Ипп. Цуба. Библиотеки по рукописи, по-жертвованной кн. М. Р. Долгоруковымъ. Подъ ред. П. Н. Шеффера. Спб. 1901. 8° XLVI+284 стр. (Указатели стр. 221—284). Ц. 1 р. 50 к.

Ковалевъ, С. А. Спутникъ по сѣвернымъ путямъ сообщенія (Архангельск—Москва). М. 1901. Ц. 60 к.

Козминъ, И. Двоевѣріе народа русскаго, выразившееся въ его духовныхъ стихахъ (Перепеч. изъ „Арх. Губ. Вѣд.“ 1900 г.). Архангельскъ. 1900. 16°, 72 стр., 100 вкз.

Некрасовъ, И. Поязда въ Соловецкій монастырь (съ 3 рис.). Спб. 1901. Ц. 75 коп.

Кудрявскій, Д. (проф.), Четыре стадіи въ жизни древнаго индуза. Акторамъ рѣчи. („Уч. Зод. Ипп. Юрьев. Унив.“ 1900. IV).

Лазаревскій, А. М., Старинные польско-русскіе календари. Киевъ. 1900. 8°, 22 стр., 60 вкз.

Лебединскій, П. М. Краткій исторический обзоръ движений и развитія еврейскаго законодательства за время отъ Моисея въ XV в. до Р. Х. до Маймонида (Райбамъ) въ XII в. по Р. Х. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Линда, И. Манчжурия (Географический очеркъ). Съ картой. Спб. 1900. 8°, 23 стр., 350 вкз. Ц. 50 к.

Любавский, М. Литовско-русский сеймъ. Опытъ по исторіи учрежденія въ связи съ внутреннимъ строемъ и внешнюю жизнью государства. Изд. Имп. Общ. Ист. в Др. Росс. М. 1901. Ц. 4 р.

Марръ, Н. Ипполитъ. Толкованіе пѣсни аѣсней. Грузинскій текстъ по рукописи X вѣка, нерев. съ арм. Съ 1 памеограф. таблицей. (Тексты и разысканія по армяно-груз. филологии III). Спб. 1901. Ц. 2 р.

Мартемьяновъ, Т. А. Правда о „Камаринской“ и „Барыкѣ“. Исторія двухъ народныхъ пѣсенъ. („Ист. Вѣст.“. 1900. X).

Милюковъ, П. Очерки по истории русской культуры. Ч. 3-я. Национализмъ и общественное мнѣніе. Вып. I. Спб. 1901. Ц. 75 в.

Мюллеръ, М. Шесть системъ видѣйской философіи. Перев. съ англ. П. Николаева. М. 1901. Ц. 2 р.

Немелашвиль, И. Я. Народная медицина въ Сургутскомъ краѣ. Спб. 1900. 8 д., 31 стр., 50 вкз.

Отчетъ пугвянской сельско-хозяйственной и кустарного промысла выставки 16—19 сентября 1900 года. Вильва. 1900. 8° 16 стр., 100.

Пергаментъ, О. Я. Правданое по Бессарабскому праву. Од. 1901. Ц. 1 р. 50 в.

Перетцъ, В. Н. Историко-литературный исследованія и материалы. Томъ II: Изъ исторіи старинной русской повѣсти. 1. Слухи и толки о патриархѣ Никонѣ въ литературной обработкѣ писателей XVII—XVIII вв. Спб. 1900. 8°, 68 стр., 340 вкз. От. изъ изв. отдан. русск. из. и слов. Имп. академіи наукъ. Т. V. 1900 г., ви. 1-ой).

Петровъ, Алексѣй. (переводч.). 50 русскихъ народныхъ пѣсень, трехголосаго и четырехголосаго смѣшаннаго хора, для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ. Спб. 1901. Ц. 75 к.

Платоновъ, С. Ф. Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ Государствѣ XVI—XVII вв. (Опытъ изученія общественного строя и еословныхъ отвѣщеній въ смутное время). Изд. 2-е. Спб. 1901. 8°, XII+520 стр. и 1 карта. 2.050 вкз. Ц. 3 р.

Покровскій, Александръ. Библейское ученіе о первобытной религії. Опытъ библейско-апологетического изслѣдованія. Свято-Троицкая Сергиева Лавра 1901. Ц. 2 р. 50 к.

Поповъ, К. Располъ и его путеводители. Изд. 2-ое, дополн. И. 1901. Ц. 2 р.

Петѣдзи въ предѣлы Западной Монголіи, совершившая въ 1899 году Зайнапонъ Малодербетевскаго улуса Астраханской губ. Леджимъ Аргувезъ и его двумя спутниками. Спб. 1901. Ц. 50 к.

Религіозныя вѣрованія съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Сборникъ лекцій въ статей вностранныхъ ученыхъ и публицистовъ. Переводъ съ англійскаго В. А. Тимирязева. Часть 1-я. До-христіанская и не-христіанская вѣрованія. Спб. 1900. Изд. и тип. А. Суворина. 8°, VI+346 стр. 2.000 экз.

Риндеръ, Ф. Японскія легенды. Съ вѣм. А. А. Федорова-Давыдова. Съ 37 рис. Изд. ред. журн. „Муравей“. (Доступная библиотека). И. 1901. 8 д., 70 стр., 2.500 вкз. Ц. 25 в.

Рогановичъ Іоаннъ П. „Македонскій вопросъ“ на почвѣ его исторіи, этнографии и политики. Каз. 1900. 8°, 84 стр., 300 вкз.

Родіонова, И. В. Кумышка (Очеркъ) (Перепеч. изъ №№ 108 и 119 „Прилож. къ Вѣт. Губ. Вѣд.“). Вятки. 1900. 12°, 19 стр., 100 вкз.

Ромодановская, Е. С. Якуты и ихъ страна. И. 1901. Ц. 10 к.

Россія. Полное географическое описание нашего отечества. Подъ ред. В. П. Семёнова. Т. VI. Среднее въ нижнее Поволжье и Заволжье. Спб. 1901. Ц. 2 руб. 50 вон.

Садовниковъ, Д. Загадки русск. народа. Сборникъ загадокъ, вопросовъ, притчъ и задачъ. Изд. А. Суворина. Спб. 1901. 8°, 304 стр., 8.000 вкз. Ц. 1 руб. 25 к.

Сельскій танецъ и садъ садыты. Бытовая пѣсни Бессарабской губерніи для 4-хъ голоснаго хора (Собственность Рестовской церковно-приходской школы

Бессарабской губерніи, Хотинского уѣзда). 1900 года. Спб. 8⁰, 5 стр., 100 вкz.
Ц. 60 коп.

Семеновъ, Вл. На дальнемъ Востокѣ. Очерки и рассказы. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Саренинъ, Н. А. Некоторые данные о нумышль, приготовляемой вотяками Вятской губерніи (перепеч. въ № 94-го „Прилож. г. Вят. Губ. Вѣд.“). Вятка. 1900. 16⁰, 10 стр., 100 вкz.

Старикъ, И. Н. Первобытная семья, ее возникновение и развитие. Спб. 1901. Ц. 1 р. 60 коп.

Сырну, П. А. Отголоски народной пѣсни о свв. Дмитрии и Ахилѣ въ духовной литературѣ южныхъ славянъ (Отт. изъ „Извѣстій отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. академіи наукъ“, т. V (1900 г.). Спб. 1900. 8⁰, 10 стр., 45 вкz.)

Сырну, Полихроний. Очерки къ исторіи литературныхъ сношевій болгаръ и сербовъ въ XIV—XVII вв. Житіе св. Николая Нового Софійскаго по единственной рукописи XVI вѣка. Спб. 1901. Ц. 3 р. 50 к.

Тверской, П. А. Новые главы духовореческой эпопеи. Спб. 1900. Ц. 25 в.

Тексты и разысканія по армяно-грузинской филологии III. Спб. 1901. Ц. 2 р.

Тристрамъ, Г. В. Восточные обычай въ библейскихъ странахъ. Спб. 8⁰, 143 стр., 600 вкz.

Указатель кустарно-промышленной и сельско-хозяйственной выставки и горнаго ея отдѣла 1900 года въ гор. Туле. Тула. 8⁰, 122+III стр. и планъ. Ц. 15 к. То-же. VIII+2+49 стр. Ц. 10 коп.

Ханенко *), Б. И. и В. И. Древности Приднѣпровья. Эпоха великаго переселенія народовъ. Вып. IV. Киевъ. 1900. Ц. 3 р.

Харламовицъ, К. Къ вопросу о сущности русскаго раскола старообрядчества. Казань. 1900. 8⁰, 22 стр., 200 вкz.

Харузинъ И. Этнографія. Лекціи, читавныя въ Имп. Московскомъ университѣтѣ. Издание посмертное. Подъ ред. В. и А. Харузинъ. Вып. I. Спб. 1901. Стр. X+343. Ц. 2 р.

Червінскій, А. Къ вопросу о суевѣріиъ почитанія вародомъ пятницы. („Земск. Сбор. Чернаг. губ. 1900. IV“).

Чернышевъ, В. Краткія сведѣнія о нѣкоторыхъ говорахъ Дмитровскаго, Богословскаго и Егорьевскаго уѣздовъ (Отт. изъ VII вып. „Материаловъ для изученія великорусскихъ говоровъ“—Извѣстій отдѣленія русск. яз. и слов. Имп. акад. наукъ, т. V (1900 г.) яв. 2-й. Спб. 1900. 8⁰, 21 стр., 120 вкz.)

Шерстобитовъ, А. С. Какъ селились старообрядцы за Ураль. („Ист. Вѣст.“ 1900. XI).

Щегловъ, В. Г. (проф.), Положеніе и права женщины въ семье и обществѣ. („Врем. Демид. Лиц. 1900. яв. 78-я“).

Ясанскій, М. Н. Главный литовскій трибуналъ, его промежоцденіе, организація и компетенція. Вып. I. Происхожденіе главы лнт. трибунала. Киевъ. 1901. Ц. 2 р. 50 к.

Х р о н и к а.

Освящение памятника на могилѣ П. В. Шейна. Какъ извѣстно русская этнографія въ прошедшемъ году испытала крупную утрату въ лицѣ П. В. Шейна, скончавшагося одиночко въ Ригѣ. Тогда же Этнографический Отдѣлъ открылъ подпиську для сооруженія памятника на его могилѣ. Теперь памятникъ поставленъ и 19-го августа состоялось его освященіе при довольно торжественной обстановкѣ. Къ часу дня на Иисусовомъ кладбищѣ собралось человѣкъ 40—50 (въ прошломъ году на похоронахъ Шейна присутствовало всего 4 человѣка). Здѣсь были директоры всѣхъ трехъ рижскихъ гимназій, пять или шесть преподавателей, около двадцати гимназистовъ въ рядъ другихъ лицъ. Законоучитель Александровской гимназіи о. Соколовъ при пѣнѣ гимназического хора совершилъ наихицу и освященіе памятника, сказавъ послѣ церковнаго обряда пѣсколько словъ о заслугахъ покойного и о его любви къ всему русскому. Затѣмъ были возложены вѣнки на памятникъ отъ Александровской гимназіи директоромъ я Е. В. Бѣлаевскимъ, и отъ Этнограф. Отдѣла Император. Общ. Любит. Естествознанія членомъ отдѣла А. Е. Грузинскимъ, который при этомъ сказалъ слѣдующее:

«Сейчасъ мы совершили трогательный обрядъ, которому нельзя отказать въ серьезномъ общественномъ значеніи. Сооруженіемъ и освященіемъ памятника мы отмѣтили для будущихъ поколѣній могилу одного изъ выдающихся тружениковъ русской земли. Заботу, которая обыкновенно составляеть дѣло семьи и родныхъ усопшаго, здѣсь взяло на себя общественное учрежденіе (Памятникъ сооруженъ на средства, собранныя Этнографическимъ Отдѣломъ). И это не потому только, что у П. В. Шейна не осталось семьи, но потому, что вся жизнь и дѣятельность покойного была безраздѣльно отдана на служеніе русскому обществу, русскому народу. Надпись на памятнике говорить всякому, что почившій былъ собирателемъ памятниковъ народного творчества. Здѣсь не мѣсто раскрывать въ подробностяхъ значеніе дѣятельности П. В. Шейна въ этой области: онъ извѣстенъ главнымъ образомъ двумя громадными собраніями бѣлорусскихъ и великорусскихъ пѣсень и обрядовъ; семь большихъ томовъ его материаловъ изданы Ака-

демей наукъ и Географическимъ обществомъ, труды его неоднократно увѣничивались золотыми медалями отъ разныхъ учевыхъ обществъ, ни одна научная работа по народной лирикѣ не можетъ обойтись безъ собраній Шейна—все это краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что имя Шейна не забудется въ лѣтоискахъ русской науки. И дѣйствительно, сколько тысячъ народныхъ пѣсень, какія богатства языка и обрядовой старины навсегда охранены отъ забвенія въ его записяхъ и служать на потребу настоящихъ и будущихъ изслѣдователей русской народности; трудно даже представить себѣ, когда будетъ вполнѣ разработанъ наукой громадный матеріалъ, скопленный сорока лѣтнимъ неусыпнымъ трудомъ покойнаго. Но если плоды этого труда будутъ долго жить и давать благотворный стимулъ другимъ трудамъ въ научной сферѣ, этотъ памятникъ будетъ напоминать, гдѣ и когда вкусила вѣчный покой самъ труженикъ.

Въ его многострадальной жизни есть нѣсколько замѣчательныхъ особенностей. Судѣй угодно было, чтобы П. В. Шейнъ, по условіямъ своей работы почти всю жизнь провелъ въ разѣздахъ по Россіи и нигдѣ не свивавшій постоянраго гнѣзда, былъ наконецъ заброшенъ сюда въ чуждый ему городъ и вдали отъ друзей и знакомыхъ успокоился отъ своего жизненнаго скитальчества. Пусть же будетъ ему легка привавшая его земля.

Затѣмъ ему какъ будто сужено было явить въ себѣ символъ соединенія нѣсколькихъ ессѣма разнородныхъ элементовъ русского государства. Онъ былъ, какъ известно, еврей по происходженію, лютеранинъ по вѣроисповѣданію, владѣвшій съ дѣствія нѣмецкимъ языкомъ такъ же прекрасно, какъ и русскимъ, и, наконецъ, горячий поклонникъ и служитель русской народности по призванію. Национальные и вѣроисповѣдные особенности не мѣшиали ему идти своей дорогой. Еврейскій, нѣмецкій и народный русскій элементы какъ будто на образецъ сливались въ немъ и объединялись въ высшемъ единствѣ безкорыстныхъ умственныхъ интересовъ и искреннихъ жизненныхъ стремлений.

Наконецъ, послѣдняя особенность Шейна заставляла всѣхъ, звавшихъ его лично, удивляться его дѣятельности.

Надо представить себѣ, что такое значитъ собирать произведенія устной народной поэзіи. Это значитъ разѣзжать по городамъ, селамъ и деревнямъ, преимущественно забираясь въ глухіе углы, въ непроѣздныя и непролазныя мѣста, гдѣ парить тьма и дичь, но гдѣ живѣ до сихъ поръ старый укладъ жизни и съ нимъ старая пѣсня, старый обрядъ. Русскому собирателю приходится обладать энергией и здоровьемъ исключительными, такъ какъ иногда его дѣятельность прямо напоминаетъ какую-нибудь географическую экспедицію въ глубь неизслѣдованной страны. Мы знаемъ, что Гильфердингъ надорвалъ свои силы и умеръ на второмъ году своихъ энергичныхъ поисковъ за былинами въ Олонецкомъ краѣ.

Теперь представьте себѣ, что подобной дѣятельностью сорокъ лѣтъ подъ рядъ занимался человѣкъ, не имѣвшій для этого никакихъ денежныхъ средствъ, кроме сбереженій отъ скучного заработка учителя гимназіи, а главное, человѣкъ, всю жизнь проболѣвшій, полукалѣка, съ дѣтскихъ лѣтъ лишенный свободного владѣнія руками и ногами. И этотъ человѣкъ сдѣлалъ въ своей области такъ много, что имя его, какъ собирателя, занимаетъ почетное мѣсто среди извѣстныхъ имёнъ Кирѣевскаго, Рыбникова, Афанасьевъ, Гильфердинга и Безсонова. „Работай честно въ мѣру силъ своихъ, какъ бы налы онѣ ни были—этого достаточно для полнаго нравственного оправданія всей твоей жизни“—вотъ принципъ, который можетъ примѣнить къ себѣ каждый человѣкъ. Жизнь П. В. Шейна даетъ въ этомъ отношеніи высоко ободрающій и поучительный примѣръ. Въ самомъ дѣлѣ, кто опредѣлитъ мѣру силъ человѣческихъ, когда онѣ всю жизнь одушевляются горячай любовью и честнымъ служеніемъ излюбленной идеѣ.

Возлагая на могилу вѣночъ отъ Этнографического Отдѣла, считаю долгомъ выразить отъ имени Отдѣла глубокую благодарность Е. В. Бѣляевскому и С. В. Кузнецовой, потрудившимся съ любовью и охотой при сооруженіи памятника».

Отъ предсѣдателя отдѣла проф. В. О. Миллера была получена телеграмма. Говорили рѣчи Е. В. Бѣляевскій и преподаватель г. Васильевъ. Одна изъ дамъ украсила могилу букетомъ цветовъ. Памятникъ представляетъ изъ себя высокій крестъ изъ прекраснаго темнаго гранита на пьедесталѣ-кубѣ; на одной сторонѣ пьедестала высѣчено золотыми буквами: „П. В. Шнейнъ, собиратель памятниковъ русскаго народнаго творчества. 1826—1900“; на другой—„Памятникъ поставленъ въ 1901 году почитателями научныхъ трудовъ Шнейна“. Солидный памятникъ, болѣе сажени въ вышину, обошелся около 320-ти р.; денегъ, собранныхъ Этнографическимъ Отдѣломъ, не хватило на прочную рѣшетку, и могила обнесена временнной проволочнной оградой. Е. В. Бѣляевскій въ своей рѣчи заявилъ, что среди рижанъ открывается подпіска на устройство рѣшетки и поддержаніе въ порядкѣ могилы, и выразилъ уверенность, что Рига достойнымъ образомъ будетъ заботиться о могилѣ выдающагося труженика въ области русской этнографіи. Прибавимъ, что съ памятника была снята фотографія, помѣщенная въ одномъ изъ ближайшихъ иллюстрированныхъ прибавленій къ газ. „Новое Время“.

Проектъ международнаго бібліографическаго указателя по этнографії. Разростающаяся съ каждымъ годомъ литература по этнографії и тѣсно соприкасающихся съ нею наукъ: антропологіи, доисторической археологіи, географіи и др., принимаетъ такие размѣры, что услѣдить за нею занимающимся данной наукой или хотя бы одной отраслью ея становится все болѣе затруднительнымъ.

Отдельные учевые общества, авторы и редакторы специальныхъ книгъ и изданій стараются помочь дѣлу, обогащая библіографическимъ материаломъ свои изданія и книги. Но едва ли возможно отрицать, что какъ ни великъ трудъ, предпринятый отдельными лицами, результатъ ихъ работы далеко не является совершеннымъ. Поэтому заслуживаетъ вниманія небольшая замѣтка библіотекаря Лондонскаго Anthropological Institute N. W. Thomas'a въ № 3 LXXX тома Globus'a за 1901, г. Указывая на сравнительно малую плодотворность библіографическихъ работъ, предпринимаемыхъ въ отдельныхъ странахъ по этнографіи (Thomas употребляетъ наименование: антропологическая науки, слѣдя принятой многими английскими учеными терминологіи), на то, что нерѣдко отдельные лица съ большой затратой силъ продѣлываютъ одну и ту же работу (онъ приводить въ видѣ примѣра библіографические указатели по соматической антропологии Деникера и Риплея)—онъ высказываетъ очень интересную мысль о созданіи международного библіографического органа. Въ самомъ дѣлѣ, отчего ту работу, которую берутъ теперь на себя различные учевые общества въ многочисленныхъ странахъ земного шара, отдельная периодическая изданія и пр., вѣ производить сообща, совмѣстными силами. Трудности при составленіи болѣе или менѣе полной библіографіи очень велики. Даже получше обставленныя ученыя общества и редакціи отдельныхъ специальныхъ изданій въ Западной Европѣ получаютъ далеко не всѣ выходящія новинки, обмѣниваются лишь съ малой сравнительно частью выходящихъ въ свѣтъ изданій, посвященныхъ тѣмъ же вопросамъ, какъ они. Упомянемъ хотя-бы богатую литературу по этнографіи въ широкомъ смыслѣ слова, появляющуюся въ различныхъ европейскихъ колоніяхъ, образцы которой не всегда можно достать въ библіотекахъ многихъ заграничныхъ ученыхъ обществъ и редакціяхъ иностранныхъ этнографическихъ журналовъ. Говорить нечего объ ученыхъ обществахъ Россіи, въ которыхъ обмѣнъ съ иностранными, даже европейскими изданіями обставленъ далеко не блестяще. Сознавая, какія трудности, даже въ одномъ материальномъ отношеніи, представляло бы для одного какого нибудь ученаго общества создание полнаго периодического международного библіографическаго указателя, N. W. Thomas предлагаетъ соединиться для этой цѣли всѣмъ заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ ученымъ обществамъ. Практически осуществление такого указателя представляется ему въ слѣдующемъ видѣ. Каждое ученое общество, членъ предприятия, вносить ежегодно опредѣленную сумму денегъ на покрытие расходовъ по изданію. Зато оно получаетъ извѣстное количество экземпляровъ указателя, которое оно, по желанію, можетъ распродавать или раздавать между своими членами. Извѣстное количество экземпляровъ пускается въ продажу отъ главной редакціи; но и каждому ученому обществу разрѣшается заказывать за свой счетъ желательное число экземпляровъ.

и продавать ихъ отъ себя, по истечениі устоившаго по взаимному соглашенію съ главной редакціей срока. Каждое ученое общество, принимающее участіе въ изданіи, обязуется слѣдить за текущей литературой въ данной странѣ или частью ея и доставлять въ редакцію международного библиографического указателя библиографические карточки не только по вышедшимъ трудамъ, но и по періодическимъ изданіямъ. Каждая карточка не ограничивается указаниемъ названія сочиненія, года и мѣста изданія, формата и пр. но заключаетъ въ себѣ и краткій перечень содержанія. Не останавливаясь на проектируемой Thomas'омъ виѣшней формѣ указателя, т. ѿ., несмотря на ея тщательность и продуманность, она, быть можетъ, вызоветъ нѣкоторыя возраженія и поправки—нельзя не пожелать скорѣйшаго осуществленія интересной мысли англійскаго ученаго. Thomas предлагаетъ еще въ видѣ приложенийъ къ международному антропологическому указателю добавить особый отдѣлъ: сообщенія о новыхъ пріобрѣтеніяхъ во всѣхъ музеяхъ. Нечего говорить, какую цѣну имѣть бы такой отдѣлъ для занимающихся этнографіей. Предложеніе свое Thomas дѣлаетъ отъ лица Anthropological Institute и Folk Lore Society въ Лондонѣ, члены которыхъ изъявили уже свое согласіе на совмѣстную работу въ случаѣ осуществленія плана Thomas'a. Заявленіе о желаніи присоединиться къ названнымъ обществамъ и запросы Thomas просить сообщить по слѣдующему адресу: London, 3, Hannover Square W. Anthropological Institute, N. W. Thomas.

Преміи имени М. И. Михельсона. Отдаළеніе русскаго языка и словесности ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ, на основаніи § 9 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона, доводитъ до общаго свѣдѣнія, что въ настоящее конкурсное трехлѣтіе (1900—1903 гг.) назначены слѣдующія задачи:

1. *Тюркские элементы въ русскомъ языке до-татарскою на-шествіемъ.* Выясненіе, какія слова тюркскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языке, восходятъ къ общеславянской эпохѣ.—Определеніе словъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ изъ тюркскихъ нарѣчій до татарского нашествія, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго, и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ тюркскихъ словъ можно относить ко времени, предшествующему образованію этихъ вѣтвей русскаго языка; 2) систематического изслѣдованія русскихъ памятниковъ, отъ начала письменности до середины XIII в., со стороны встрѣчающихся въ нихъ заимствованій изъ тюркскихъ нарѣчій. Кроме словъ тюркскаго происхожденія, изслѣдованію подлежать и тѣ иноzemныя слова, которые вошли въ русскій языкъ черезъ посредство тюркскихъ нарѣчій. При определеніи тѣхъ или другихъ за-

имствованій, должно имѣть въ виду точное, по возможности, пріуроченіе ихъ къ тѣмъ діалектическимъ разновидностямъ, которыя представляли тюркскіе говоры¹⁾). Впрочемъ, въ виду сравнительной скучности матеріала для древнѣйшихъ временъ русской письменности, а также трудности хронологического пріуроченія иѣкоторыхъ словъ, изслѣдователю разрѣшается переступить за предѣлы эпохи татарскаго нашествія, ограничиваясь однако тѣмъ условіемъ, чтобы разбираемое слово представляло собою достояніе всего русскаго языка, а не одного или немногихъ говоровъ, въ которые оно могло войти вслѣдствіи, и чтобы оно вообще имѣло признаки, позволяющіе допустить возможность его принадлежности къ порѣ до-татарскаго періода.

2) *Германскіе, латинскіе и романскіе элементы, вошедши въ русский языкъ до XV вѣка.* Определеніе различныхъ эпохъ, къ которымъ можетъ быть пріурочено заимствованіе этихъ элементовъ. Выясненіе, какія слова германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языке, восходятъ къ общеславянской эпохѣ.—Какими путами шли заимствованія изъ этихъ языковъ въ русскій (Варяги, Рига, Польша и т. д.)? Определеніе словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, вошедшихъ въ русский языкъ до XV вѣка, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ германскихъ, латинскихъ и романскихъ словъ могутъ восходить къ эпохѣ до XV вѣка; 2) систематической выборки изъ русскихъ памятниковъ до XIV вѣка включительно словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія. Примѣчаніе: Ученая работа, посвященная изслѣдованию однихъ только германскихъ заимствованій, можетъ быть также удостоена преміи.

3) *Западное влияніе на русский языкъ въ Петровскую эпоху.* Определеніе путей, которыми въ Петровскую эпоху шли заимствованія изъ западноевропейскихъ языковъ.—Систематическая выборка заимствованныхъ словъ изъ какого-нибудь, опредѣленнаго самимъ изслѣдователемъ, круга произведеній письменности Петровской эпохи (актовъ, узаконеній, учебниковъ, писемъ и литературныхъ произведеній), съ указаниемъ происхожденій этихъ словъ (слова нѣмецкія, шведскія, голландскія, польскія и т. д.).

4. *Уменьшительныя, увеличительныя и т. п. имена въ русскомъ языкѣ.* Списокъ суффиксовъ, посредствомъ которыхъ образуются уменьшительныя, увеличительныя, ласкательныя, презрительныя и т. п. имена существительныя (нарицательныя и собственные) и прилагательныя въ литературномъ русскомъ языкѣ

¹⁾ Результаты изслѣдованія (слова иностраннаго происхожденія, заимствованыя въ русскій языкѣ) должны быть расположены въ словарномъ порядкѣ.

и въ говорахъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ. Возстановленіе древнѣйшихъ (обще-славянскихъ) звуковыхъ формъ этихъ суффиксовъ. Родственные суффиксы однородныхъ именъ въ другихъ славянскихъ языкахъ и въ главныхъ изъ индо-европейскихъ языковъ.

§§ 4, 5 и 7 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона. Премія имени М. И. Михельсона устанавливаются трехъ разрядовъ: въ 1000 р., 500 р. и 300 р.

Преміи имени М. И. Михельсона присуждаются каждые три года, начиная съ 16 декабря 1900 года. Сочиненія на с поисканіе этихъ премій должны быть представлены не позднѣе 1 марта послѣдняго года конкурснаго трехлѣтія *).

На поисканіе премій имени М. И. Михельсона допускаются какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и славянскихъ языкахъ, удовлетворяющія задачамъ, объявленнымъ при началѣ каждого конкурснаго трехлѣтія особою комиссіею, которая образуется при Второмъ Отдѣленіи ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ.

Въ Инсбрукѣ, 9-го марта, скончался на 98 году жизни талантливый галицко-русскій писатель и общественный дѣятель, послѣдній могиканъ славянскихъ дѣятелей начала прошлаго вѣка, при которыхъ началась эпоха возрожденія славянства, Адольфъ Ивановичъ Добрянскій. Добрянскій считается начинателемъ угорско-русскаго возрожденія. Своихъ симпатій къ Россіи онъ никогда не скрывалъ и за это былъ вынужденъ бѣжать въ Галичину, откуда вернулся въ 1849 г. въ Венгрию, выѣхавъ съ русскими войсками, прибывшими для подавленія возстанія мадьяръ. Добрянскій былъ во главѣ русской депутаціи, заявившей австрійскому правительству желанія своего народа: автономія Угорской Руси, равноправность съ мадьярами, учрежденіе русскихъ школъ, университета во Львовѣ и пр. Въ 1864 году имъ было основано „Общество св. Василія Великаго“, поставившее себѣ задачею издавать книги для церкви и школы. Находясь во главѣ этого общества, Добрянскій предпринялъ изданіе руссофильской газеты „Свѣтъ“, которую и руководилъ въ теченіе многихъ лѣтъ. По-коный, несмотря на почетный служебный постъ начальника департамента, до конца дней своихъ состоялъ подъ надзоромъ австрійской полиціи, какъ опасный руссофиль. („Россія“).

26-го июля скончался въ Сайгонѣ (франц. Кохинхина) принцъ Генрихъ Орлеанскій (род. въ 1867 г.). Онъ прославилъ

*) Сочиненія на объявленныя выше задачи должны быть представлены не позднѣе 1-го марта 1903 года—печатныя въ двухъ, рукописныя въ одномъ экземпляре и адресованы за имя Непремѣннаго Секретаря ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ.

свое имя трудными путешествиями въ неизслѣдованныхъ мѣстахъ Азіи и Африки. Мысль о путешествіи пробудилась у него случайно, вслѣдствіе неудачной попытки его въ 1889 году вступить въ ряды французской арміи. Вынужденный покинуть Францію, онъ предпринялъ вмѣстѣ съ Бонвало продолжительное путешествіе въ Среднюю Азію. Въ 1892 году онъ совершилъ поїздку въ Индокитай и на Мадагаскарь. Вернувшись оттуда, онъ началъ издавать свои замѣтки, представляющія большой научный интерес. Полный кипучихъ силъ, молодой принцъ въ 1895 году уѣхалъ въ третье путешествіе, изслѣдоваль теченіе рѣки Меконга и опредѣлилъ точное положеніе истоковъ рѣки Иравадди. Ему удалось также доказать несостоительность плана англичанъ провести желѣзную дорогу, которая, начинаясь у долины Брамапутры, должна была пересѣчь Бирманью и, такимъ образомъ, соединить Индію съ южными провинціями Китая. Эти изслѣдованія имѣли большое значеніе для французской колоніальной политики, вслѣдствіе чего Географическое Общество (въ Парижѣ) присудило ему большую золотую медаль; оно ходатайствовало также передъ правительствомъ о награжденіи его орденомъ Почетнаго Легіона, что въ свое время возбудило въ Парижѣ много толковъ. Въ 1897 г. принцъ Генрихъ занялся изслѣдованіемъ Центральной Африки, для чего онъ образовалъ въ Бельгіи вмѣстѣ съ Леонтьевымъ общество для эксплоатации богатствъ экваторіальныхъ провинцій Абиссиніи. Неблагопріятныя сужденія его обѣ итальянской арміи въ Абиссиніи вызвали дуэль съ графомъ Турнискимъ. Въ этомъ году принцъ намѣревался изслѣдовать Манджурію и Корею, преслѣдуя скорѣполитическая, чѣмъ экономическая цѣли. Онъ живо интересовался политическими осложненіями на дальнемъ востокѣ, такъ какъ думалъ, что Франція, какъ обладательница Индокитая, должна играть главную роль въ ихъ разрѣшеніи. На пути въ Корею онъ остановился въ Авнамѣ, и во время охоты на дикихъ козъ у него обнаружилась серьезная болѣзнь, сведшая его въ могилу. Наблюденія свои принцъ Генрихъ издалъ въ нѣсколькихъ работахъ: *Six mois aux Indes* (1889), *Une excursion en Indo-China* (1892), *Autour de Tonkin* (1893), *A Madagaskar* (1895). Кромѣ того, онъ сотрудничалъ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ (напр., *Le Figaro*). Изъ „H: bladet“. Вл. Г.

Газета *Göteborgs Handelstidning* получила отъ Свенъ Гедина изъ Чарклика (*Tjarkhlik*) письмо, отъ 27-го апрѣля нов. ст., въ которомъ онъ сообщаетъ о своемъ послѣднемъ путешествіи и высказываетъ планы о будущемъ. Путешествіе длилось четыре мѣсяца; дорога шла черезъ совершенно неизслѣдованныя части Азіи; увѣличалось путешествіе многими важными открытиями.

Пройдя насквозь обширную пустыню Гоби въ направлениі къ

западу отъ города Са-джео, путешественники наши очутились на съверѣ среди гористой мѣстности въ очень затруднительномъ положеніи: въ теченіе двѣнадцати дней, на протяженіи 36—48 миль не было ни капли воды, и только наконецъ уже въ одномъ ущельѣ сыскали сиѣжная залежи, утолившія жажду. Такъ, благополучно подошли путешественники къ источнику, извѣстному у окрестныхъ жителей подъ именемъ Алтымышъ-булакъ, у которого Гединъ былъ уже раньше. Оттуда путешественники направились къ открытымъ еще въ прошломъ году развалинамъ. Среди сохранившихся трехъ зданій лежали развалины домовъ, храма, мастерскихъ и громадной башни, расположенной у нѣкогда шумной торговой дороги черезъ Са-джео, между Китаевъ и восточнымъ Туркестаномъ. Эта дорога шла возлѣ съверного берега озера (теперь высохшаго) Лобъ-норъ, которое Гединъ подвергъ внимательному изслѣдованію. Въ развалинахъ было найдено множество интересныхъ, отчасти цѣлыхъ, отчасти фрагментарныхъ китайскихъ рукописей, 30 небольшихъ палочекъ изъ тамариска, на которыхъ власти опреѣляли налогъ, взыскиваемый съ жителей. Одинъ китаецъ смотрѣлъ рукописи и опредѣлилъ, что это частная переписка; въ письмахъ встрѣчается много географическихъ именъ; кроме того, они всѣ датированы. Китаецъ утверждалъ, что они написаны лѣтъ 800 тому назадъ. Въ Чаркликѣ Свенъ Гединъ снаряжаетъ огромный караванъ состоящий изъ 38 верблюдовъ, 24 лошадей, 7 муловъ и 70 ословъ; 20 мусульманъ, 4 казаковъ и 2 ламъ, которые будутъ служить въ Тибетѣ переводчиками. „У меня будетъ пышная свита,“ пишетъ Свенъ Гединъ. „Мы выступаемъ черезъ недѣлю и идемъ черезъ Тибетское плоскогорье къ истокамъ рѣки Инда; вѣроятно, гдѣ-нибудь въ удобномъ мѣстѣ мнѣ и будетъ дано позволеніе перезимовать. Тѣмъ временемъ я думаю неадолго сѣѣдить въ Индію. Когда дорога очистится отъ снѣга, мы сновадвигаемся черезъ Ладахъ (Ladah) и Каракорумъ къ Кашгару; тутъ я распускаю свой караванъ и возвращаюсь домой. Вообще, путешествіе черезъ Тибетъ не изъ легкихъ; возможно, что большая часть скота падеть въ дорогѣ, но я льщу себя, что никогда еще не снаряжалось такого каравана въ ту страну, которую, сверхъ того, я довольно хорошо знаю. Въ географическомъ отношеніи это будетъ богатое путешествіе, которое уже теперь обнаруживаетъ важные слѣдствія. Топографическія карты мѣстности занимаютъ уже 730 листовъ и могутъ быть опубликованы только въ видѣ большого атласа. Я не считаю кромѣ того тѣхъ картъ, которыя выполнены казаками; самъ я не былъ въ тѣхъ мѣстахъ, но я желалъ собрать свѣдѣнія и о нихъ. Не мало времени потребуется и для обработки научного материала, собранного мною“.

Въ Туркестанскихъ Въдомостяхъ напечатано письмо извѣстного путешественника Свена Гедина отъ 19-го июля.

Письмо помѣчено подвожьемъ Арката, въ Сѣверномъ Тибетѣ. Отсюда Свенъ Гединъ намѣревался двинуться дальше по направлению на Ладьюку для изслѣдованія истоковъ Инда. Весною будущаго года онъ думаетъ вернуться черезъ Кашгаръ въ Ошъ. Въ Кашгаръ уже прибылъ караванъ изъ 15-ти лошадей, который привезъ туда коллекціи, карты, снимки и дневники Гедина,— результаты его двухъѣтнихъ изслѣдованій.

„Русск. Вѣд.“.

Какъ сообщаетъ парижскій корреспондентъ „Svenska Dagbladet“, финляндскій скульпторъ, Э. Викстрѣмъ усиленно работаетъ надъ статуей Лѣнирота.

Главная фигура, изображающая Лѣнирота во весь его ростъ въ будничной одеждѣ, правда, еще не готова. Скоро однако скѣльпторъ начнетъ отливать женскую фигуру, олицетворяющу финскую лирику (Кантелетарь). Онъ вдохновился легендой о Вейнемайненѣ, встрѣтившемъ въ лѣсу молодую девушку, которая предложила ему свои золотые волосы на струны кантеле. Усевшись въ лѣсу, девушка прислушивается къ шуму вѣтра. Голова ея слегка поднята вверхъ; опершись правой рукой о колѣно, она закручиваетъ свои развѣвающіеся волосы. Девушка одѣта въ древне-финскій нарядъ, обнаруживающій выразительныя, рѣзкія линіи ея тѣла. Отъ всей фигуры, созданной скѣльпторомъ, вѣть тихимъ раздумьемъ.—Съ другой стороны будетъ представленъ, какъ извѣстно, пѣвецъ Вейнемайненъ, простирающій лѣвую руку къ Лѣнироту.

Изъ „H. bladet.“ Вл. Г.

Финское литературное общество поручило доктору Ф. Швидту приготовить къ печати работу, подъ названіемъ „Финскія ленты“, которая явится продолженіемъ его труда „Финскія украшенія“. Вероятно, въ связи съ этимъ стоитъ его этнографическая поѣзда въ Западную Финляндию и Эстерботнію.

Учителю И. Хейхе (Найхѣ), автору книги: „Очерки изъ жизни восточной Финляндіи“ (въ 5 частяхъ) Финское литературное общество опредѣлило выдать награду въ 400 марокъ.

Изъ „H. bladet.“ Вл. Г.

Въ теченіе трехъ лѣтъ д-ръ Г. Пасоненъ пользовался отъ Александровского университета (въ Гельсингфорсѣ) стипендией имени Розенберга (8000 мар. въ годъ). Это время онъ употребилъ на изученіе языковъ финскихъ и нородцевъ (мордвы, черемисовъ, остяковъ, чувашей, мещеряковъ). Съ начала августа 1900 года онъ провелъ околодевяти мѣсяцевъ сперва въ Демьянскомъ, затѣмъ въ Сургутѣ, изучая вмѣстѣ съмаг. К. Карьялайненомъ

кондскій и юганскій діалекты остицкаго языка. Успілія д-ра Паасонена направлены были на собираніе словарного и фольклорного материала, ув'ичавшееся богатыми результатами, такъ какъ д-ръ Паасоненъ поручилъ записи грамотнымъ мордовцамъ и чувашамъ, которымъ были назначены небольшія стипендіи оть Финско-угорского общества. Д-ръ Паасоненъ впослѣдствіи самъ провѣрилъ извѣстную часть ихъ записей. Лѣтомъ онъ ненадолго заѣжалъ въ Финляндію, послѣ чего предпринялъ новое путешествіе къ мордвѣ. Консисторія Гельсингфорсскаго университета продолжила ему стипендію еще на годъ, до окончанія его изслѣдований.

Изъ „Finnisch-Ugrische Forschungen“. Вл. Г.

30-го сентября нов. ст. въ Або былъ открытъ памятникъ на могилѣ недавно умершаго секретаря Финского литературного общества, Ф. В. Рутстена, о значеніи которого делегатъ Общества, проф. К. Кронъ произвѣсь выразительную, задушевную рѣчь. Ревностный работникъ, Рутстенъ отдалъ всѣ свои силы на служеніе родинѣ. Молодымъ магистромъ онъ основалъ въ 1862 году среди западно-финскаго студенческаго землячества кружокъ „друзей свободы“, члены которого обязывались говорить между собою по-фински (права гражданства были дарованы финскому языку Императоромъ Александромъ II въ 1863 году). Избранный въ 1870 году секретаремъ Финского литературного общества, Рутстенъ неизмѣнно поддерживалъ идею народности, насаждая въ странѣ образованность. Широкій умъ его охватывалъ различныя области знанія; подъ его редакціей вышла большая часть изданій Общества (словари, сборники законовъ, землемѣрческія руководства, произведенія народной литературы). Самъ онъ съ особеною любовью комментировалъ первое дешевое изданіе „Калевали“¹, такъ какъ ясно понималъ всю важность для народа этого памятника. Онъ не забылъ свой вародъ и передъ смертью, завѣщаю Обществу 15000 мар. на народное изданіе „Нового Завѣта“ и „Псалтири“. Какъ человѣкъ, Рутстенъ былъ очень отзывчивъ; онъ съ величайшей услужливостью помогалъ и словомъ, и дѣломъ. Онъ былъ также очень скроменъ: несмотря на то, что университетъ неоднократно хотѣлъ поднести ему титулъ почетнаго доктора, Рутстенъ упорно отказывался, находя, что его работа слишкомъ ничтожна. Были однако въ характерѣ его странности. Онъ рѣдко являлся въ обществѣ, принимая у себя посѣтителей только въ опредѣленные дни; когда уже кончался срокъ приема, Рутстенъ пожималъ плечами и говорилъ: „извините, но время—деньги“, намекая тѣмъ, что какъ ему самому, такъ и гостю торопливо...

Изъ „H: bladet“. Вл. Г.

Какъ извѣстно, весною вернулся въ Финляндію магистръ философіи, Г. Рамстедтъ, который въ теченіе трехъ лѣтъ находился въ Азіи, изучая монгольскій языкъ. Онъ намѣревался теперь издать подробный разсказъ о своемъ путешествіи, предпринятомъ главнымъ образомъ съ филологическими цѣлями; но до сихъ поръ онъ еще не можетъ приступить къ работѣ, такъ какъ пропали всѣ веденія имъ замѣтки, коллекціи и библіотека. Дѣло въ томъ, что незадолго до своего отѣзда на родину съ дальн资料 vостока, магистръ Рамстедтъ отправилъ изъ Иркутска въ Або посылку, вѣсомъ въ 115 кгр., заключавшую въ себѣ его дневникъ, филологическія наблюденія (между прочимъ, материалы для словаря монгольского языка), фотографіи, фонографическая запись монгольскихъ народныхъ пѣсенъ и т. д. Однако, несмотря на неоднократныя спрѣки, о посылкѣ ничего неизвѣстно; вѣроятно, она пропала на сибирской желѣзной дорогѣ. Магистръ Рамстедтъ обращался уже въ Петербургъ въ управлѣніе желѣзныхъ дорогъ, и его обнадежили, что посылка будетъ розыскана, хотя пока еще обѣщаніе не увѣличилось успѣхомъ. Поэтому, маг. Рамстедтъ думаетъ предъявить искъ въ размѣрѣ стѣмости утерянной посылки (свыше 6,000 рубл.).

„Изъ „Н: bladet“. В. А. Г.

Акционерная издательская фирма „Сёдерстрёмъ и Ко“ задумываетъ обширный трудъ, подъ названіемъ: „Наша страна. Справочная книга о Финляндіи“.

Какъ ученые общества, такъ и отдельные лица получили отъ фирмы предложеніе содѣствовать такъ или иначе изданію, потребность въ которомъ давно уже ощущается. Изданіе явится вѣрнымъ путеводителемъ на почвѣ отчизновѣдія, въ развитіи и распространеніи котораго заключается глубокій национальный смыслъ. Программа изданія такова: 1) природа Финляндіи (географія, гидрографія, флора, фауна и т. д.), 2) исторія, археологія, этнографія и фольклоръ, 3) государственное устройство, соціальное положеніе, статистика, земледѣліе, мореходство, торговля, промышленность, 4) наука, литература и искусство.

Издание будетъ выходить выпусками на шведскомъ и, быть можетъ, на финскомъ языкахъ.

Изъ „Н: bladet“. В. А. Г.

Стипендіаты Александровского университета (въ Гельсингфорсѣ), магистры Поппіусъ и Кайндеръ, отправившіе весною въ Сибирь для естественно-историческихъ наблюдений, наслѣдовали въ теченіе лѣта мѣстности по теченію рѣки Лены, отъ Якутска къ устью. Теперь они уже находятся въ Олекминскѣ на пути изъ Якутска въ Иркутскъ.

Изъ „Н: bladet“. В. А. Г.

Въ началѣ сентября въ Финляндіи была норвежская публицистка, Альма Хелльсетъ (Kjeldseth), которая направляетъ сѣшкомъ въ Парижъ. Предпринявъ такое тяжелое путешествіе, чтобы доказать выносливость женщины, Хелльсетъ внимательно присматривается къ мѣстному быту, такъ какъ по возвращеніи на родину она думаетъ издать свои впечатлѣнія. Какъ жалуется сама А. Хелльсетъ, на пути среди финского населенія у нея бывали недоразумѣнія, затруднившія ея.

Изъ „Н: bladet“. Вл. Г.

Семья Планеровъ устроила подъ Лютценомъ музей, въ которомъ собраны различные предметы (преимущественно шведскіе), изъ времени тридцатилѣтней войны и битвы при Лютценѣ. Брать нынѣшняго владѣльца музея, воспитанный въ преклоненіи передъ Сѣверомъ, собирается создать грандиозный музей, посвященный всестороннему изображенію Скандинавскаго края и Финляндіи.

Изъ „Н: bladet“. Вл. Г.

Доцентъ Александровскаго университета, докторъ Г. Вихманъ предпринялъ путешествіе въ Россію, для изученія вырланскаго языка. Съ этой цѣлью ему назначена т. и. Александровская стипендія.

Изъ „Н: bladet“. Вл. Г.

Благодаря большими пожертвованіямъ, государственному университету въ Берклэ (Berkeley), въ Калифорніи удалось учредить профессуру индѣйской филологии и антропологии, занятую чѣмецкими учеными, докторомъ А. Л. Крѣберомъ. Ему поручено собрать пѣсни и легенды разныхъ индѣйскихъ племенъ. Знаменитымъ предшественникомъ въ этой области является докторъ Фр. Боасъ (Franz Boas), работающій при естественно-историческомъ музѣ въ Нью-Йоркѣ. Докторъ Боасъ въ теченіи многихъ лѣтъ изучалъ индѣйскія племена въ сѣверо-западной части Америки.

Докторъ Крѣберъ предполагаетъ начать свои изысканія съ Калифорніи, где еще живеть много индѣйцевъ.

Изъ „Н: ы“. Вл. Г.

Докторъ А. О. Хейкель производилъ лѣтомъ въ Вазаской губерніи раскопки, увѣнчавшіяся богатыми результатами; было найдено много предметовъ, какъ-то: сельскія орудія, оружіе, украшенія. Въ селеніи Ёвермалакъ сохранилось до 70 грудъ камней, извѣстныхъ подъ именемъ могиль великановъ; въ нѣкоторыхъ сложены кучи костей (это, очевидно, курганы), между тѣмъ какъ другія служили, повидимому, жильемъ, такъ какъ въ нихъ были найдены очаги. Вообще, Малакъ, какъ думаетъ

докторъ Хейкель, представляетъ огромное значение для определенія доисторического быта Финляндіи, бѣдной историческими документами.

Изъ „Н. вѣ“. Вѣ. Г.

Надъ могилой общественного дѣятеля, ревнителя финского языка, проф. Якко Форсмана (1839—1899) „Финское литературное общество“ воздвигло недавно памятникъ, при открытии которого сенаторъ А. Генетцъ (бывшій профессоръ) произнесъ рѣчь, набросавъ передъ слушателями обликъ покойного.— Какъ известно, Я. Форсманъ завѣщалъ Обществу значительный капиталъ, проценты съ которого будутъ выдаваться въ премію на труды, разрабатывавшіе вопросы политической экономіи, и за общедоступныя юридическія изданія.

Изъ „Н. вѣ“. Вѣ. Г.

Д-ръ Яльмаръ Аппельгренъ посѣтилъ въ мартѣ и апрѣль русскіе музеи, для сравнительно-археологическихъ наблюдений.

Главною его цѣлью было сравнить недавнія находки въ Западной Финляндіи съ предметами, хранившимися въ нашихъ музеяхъ, чтобы реставрировать древнее западно-финское одѣяніе. Такую же работу предпринялъ д-ръ Ф. Швандтъ въ Кареліи.

Изъ „Finn.-Ugr.Forsch.“. Вѣ. Г.

На засѣданіи „Шведскаго общества отчизновѣдѣнія“ (Svenska landsmålsföreningen), происходившемъ подъ предсѣдательствомъ доцента Г. А. Венделля, проф. А. О. Фреуденталь сообщилъ, что онъ окончилъ порученную ему Обществомъ работу о различіяхъ между собственно-шведскимъ и шведскимъ языками, на которомъ говорятъ въ Финляндіи. Работа будетъ издана „Шведскимъ литературнымъ обществомъ“.

Изъ „Н. вѣ“. Вѣ. Г.

Финляндскій сенатъ назначилъ Финскому археологическому обществу пособіе въ 1.500 марокъ на художественно-историческую экспедицію, предположенную въ предѣлахъ Або-Бѣрнеборгской губ. (между Або и Раумо).

Изъ „Н. вѣ“. Вѣ. Г.

Финскій ученый, докторъ А. О. Хейкель предпринялъ въ началѣ сентября этнографическую поѣздку въ Прябалтійскій край. Путь, намѣченный имъ, идетъ черезъ Рагѣ (Rågö), монастырь Цадисъ, Гапсалъ, большія озера, расположенные по западному берегу Эстляндіи, къ ливамъ, оттуда въ Сетукесенъ (въ Плескунѣ) и въ Везенбергъ черезъ Дерпть. Докторъ Хейкель предполагаетъ совершиТЬ путешествіе въ два мѣсяца.

Изъ „Н. вѣ“. Вѣ. Г.

4-го октября, подъ предсѣдательствомъ проф. И. Р. Аспелина, происходило засѣданіе Финскаго археологическаго общества, на которомъ секретарь, магистръ Ю. Айліо указалъ на многочисленныя археологическія находки, переданныя въ теченіе лѣта въ Общество. Стипендиатъ Общества, маг. Саксенъ сообщилъ о своемъ путешествіи на Аландскіе острова, для изученія названій мѣстностей. Магистръ Саксенъ занять вообще вопросомъ о шведской колонизаціи въ Финляндіи. Другіе стипендиаты Общества: магистры А. Тавастшерка и Я. Кекконенъ, студентъ У. Уллбергъ поѣхали лѣтомъ русскую Карелію. Они привезли съ собой много чертежей, изображающихъ мѣстныя постройки, и орнаменты; кроме того, они собрали много старинныхъ предметовъ; между прочимъ, имъ удалось достать монету времени императора Августа. Изъ той же Кареліи народный учитель, М. Тукко, прислалъ коллекцію изъ 159 рисунковъ различныхъ этнографическихъ предметовъ.

Въ общество поступили біографические материалы о нѣкоторыхъ лицахъ, вышедшихъ изъ народа.

Докторъ Я. Аппельгренъ заявилъ, что во время своего лѣтняго путешествія въ Россію онъ завязалъ сношенія съ русскими археологическими обществами.

Магистръ О. Алленіусъ сдѣлалъ на засѣданіи докладъ о нѣкоторыхъ монетныхъ собраніяхъ изъ университетскаго нумизматического кабинета. Работая надъ каталогизаціей, онъ открылъ 70 нѣмецкихъ монетъ, до сихъ поръ еще не описанныхъ.

Изъ „Н.: ы.“ Вл. Г.

По порученію „Шведскаго литературного общества“ ректоръ Э. Лагусъ составилъ каталогъ фольклорныхъ собраній Общества. Всего въ распоряженіи Общества находится 79 собраній, изъ которыхъ 34 записано въ Эстерботніи, 29 — въ Западной Финляндіи и 16 — въ Нюландѣ. Въ собраніи народныхъ произведеній участвовало 28 стипендиатовъ Общества; отъ 14 лицъ Общество пріобрѣло нѣсколько этнографическихъ коллекцій. Расходы Общества, — основанного въ 1884 году, — на изученіе фольклора достигли 12,722 марокъ (около 5000 рублей). Изъ „Н.: ы.“ Вл. Г.

На проходившемъ недавно засѣданіи Финско-угорского общества, предсѣдатель проф. О. Доннеръ заявилъ, что И. Квигстадъ, известный знатокъ лапландскаго языка, прислалъ изъ Тромсѣ большое собраніе произведеній народной лапландской литературы.

Изъ „Н.: ы.“ Вл. Г.

Эстонская газета „Postimies“ сообщаетъ, что д-ръ И. Хуртъ, бывшій весною съ членами „Ученаго Эстонскаго общества“, въ

Гельсингфорсъ, поднялъ вопросъ объ изданіи произведеній народной поэзіи эстовъ. Финское литературное общество выразило желаніе принять на себя извѣстную часть расходовъ; точно такъ же Финско-угорское общество намѣревается издать на свой счетъ заклинательныхъ пѣсни. Пѣсни будутъ сопровождаться примѣчаніями на эстонскомъ языке; къ заклинательнымъ пѣснямъ будетъ приложенъ ихъ нѣмецкій переводъ. Изъ „Н.: 61.“ Вл. Г.

Д-ръ А. О. Хейкель єздилъ въ январѣ 1901 года въ Эстляндію. На средства, изысканныя съ капитала имени Аятеля, онъ приобрѣлъ для финляндскаго этнографического музея эстонскія народныя одежды; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ снялъ фотографіи съ предметовъ ирисовалъ узоры на одеждахъ, покрывалахъ и поясахъ; то же самое онъ сдѣлалъ въ Ригѣ съ предметами латышской этнографіи, которая представляетъ много точекъ соприкосновенія съ финской этнографіей. Изъ „Finn. Ugr. Forsch.“ Вл. Г.

Финское литературное общество поручило доктору К. Гротенфельту издать сборникъ рунъ сетукесовъ,—эстонского племени, живущаго въ Псковской губ. Сборникъ пожертвованъ Обществу докторомъ I. Хуртомъ. Изъ „Н.: 61.“ Вл. Г.

Извѣстный эстонский публицистъ, докторъ К. А. Германнъ недавно праздновалъ 50-лѣтіе со дня своего рождения. Мѣстные газеты посвятили ему рядъ сочувственныхъ статей, въ которыхъ опредѣляютъ его значеніе. Такъ, одна нѣмецкая газета пишеть: „среди эстовъ, подвизающихся на общественной службѣ, едва ли найдется еще кто—другой, чья дѣятельность внушала бы такое уваженіе и была бы такъ разностороння, какъ дѣятельность д-ра Германна. Эстонская литература многимъ ему обязана, такъ какъ онъ, между прочимъ, былъ авторомъ эстонской грамматики; онъ преобразовалъ еженедѣльную газету „Postimies“, въ ежедневный органъ печати который вачаль оберегать интересы эстонского племени. Съ его именемъ связывается также память о большихъ эстонскихъ пѣвческихъ празднествахъ, пробудившихъ среди эстовъ глубокій интересъ къ музыке. Наконецъ, д-ръ Германнъ много работалъ и руководилъ различными эстонскими обществами, имъ же основанными“.

Изъ „Н.: 61.“ Вл. Г.

Иванъ Николаевичъ Ждановъ.

(некрологъ).

11-го юля текущаго года скончался въ Алупкѣ академикъ И. Н. Ждановъ, авторъ ряда цѣнныxъ трудовъ въ области старинной и новой русской литературы и народнаго эпоса.

И. Н., сынъ священника, родился въ Шенкурскѣ въ 1846 г., учился въ Архангельской духовной семинарии, по окончаніи курса которой поступилъ въ С. Петербургскую духовную академію, а оттуда съ третьаго курса перешель въ С. Петербургскій университетъ, на историко-филологический факультетъ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1872 г. Оставленный при университете по каѳедрѣ русской литературы, И. Н. въ 1878 г. защищалъ диссертацию (*pro venia legendi*) „Материалы для истории Стоглаваго собора“ (напечат. въ Ж. М. Н. Г. 1876, юль и августъ) и получилъ званіе приватъ-доцента. Съ 1879 по 1882 г. Ждановъ былъ приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ исторіи русской словесности при университете св. Владимира въ Кіевѣ, откуда перешелъ въ С. Петербургъ и. д. экстра-ординарного профессора въ Историко-филологическомъ институтѣ. Съ этого времени (1882 г.) вся оставльная преподавательская дѣятельность И. Н. Жданова протекла въ Петербургѣ. Одновременно съ преподаваніемъ въ институтѣ онъ занималъ каѳедру русской литературы въ Александровскомъ Лицѣ, читалъ лекціи на высшихъ женскихъ курсахъ, а съ 1896 года занялъ каѳедру русской словесности въ С. Петербургскомъ университете въ званіи ординарного профессора. Въ 1899 году Ждановъ былъ избранъ ординарнымъ академикомъ И. Академ. Наукъ.

Общее свойство трудовъ покойнаго академика—щательность изслѣдованія, богатство матеріала, всестороннее его освѣщеніе и изящество въ изложеніи. Таковы его работы въ области старинной русской литературы: „Русская поэзія въ до-монгольскую эпоху“ (Кіевск. Универ. извѣст. 1879), „Церковно-земскій соборъ 1551 года“ (Истор. Вѣсты. 1880), „Литература Слова о Полку Игоревѣ“ (Кіев. Унив. изв. 1880), „Палея“ (тамъ же 1881). Изъ статей, посвященныхъ исторіи русской литературы XVIII и XIX в., всегда освѣщающихъ предметъ съ новыхъ точекъ зренія, отмѣтимъ этюды: о Фонвизинѣ (въ Словарѣ Русск. Ист. Общества),

о „Русалкѣ“ Пушкина („Русалка“ Пушкина и „Das Donauweibchen“ Генслера. Спб. 1900), о драмѣ Пушкина „Борисъ Годуновъ“ (Спб. 1892), „Пушкинъ о Петрѣ Великомъ“ (Спб. 1900) „Памяти В. Г. Бѣлинскаго“ (Спб. 1900) и др. Но особенный интересъ для любителей и изслѣдователей русской народной словесности представляютъ труды И. Н. въ этой области, его магистерская и докторская диссертaciи. Чуждый увлечений нашей мифологической школы, Ждановъ, идя по слѣдамъ А. Н. Веселовскаго, къ разработкѣ памятниковъ русского эпического творчества прилагалъ тотъ же историко-сравнительный методъ и останавливался на вопросѣ о вліяніи книжной словесности на народную. Въ своей магистерской диссертaciи „Къ литературной исторiи русской быловой поэзiи“ (Кievъ 1881 г.) онъ разбираетъ три памятника: „Пренiе живота со смертью“, стихъ обь Аникѣ Воинѣ и былины о Самсонѣ и Святогорѣ—памятники, повидимому, имѣющiе мало общаго между собой въ основѣ. Но связь между ними открывается тогда, когда мы обратимъ вниманiе на факты ихъ позднѣйшей литературной исторiи. „Пренiе живота со смертью“ оказалось несомнѣнное вліяніе на стихъ обь Аникѣ Воинѣ. Народные пѣвцы, какъ доказываетъ авторъ, вносили въ стихъ то, что узнавали изъ „Пренiя“. Даѣше: въ нѣкоторыхъ спискахъ „Пренiя“ встрѣчается указанiе на Самсона сильнаго, которому приписывается похвальба перевернуть весь свѣтъ. Та же похвальба повторяется потомъ въ нѣсколькихъ памятникахъ: въ стихѣ обь Аникѣ Воинѣ, въ былинахъ о Самсонѣ и Святогорѣ, въ нѣкоторыхъ пересказахъ былины обь Ильѣ Муромцѣ. Съ похвальбой же повернуть землю въ народной поэзiи связывается разсказъ о подниманiи земной тяги. Этотъ разсказъ опять находимъ и въ стихѣ обь Аникѣ, и въ былинахъ о Самсонѣ и Святогорѣ. Такимъ образомъ памятники первоначально разнородные сближаются и объединяются общностью эпизодовъ и подробностей. Развѣясненiе ихъ взаимныхъ отношенiй и составляеть содержанiе диссертaciи И. Н. Жданова, среди приложенiй къ которой находимъ въ видѣ экскурса сопоставленiе былины о Дюкѣ Степановичѣ со сказанiемъ о Дигенисѣ Акритѣ (впрочемъ неубѣдительное). Изслѣдованiе представляетъ главнымъ образомъ интересъ для характеристики звачительного вліянія памятниковъ письменности на устную словесность, и литературного общенiя между книжнымъ и некниж-

нымъ людомъ: такъ былина о Самсонѣ-Святогорѣ восходитъ отчасти къ апокрифическому сказавію о Самсонѣ, стихъ объ Анакѣ отчасти къ одному переводному нѣмецкому поучительному діалогу. Эти разысканія Жданова въ свое время были новымъ словомъ въ приемахъ разработки русской быловой пѣсни. Къ достоинствамъ его работы, вызвавшей критическую статью акад. А. И. Веселонскаго, не раздѣлявшаго взгляды Жданова въ отдѣльныхъ случаяхъ, относится полнота материаловъ, критическое къ нимъ отношеніе и ясность изложенія. Еще болѣе цѣнныи вкладъ въ разработку нашего былового эпоса представляеть докторская диссертациія Жданова, вышедшая въ 1895 г. подъ заглавіемъ: „Русскій быловой эпосъ, изслѣдованія и материалы“. Авторъ собралъ въ этомъ обширномъ трудѣ (стр. XII-†-631) въ переработанномъ видѣ нѣкоторыя свои раньше напечатанныя статьи (Повѣсти о Вавилонѣ и „Сказаніе о князяхъ Владимировскихъ“, Повѣсти объ Александрѣ и Людовикѣ и былина: „Неразсказанный сонъ“, Василий Буслаевичъ и Волхъ Всеславьевичъ, Пѣсни о князѣ Романѣ, Пѣсни о князѣ Михаилѣ) и издалъ въ приложениіи къ нимъ рядъ интересныхъ памятниковъ старинной русской литературы. Авторъ обнаруживаетъ обширное знакомство съ западными средневѣковыми памятниками и является отличнымъ знатокомъ русского былового эпоса и старинной книжной литературы. Специальная критика указывала, напр., на неубѣдительность сопоставленія Василия Буслаева съ Робертомъ діаволомъ, на излишнее увлечение исторической стороной въ пѣсняхъ о князѣ Романѣ и проч. Но нѣкоторыя увлечения, вызванныя желаніемъ дать всестороннее разясненіе разбираемымъ памятникамъ народной словесности, искупаются обилиемъ и интересомъ нового материала, пущенного авторомъ въ научный оборотъ, тщательностью и детальностью разработки, подкупаящимъ остроуміемъ въ комбинаціяхъ и прекраснымъ литературнымъ изложеніемъ. Особенно цѣнныи представляется историческій комментарій къ былинамъ о Василии Буслаевѣ, не теряющій своего значенія, даже если мы не согласимся съ гипотезой автора о происхожденіи фабулы былины...

Обширная эрудиція и критический такъ позволяли ожидать еще многихъ цѣнныхъ трудовъ отъ даровитаго изслѣдователя, и преждевременная смерть его представляеть тяжелую утрату для русской науки.

B. M.

О П Е Ч А Т К И.

Въ статьѣ И. Гидулянова „Сословно-поземельный вопросъ и ряйтская за-
висимость въ Дагестанѣ“. („Этн. Обозр.“ кн. XLVIII, 1901, № 1):

Страница	Строка сверху	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
2	27	назадъ	ва западъ
"	1 прим. 3	примѣчаніе 3	примѣчаніе 4
"	1 прим. 4	* 4	* 3
6	7 прим. 2	1897 г.	1797 г.
8	1 прим. 1	персидское	лезгинское
"	1 прим. 3	Законы	Законъ
10	8	крупныя	болѣе крупныя
"	2 прим. 3	адаты	адать
12	3	съ оговоркой (<i>mutatis mutandis</i> съ оговоркой <i>mutandis</i>)	
"	7	XIII в.	VIII в.
"	1 прим. 4	Les prairies	prairies
"	2 прим. 7	жидами	изидами
14	3 прим. 3	п. I, 79	т. I, 79
"	3 прим. 4	привадлежали	пригадлежавъ
"	24	Хлебелъ	Хлебеляль
15	13	Кубамо	Кубалю
"	14	б ословъ	б ословъ
16	17	Дагестанскіе	дагестанскіе
18	4 прим. 2	выбирается	выбирался
"	6 прим. 2	дударахскій	дударахскій
"	9 прим. 2	Усита	Усиша
"	" "	Кораки	Хюраки
"	18	караги-беками	карачи-беками
"	19	Шикарты	Ишкарты
"	"	Эрнели	Эрпели
19	2	массумомъ	маасумомъ
"	"	казикумыхскимъ	казикумухскимъ
"	1 прим. 3	мехтулинские	мехтулинскіе
20	16	джаматъ	джамаатъ
21	14 прим. 2	Мехгулы	Мехтулы
22	13	Гайшъ	Гапшъ
"	2 прим. 2	Гашъ	Гашъ
24	21	Сафи	Рафи
"	22	Зборы	сборы
25	4 прим. 2	изъ женитьбы	при женитьбѣ
27	15	чагаръ	сборовъ съ чагаръ
"	1 прим. 1	Кубагахъ	Кубачахъ
30	6 прим. 1	Шикарты	Ишкарты
33	9	Казъ	Кахъ
34	18	членовъ	членами